

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Отделение историко-филологических наук

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Журнал основан в январе 1952 года

Выходит 6 раз в год

4

ИЮЛЬ — АВГУСТ

«Наука»

Москва

2017

Главный редактор:

В. А. Плунгян д. ф. н., проф., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Зам. главного редактора:

Н. Б. Вахтин д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Европейский университет в Санкт-Петербурге; Институт лингвистических исследований РАН
В. И. Подлеская д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет

Редколлегия:

В. М. Алпатов д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН
Ю. Д. Апресян д. ф. н., проф., академик РАН, Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
И. М. Богуславский д. ф. н., проф., Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Мадридский политехнический университет, Испания
М. Д. Воейкова д. ф. н., Институт лингвистических исследований РАН
Т. В. Гамкрелидзе д. ф. н., академик РАН, Тбилисский университет, Грузия
В. З. Демьянков д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН
Д. О. Добровольский д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
В. А. Дыбо д. ф. н., академик РАН, Институт славяноведения РАН
А. Ф. Журавлёв д. ф. н., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Вяч. Вс. Иванов д. ф. н., проф., академик РАН, Институт славяноведения РАН; Калифорнийский университет, США
Н. Н. Казанский д. ф. н., проф., академик РАН, Институт лингвистических исследований РАН
Г. И. Кустова д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
А. М. Молдован д. ф. н., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
М. С. Полинская Ph.D., проф., Мэрилендский университет, США
Е. В. Рахилина д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Я. Г. Тестелец д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет; Институт языкознания РАН

Зав. отделами: А. С. Кулева, А. В. Кухто, З. Ю. Петрова

Зав. редакцией: Н. В. Ганнус

Статьи отбираются редколлегией журнала на основе анонимного независимого рецензирования.

Индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; De Gruyter Saur IBZ — Internationale Bibliographie der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Zeitschriftenliteratur; De Gruyter Saur Internationale Bibliographie der Rezensionen Geistes- und Sozialwissenschaftlicher Literatur; EBSCOhost Modern Language Association (MLA) International Bibliography; Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Gale MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest CSA Linguistics and Language Behavior Abstracts Cambridge Scientific Abstracts; ProQuest MLA International Bibliography Modern Language Association; Russian Science Citation Index (RSCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»

Телефон: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Сайт: <http://vja.ruslang.ru>
<http://issuesinlinguistics.ru>

© Российская академия наук, 2017

© ФГУП Издательство «Наука», 2017

© Составление. Редколлегия журнала «Вопросы языкознания», 2017

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Department of History and Philology

VOPROSY JAZYKOZNANIJA

(TOPICS IN THE STUDY OF LANGUAGE)

Founded in January 1952
6 issues per year

4
JULY — AUGUST

«Nauka»
Moscow
2017

Editor-in-chief:

Vladimir A. Plungian Vinogradov Russian Language Institute (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Assistant editors:

Vera I. Podlesskaya Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
 Nikolai B. Vakhtin European University at St. Petersburg; Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia

Editorial board:

Vladimir M. Alpatov Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Yury D. Apresjan Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS); Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Igor M. Boguslavsky Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS), Moscow, Russia; Universidad Politécnica de Madrid, Spain
 Valery Z. Demyankov Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Dmitriy O. Dobrovol'skij Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Vladimir A. Dybo Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia
 Tamaz V. Gamkrelidze University of Tbilisi, Georgia
 Vyacheslav Vs. Ivanov Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia; University of California (Los-Angeles), USA
 Nikolai N. Kazansky Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
 Galina I. Kustova Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Aleksandr M. Moldovan Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Maria Polinsky University of Maryland, College Park, USA
 Ekaterina V. Rakhilina National Research University Higher School of Economics; Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Yakov G. Testelests Russian State University for the Humanities; Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Mariia D. Voeikova Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
 Anatoly F. Zhuravlev Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editorial staff:

Anton V. Kukhto, Anna S. Kuleva, Zoya Yu. Petrova

Managing editor:

Nataliia V. Gannus

Articles are selected by the editorial board on the basis of anonymous double-blind independent peer review process.

Abstracting/Indexing: Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; De Gruyter Saur IBZ — Internationale Bibliographie der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Zeitschriftenliteratur; De Gruyter Saur Internationale Bibliographie der Rezensionen Geistes- und Sozialwissenschaftlicher Literatur; EBSCOhost Modern Language Association (MLA) International Bibliography; Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Gale MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest CSA Linguistics and Language Behavior Abstracts Cambridge Scientific Abstracts; ProQuest MLA International Bibliography Modern Language Association; Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs); Russian Science Citation Index (RSCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Address: «Voprosy Jazykoznanija», editorial office, Vinogradov Institute of the Russian Language, Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Website: <http://vja.ruslang.ru>

<http://issuesinlinguistics.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

А. А. Гиппиус, А. А. Зализняк, Е. В. Торопова. Берестяные грамоты из раскопок 2016 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе.....	7
П. В. Гращенков. Как нарушить три запрета: немного о русских глаголах на <i>сам-...-ся</i> ...	25
Т. В. Крылова. <i>Горе от ума</i> : оценка ума в русской языковой картине мира.....	33
Е. Э. Разлогова. Стандартные и нестандартные варианты перевода.....	52
Т. И. Бондаренко. Две аспектуальные подсистемы в грузинском языке	74

Обзоры

М. В. KONOSHENKO. Tone in grammar: What we already know and what we still don't?.....	101
Т. О. Шаврина. Методы обнаружения и исправления опечаток: исторический обзор....	115

Рецензии

М. Я. ДЫМАРСКИЙ. <i>А. В. Циммерлинг</i> . Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте. М.: Языки славянских культур, 2013	135
П. М. АРКАДЬЕВ. <i>А. D. Sims</i> . Inflectional defectiveness. Cambridge: Cambridge University Press, 2015	145
А. А. ПЛОТНИКОВА. <i>А. Н. Соболев, А. А. Новик</i> (ред.). Голо Бордо (Gollobordë), Албания: из материалов балканской экспедиции РАН и СПбГУ 2008—2010 гг. СПб.: Наука; München: Verlag Otto Sagner, 2013.....	153

CONTENTS

Alexey A. GIPPIUS, Andrey A. ZALIZNYAK, Elena V. TOROPOVA. Birchbark letters from Novgorod and Staraya Russa excavations of 2016.....	7
Pavel V. GRASHCHENKOV. How to break three prohibitions at a time: Some remarks on Russian verbs with <i>sam-...-sja</i>	25
Tatyana V. KRYLOVA. <i>Woe from wit</i> : Intellect in Russian linguistic world image	33
Elena E. RAZLOGOVA. Standard and non-standard versions of translation.....	52
Tatiana I. BONDARENKO. Two aspectual subsystems of Georgian.....	74

Overviews

Maria B. KONOSHENKO. Tone in grammar: What we already know and what we still don't?... 101	
Tatiana O. SHAVRINA. Methods of misspelling detection and correction: A historical overview	115

Reviews

Michail Ya. DYMARSKY. <i>A. V. Zimmerling. Sistemy poryadka slov slavyanskikh yazykov v tipologicheskom aspekte</i> [Word order systems in Slavic against the typological background]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2013.....	135
Peter M. ARKADIEV. <i>A. D. Sims. Inflectional defectiveness</i> . Cambridge: Cambridge University Press, 2015	145
Anna A. PLOTNIKOVA (Moscow). <i>A. N. Sobolev, A. A. Novik</i> (eds.). <i>Golo Bordo</i> (Gollobordë), Albaniya: Iz materialov balkanskoi ekspeditsii RAN i SPbGU 2008—2010 gg. [Golo Bordo (Gollobordë), Albania: Selected materials from the 2008—2010 Balkan expeditions of RAS and SPbGU]. St. Petersburg: Nauka; München: Verlag Otto Sagner, 2013.....	153

БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ ИЗ РАСКОПОК 2016 г. В ВЕЛИКОМ НОВГОРОДЕ И СТАРОЙ РУССЕ*

© 2017

Алексей Алексеевич Гиппиус^{a, b, @},
Андрей Анатольевич Зализняк^b,
Елена Владимировна Торопова^c

^a Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 101000, Российская Федерация; ^b Институт славяноведения РАН, Москва, 119991, Российская Федерация; ^c Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, 173003, Российская Федерация; [@] agippius@mail.ru

Статья представляет собой предварительную публикацию берестяных грамот, найденных в Великом Новгороде и Старой Руссе в археологическом сезоне 2016 г.

Ключевые слова: берестяные грамоты, Новгород, Старая Русса.

BIRCHBARK LETTERS FROM NOVGOROD AND STARAYA RUSSA EXCAVATIONS OF 2016

Alexey A. Gippius^{a, b, @}, Andrey A. Zaliznyak^b, Elena V. Toropova^c

^a National Research University Higher School of Economics, Moscow, 101000, Russian Federation; ^b Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119991, Russian Federation; ^c Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, 173003, Russian Federation; [@] agippius@mail.ru

The article is a preliminary publication of the birchbark letters found in Novgorod and Staraya Russa during the archeological season of 2016.

Keywords: birchbark letters, Novgorod, Staraya Russa

1. Великий Новгород

В Великом Новгороде в сезоне 2016 г. на Троицком раскопе XV (руководитель работ А. М. Степанов) изучались напластования, предварительно датируемые 1-й пол. XIII в. В стенке южного профиля на уровне пласта +4, который датируется 1-й пол. XIV в., была найдена берестяная грамота № 1082.

На Троицком раскопе XVI (руководитель В. К. Сингх) изучались напластования, относящиеся к середине XIV в. На уровне пласта 3 прослежены два яруса усадебной застройки, погибшие в пожарах. Возможно, это пожары 1340 и 1360 гг., о которых сообщает летопись. Найдены грамоты № 1085 и 1086.

В 2016 г. продолжились охранные археологические раскопки на участке по ул. Славная, 22 — раскоп Нутный-IV (руководитель М. И. Петров). Площадь раскопа составила 360 кв. м. В ходе исследований было вскрыто около 3 м средневековых напластований,

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 16-04-00331 «Лингвистическое исследование и подготовка публикации берестяных грамот и надписей-граффити из раскопок 2012—2015 гг.».

в которых изучено 75 построек и 15 ярусов уличных настилов. Предварительная датировка отложений — 2-я пол. XI — 1-я пол. XIV в. В слоях XIV в. были найдены грамоты № 1081 и 1084, в слоях XII в. — грамоты № 1083 и 1087.

Продолжались также работы в центральной части Неревского конца Новгорода на раскопе Козмодемьянском-3 (руководитель О. М. Олейников). Площадь раскопа ныне достигла 1000 кв. м, мощность культурного слоя составляет 4 м. Влажные насыщенные органикой культурные напластования датируются первой половиной XI—XV в. На этом богатом берестяными грамотами раскопе, уже принесшем в 2015 г. восемь грамот (№ 1066—1073), в слоях XIV в. в феврале — апреле 2016 г. были найдены еще семь грамот: № 1074—1080.

В сентябре 2016 г. в южной части Славенского конца Новгорода на участке, отведенном под строительство (ул. Посольская, квартал 69), заложен Посольский раскоп (руководитель О. М. Олейников). Свое название раскоп получил от средневековой Посольской улицы, обнаруженной в шурфе в 20 м к северу от раскопа. Площадь раскопа — 64 кв. м, мощность культурного слоя достигает 4 м. Влажные насыщенные органикой культурные напластования датируются XI—XV вв. На раскопе найдены два фрагмента берестяной грамоты № 1088; их предварительная стратиграфическая датировка — XIII в.

В сентябре 2016 г. в центральной части Людина конца Новгорода на участке, отведенном под строительство, заложен также еще один раскоп — у дома 16 по ул. Троицкой (руководитель О. М. Олейников). Площадь раскопа — 120 кв. м, мощность культурного слоя достигает 4 м. Влажные насыщенные органикой культурные напластования датируются XI—XV вв. На раскопе найдена берестяная грамота № 1089, написанная чернилами; ее предварительная стратиграфическая датировка — 2-я пол. XIV в.

Принципы записи текста и комментирования такие же, как в предшествующих публикациях данной серии. Указанные при грамотах стратиграфические датировки носят предварительный характер.

№ 1074. Козмодемьянский-3 раскоп. Два фрагмента разорванной в древности грамоты. По-видимому, они должны составлять единую полоску от левого края до правого.

С наиболее вероятными конъектурами текст получает следующий вид:

...-ъ сынъ [ви]...
[к]а[к]о [и т]ы а нонь wsp... ..мъ поддиге
...

Стратиграфическая и внестратиграфическая дата: XIV в.

Документ представляет собой обрывок челобитной господину. Множественное число императива показывает, что господ в действительности было как минимум двое. Вторым из них (т. е. косвенным адресатом письма) мог быть человек, который упоминался во фразе, заканчивавшейся словами *како и ты*. Обращение в последней фразе допускает двоякую реконструкцию: *wspo(до)* — с эксплицитным переключением на двух адресатов; *wspo(дине)* — с сохранением коммуникативной перспективы первой части.

На -мъ могла заканчиваться, например, форма Д. п. личного имени (*Фомѣ*) или словосочетание с В. мн. типа *на хоромѣ*.

№ 1075. Найдена при наблюдениях за углублением старого канализационного колодца близ Козмодемьянского-3 раскопа. Два смыкающихся фрагмента, 6 строк. Справа обрез; утраченная правая часть содержала не менее 7 букв в каждой строке. Сверху старый обрыв, но утрат текста, по-видимому, практически нет.

Расположение текста необычно: он разделен на две неравные части вертикальной чертой, причем на левую часть приходится конец текста или приписка. Второе более вероятно, учитывая, что слева от черты читается законченная фраза. По-видимому, начиная основной текст письма с большим отступом от левого края, автор заранее планировал

разместить на образовавшемся поле дополнительное сообщение. Соблазнительно видеть в нем инструкцию посыльному, в задачу которого входило, во-первых, донести текст письма до адресата (возможно, зачитав его вслух) и, во-вторых, получить деньги с Фомки. Сходным образом устроены еще несколько берестяных документов, в частности, грамота № 997 — письмо от Негожира к Тешену, на обороте которого содержится предписание взять у Тешена гривну — явно адресованное посыльному.

Текст с некоторыми конъектурами:

а оу	приказъ ѿ ю(рьѧ к она)ѣ
фомѣ	ни.т. т за т...
ки вѣ	идоу ю .л. про[м](ысли) ...
зми	сака к с...
полтѣ	ъ полтин...
иноу .л.	дахта...
коуни	прода...

Стратиграфическая дата: XIV в.

Внестратиграфическая оценка: XIV в., предпочтительно 2-я половина.

Читается начало грамоты: **Приказъ от Ю(рьѧ)...** — и текст левого столбца: **а оу Фомки взми полтинуоу і коуни**. Из правой части можно извлечь (с разной степенью уверенности) только несколько фрагментов разрозненных слов: (**к Она**)ниі — вероятный адресат, **пром(ысли)**, **полтин(у)** [или **полтин(а)**], **прода(и)** [или **прода(ле)** и т. п.]. Возможно, имелась также словоформа (**И**)сака.

В сочетании *полтину і коуни* под «кунами», вероятно, следует понимать основную сумму долга — в противоположность процентам, составляющим полтину. В берестяных грамотах регулярным обозначением этого понятия выступает *истина*. Как связующее звено между понимаемыми таким образом «кунами» и «истиной» можно рассматривать сочетание *истыѣ куны*, которым в Уставной грамоте Ростислава Мстиславича Смоленской епископии [ДКУ: 141] обозначается собственно дань, без вир и продаж.

Судя по времени и месту, автором письма в принципе мог быть Юрий Онцифорович, который жил неподалеку (на одной из усадеб Козмодемьянской улицы Неревского раскопа); но никаких прямых свидетельств этого нет.

№ 1076. Найдена на стройке близ Козмодемьянского-3 раскопа при наблюдениях за прокладкой траншеи под коммуникации. Левая часть первых двух строк письма. Над второй строкой имеется небольшая вставка мелкими буквами.

Конец первой строки восстанавливается с высокой степенью надежности, начало второй строки — со значительной вероятностью. Приводим текст с конъектурами:

поклонъ ѿсподину ѧкову и ивану ѿ сирѣтъ что неси о[с]по[д]а[и](не пожаловалъ)
[д]о насъ
(ѧ)[они р]убельмо насъ тѣто рубль не дошелъ в[ъ]с[пр]о[с]и ѿсподине ...

Стратиграфическая дата: XIV в.

Внестратиграфическая оценка: 40—70-е гг. XIV в.

Перевод: 'Поклон господину Якову и Ивану от крестьян. Что до того, господин, что ты в прошлом году (?) пожаловал нас рублем, то до нас тот рубль не дошел. Допроси, господин, ...'. Вероятно, крестьяне просили, чтобы господин допросил об этом деле своего управляющего. Похожая ситуация с отправленным, но не доставленным по назначению рублем отражена датируемой чуть более ранним временем вологодской берестяной грамотой № 1 [Кукушкин и др. (в печати)].

Как отметила Е. А. Рыбина, Яков и Иван, по-видимому, те же, что автор и адресат грамоты № 30 (70-е — нач. 80-х гг. XIV в.), найденной 64 года назад на расположенной в непосредственной близости усадьбе В Неревского раскопа: *ѿ Якова къ Ювану. Что слышь*

ко мнѣ про серебро, то вѣдаю, аже ты дале серебро на собѣ. То вѣдаю, а иного не вѣдаю: како ли ты венилеса, како ли что дале юси рубль на собѣ.

№ 1077. Козмодемьянский-3 раскоп. Три фрагмента, из которых два верхних смыкаются и образуют основную часть документа, а нижний представляет собой его конец.

Грамота написана на внешней стороне коры.

во има Оца . и сѣа . и сѣто дѣа . се азъ рабъ бѣ . афанасъ пишу
рукописание . при своемъ животѣ . приказываю живо=
тѣ свои . сѣу . своему . ондрѣю . взати ми . оу оафоноса
оу дыака оу кузмодемьянско . полъ шести коробы
ко
ржи . оу ница полъ четвѣрти кобы ржи да є^т . овса . оу в о=
нисимка оу шадрина . ѿ . коробе ржи . оу степанка
оу комарова коробъ^а ржи . оу логзиновѣихъ дѣ^т . оу кудр^а=
нихъ коробыа . ржи . оу коста полъ гривни да нога=
коробыа оу дыда шуба бара[н]
та : оу зата оу кер^аолъ полтѣна . оу грѣшкѣ оу комара
ѿ . к[о](робеи ржи) ...

После разрыва:

... полт[ѣ]ну а дръ^а=

га за мною

Стратиграфическая дата: XIV в.

Внестратиграфическая оценка: конец XIV—XV в.

У писца много погрешностей, но он почти все заметил и исправил. В строке 1 в сѣто (вместо стго) переставлены буквы т и г; в пишу буквы шю образуют лигатуру. В строке 2 в рукописание буква и после п переправлена из а. В строке 3 в сѣу буква у переправлена из а; в оу оафоноса буква о после ф и после н переправлена из а (а перед ф остались оба конкурирующие варианта — о и а). В строке 4 в кузмодемьянско буква з втиснута потом; после кузм автор начал писать какую-то букву (возможно, ѣ), но переправил ее на о; буква я, по-видимому, переправлена из ю; над нык утрачен верхний слой бересты, на котором могло стоять надстрочное го или г. В строке 5 в кзыи пропущен слог ро (не исключено, что он был надписан над этим словом на утраченном участке верхнего слоя бересты); вместо овса по ошибке написано овса. В строке 6 в коробе не выражен конечный [j]. В строке 7 вместо коробыа ржи автор вначале написал коробыжи, но исправил это, надписав наверху я и втиснув букву р; в оу кудр автор, по-видимому, вначале написал оу кодр, а затем исправил о на у, просто приписав к букве о хвост. В строке 9 в кер^аолъ после о автор начал писать ѣ, но бросил и написал л. Во вставке над этой строкой в оу дыда (вместо давыда) пропущено а; у слова баран- последняя буква не уместилась или обрезана, а буква в в этом слове получилась очень похожей на в (но сомневаться в том, что имелось в виду именно в, невозможно). Что именно не уместилось, устанавливается не вполне определенно: это могло быть а, ѡ или з.

Это составленное по обычному канону завещание, точнее его черновик. Раб Божий Афанас завещает свое имущество сыну Андрею. В первой части документа перечисляется то, что наследнику предстоит взять у должников. Названы: кузмодемьянский дяк Афанас (Офонос), некто по прозвищу Конище, Онисимко Шадрин, Степанко Комаров, дети Логина Кудри, Кост, зять Ермола, Гришка Комар (вероятно, отец Степанка). Добавлен забытый вначале Давыд. Долги выражены в основном в коробях ржи и овса, но отчасти также и в деньгах; один раз долг состоит в бараньей шубе.

Во второй части документа перечислялись долги самого автора. От этой части сохранилось окончание фразы, в которой, очевидно, было сказано, что автор завещания вернул такому-то одну полтину долга, а вторая полтина осталась за ним.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 60-х гг. XIV в., предпочтительно кон. XIV — нач. XV в.

Перевод: 'Поклон от Смёна и его детей и от Моисея к Михею, Федору, Есифу и Юрию. Пошлите позовника за Вичком, за Иванцем Дроздовым и за Онцифоровым Иваном'. Позовник — служащий, посылаемый к кому-либо с объявлением о его вызове в суд.

Словоформа *позовникъ* в данном контексте в принципе может быть В. ед. (древнего типа) или В. мн. (нового типа, т. е. = Р. мн., но со старым окончанием -ъ, а не новым -овъ). Более вероятно первое.

Грамота обращена к группе административных лиц и содержит требование вызвать в суд трех человек, направив к ним для этого специального пристава — позовника. Судебная повестка, которую доставлял позовник, называлась *позовой грамотой* или *позовницей* [НГБ V: 39]. Грамота № 385 (2-я пол. XIV в.), содержащая просьбу озаботиться отправкой позовой грамоты (то есть сделать то же, о чем авторы грамоты № 1079 просят ее адресатов), обращена к посаднику — Онцифору Лукиничу, из чего видно, что позовник выступал как представитель высшей республиканской администрации Новгорода. В нашем случае адресатом является не посадник, а целая коллегия из четырех человек. О существовании в Новгороде такого коллегиального органа судебной власти из других источников до сих пор ничего известно не было. Имеется, впрочем, одно косвенное свидетельство, с которым необходимо сопоставить показание грамоты. В ганзейском документе 1337 г., недавно введенном в научный оборот П. В. Лукиным, говорится, что новгородские послы должны были по возвращении в Новгород выступить на вече перед «мудрейшими» (*die wisesten*). В новгородских источниках «мудрейшие» не упоминаются, зато они известны из описаний самой немецкой канторы в Новгороде, где, как указывает Лукин, «мудрейшими» «назывались четыре опытных советника старосты, которые помогали ему в управлении и суде» [Лукин 2014: 344]. В новгородских «мудрейших» Лукин склонен видеть боярскую верхушку Новгорода, упоминаемую в другом известном ганзейском документе 1331 г. как «300 золотых поясов» (*CCC guldene gordele*). Против этого, однако, говорит расхождение в порядке величин: естественно думать, что, применяя немецкую терминологию к новгородским реалиям, автор документа исходил из функционального и структурного подобия сопоставляемых институтов. Как видим, аналог судебно-административной «четверки», которую в Немецком дворе называли *die wisesten*, в Новгороде XIV в. действительно существовал. Аналогом старосты, которому члены этой четверки «помогали в управлении и суде», следует, видимо, считать не названного в грамоте посадника.

Новгородские «мудрейшие», как явствует из документа 1337 г., образовывали своего рода президиум веча и, разумеется, могли происходить лишь из известных боярских родов Новгорода. Если в комментируемой грамоте мы действительно имеем дело с ними, то по крайней мере часть ее адресатов должна находиться среди известных по летописным и актовым упоминаниям деятелей истории Новгорода конца XIV — начала XV в. Первый из адресатов проверку такой идентификацией не выдерживает: имя Михей не представлено в этот период ни в актах, ни в летописи. Но сочетание имен Федор, Есиф и Юрий действительно допускает отождествление с известными историческими фигурами, а именно посадниками Федором Тимофеевичем (1385—1386, †1421), Есифом Захарьиничем (1388, 1392—1394, †1409) или Есифом Фалалеевичем (1392—1397, †1397) и Юрием Онцифоровичем (1375, †1417) [Янин 2003: 504, 510—511]. Существенным аргументом в пользу такого отождествления является то, что эти люди представляли в посадничестве разные городские территории: Федор Тимофеевич — Славенский конец, Есиф Захарьинич — Плотницкий конец (и, возможно, также Прусскую улицу), Есиф Фалалеевич — Прусскую улицу, Юрий Онцифорович — Неревский конец. Для коллегиального органа общеновгородского уровня такая равномерность кончанского представительства кажется принципиально важной. Что же касается Михея, то его «неисторичность» не препятствует предлагаемому отождествлению: круг высшего новгородского боярства включал, конечно, и неизвестных летописи людей (сошлемся из более раннего времени на пример Петра Михалковича, который, будучи, несомненно, весьма влиятельной фигурой в Новгороде середины XII в., посадником не избирался и на страницы местной летописи не попал).

При предлагаемой идентификации адресатов грамоты ее историческая датировка определяется годами деятельности Есифа Захарьинича (1388—1409), сделавшегося посадником позже Федора Тимофеевича и Юрия Онцифоровича и умершего раньше их. Как видим, это именно тот период, которым грамота с наибольшей вероятностью датируется на основе внестратиграфической оценки.

Заметим, что в грамоте № 307 (2-я четв. XV в.), в которой фигурируют «лживые», подложные позовницы, они упоминаются вместе с такими же «лживыми» рукописаниями, то есть духовными грамотами, завещаниями. В связи с этим кажется глубоко не случайным, что грамота № 1079 найдена в одном археологическом контексте с фрагментами сразу двух духовных грамот (№ 1077, 1078). Не значит ли это, что оформление двух категорий документов находилось в ведении одной и той же административной инстанции, существовавшей при посаднике? Ср. также грамоту № 339/341 — черновик духовной, оформленной в виде письма посаднику [НГБ XII: 226].

Судя по времени и месту, Иван Онцифоров — скорее всего, один из сыновей Онцифора Лукинина (ранее историкам неизвестный).

Вичко — гипокористическое имя, вероятно, от *Викентии* или *Викуть*.

Из синтаксиса отметим безупречное соблюдение правила повторения предлога: *по Иванца по Дроздова* (когда прилагательное стоит после существительного), но *по Онцифорова Ивана* (когда оно стоит перед ним), см. [ДНД₂, § 4.10], пункты I и II А.

Самая удивительная особенность этой грамоты состоит в том, что в трех точках выступает странное Н вместо ожидаемого Ъ или И: к несифу, к нюрю. В грамоте имеется 6 бесспорных Н и 20 бесспорных И; у всех Н перекаладина идет четко вниз, у всех И перекаладина идет строго горизонтально, либо даже слегка поднимается вверх. У всех трех проблемных букв перекаладина идет четко вниз, так что счесть эти случаи за неточные начертания буквы И невозможно.

Возможны две гипотезы — к сожалению, обе предполагающие некоторое беспрецедентное или крайне редкое явление.

В первую очередь, можно предположить, что в грамоте отразился редчайший говор, где параллелизм *к яму, к ей, к им* = *к нему, к ней, к ним* аналогически распространился также на прочие случаи сочетания *к j-*, включая даже сочетания с участием заимствованных имен собственных.

Древнейшим примером появления таким путем неисконного начального *н* (в данном случае из сочетания с предлогом *вън*) является слово *нѣдро*, возникшее в ту эпоху, когда *јѣдро* еще не перешло в *ядро*. Вот яркий пример, демонстрирующий характер связи этих слов: *видѣнѣа не ѿстоупѣ ѣдра родѣтелева вѣнѣдрѣ мѣтернѣ* ‘не переставший видеть отцово недро в материнских недрах’ (РГБ, ф. 304.1, № 372. Октоих сер. XVI в., 56).

Можно предположить, что сходным образом возник также вариант *няма* Оренб., Вят., Перм. [СРНГ, 21: 332;] у слова *яма* — из *вън яму, вън ямѣ*. Но здесь в появлении начального *н* могло сыграть некоторую роль также влияние распространенного много шире слова *няша* [Там же: 336], у которого часть значений совпадает со значением слова *яма*.

Недостатком этой первой гипотезы является то, что *ню* в *рю* (вместо *рю*) таким образом не объясняется. Для этого написания необходимо искать какое-то отдельное, более частное объяснение.

Другая гипотеза состоит в том, что в грамоте отразился эффект диалектного перехода [j] после согласной в [н'] в некоторых пока еще точно не выясненных условиях.

Такой переход известен в украинском и чешском, но только после согласной *м*: ср. укр. диал. *мня́со* (< *mjáso*), *мнякѣй* (< *mjákyj*), *імня́* (< *imjá*) и т. п., чеш. [mn'esto] как вариант к [mjesto] (*město*) и т. п. Чисто фонетический характер этого перехода очевиден: направление изменения определено назальностью фонемы /м/.

Некоторое число примеров с *мн* отмечено и в русских говорах:

скамня́ ‘козлы для пилки дров’ Иркут., ср. *ска́мья* ‘то же, что *скамня́*’ Арх.; ср. также *скамля́* ‘ска́мья’ Новг., Петерб., Олон. [СРНГ, 37: 384];

ска́мница ‘ска́мья’ Юго-зап., ср. *ска́мьница* ‘ска́мья’ Смол., Орл. [Там же: 384];

семни́шка Иркут., ср. *семьи́шко* ‘семья’ Иркут. [Там же: 159].

Но есть и примеры, где такой же эффект наблюдается после других согласных:

ув ульне (‘в улье’) *пчел много* Смол. [СРНГ, 47: 122];

враснё ‘ложь, неправда’ Арх. [СРНГ, 5: 187]; также *врасня* ‘лгун, враль’ Арх., ср. *врасья* (и *врасья*) ‘лгун, лгунья’ Волог., Север. [Там же: 188]. Понятно, что недостающий член этой группы слов — вариант *врасьё* ‘враньё’ — не встретился наблюдателю лишь случайно.

Чисто фонетический характер перехода в *ульне* и *враснё* тоже очевиден.

Другая группа примеров такова:

кутня ‘кутья’ Ряз. [СРНГ, 16: 172];

кельня (и *кёлна*) ‘келья’ Смол. [СРНГ, 13: 179];

оладня ‘олады’ Том. [СРНГ, 23: 181];

бадня ‘кадка, выдолбленная из целого ствола’ Терск. [СРНГ, 2: 39], ср. *бадья* ‘выдолбленная из дерева посудина, кадушка для хранения припасов’ Арх., Уфим., Перм., Челябин., Том., Оренб. [Там же: 41].

Здесь ситуация сложнее, поскольку можно предполагать влияние суффикса *-ня*. Существенно, однако, что в словах этой группы (кроме *оладья*) *j* — это не суффикс (соответствующие корни в русском языке неизвестны), т. е. замена *-ja* на *-ня* — это не мена суффиксов. И это не замена произвольной мягкой согласной на конце основы + *-а* на суффиксоподобное *-ня*: никаких примеров аналогичной замены *-ря*, *-дя*, *-тя*, *-зя*, *-ся* на *-ня* нет. Это значит, что и здесь в основе изменения лежит именно фонетический переход *j* в *н* (хотя, быть может, и поддержанный возникающим сходством с суффиксом *-ня*).

Вариант *Юрни* (из *Юрьи*) имени *Юрий* оставил следы в виде антропонимов и топонимов: это фамилия *Юрнев*, пустошь *Юрнино* [НПК, VI: 34] и современная деревня *Юрнево* Пошехонского района Ярославской обл.

Сильной стороной этой второй гипотезы является то, что все три примера странного *н* в настоящей грамоте объясняются единой причиной.

В то же время в грамоте есть и пример, где *j* после согласной сохранен: *ѿ него дѣтеи*. Не исключено, правда, что это просто орфографическое клише, часто представленное в письмах и хорошо известное писавшему. С другой стороны, переход *j* в *н* мог происходить в данном говоре, например, лишь после заднеязычных и мягких согласных, тогда как в сочетании *от jeho* (в отличие от *кутья* или *бадья*) согласная перед *j*, как и в современном языке, была твердой. Мог он быть и просто факультативным. Однозначно решить этот вопрос на столь ограниченном материале невозможно.

№ 1080. Козмодемьянский-3 раскоп. Это маленький фрагмент:

...[онъ]камъ
...ку[ц]ньжоно

Стратиграфическая дата: XIV в.

Надежно не выделяется никаких слов. Можно предположить, что в первой строке имела словоформа (ж)онькамъ, во второй — жоно(къ). Для отрезка *куцнь* решений, отвечающих графическим нормам эпохи, не видно. Не исключено, что перед нами записанное как одно фонетическое слово сочетание (ка)к учне ‘как начнет’; ср. в № 794: *ци ти пѣ[б]не князь купѣѣ надѣливати*.

№ 1081. Нутный-IV раскоп. Правая часть трех строк документа (и остаток еще одной строки):

... (с)[оц]кли [1] ...
... ѱ ѡлькси .ѱ. бѡлъ ѱ вилива
... ѡто в лембови бѡла ѱ дмитра
... ѱв ѡнѡдрѡ

Стратиграфическая дата: 1320-е — 1340-е гг.

Лембово — то же, что Лемболово, — селение во Всеволожском районе Ленинградской области, близ Чёртова озера. Вариант Лембово тоже представлен [Mullonen 2007: 146]. Название происходит от фин. *lempo* ‘чёрт’ (*-la* — обычный суффикс финских топонимов); это древнее значение сохранилось в названии озера.

Вилива, по-видимому, начало какого-то карельского имени (или просто Р. ед. от имени *Виливь*). (Можно было бы также предположить, что *увилива* — это начало не засвидетельствованного в древних текстах глагола *увиливати*, но, судя по структуре и характеру документа, это маловероятно.)

На *-ото* могла оканчиваться, например, словоформа (*лок*)*ото*; ср. 20 *локото хѣри* в № 130.

Значительный интерес представляет слово (*с*)*оцкли* ‘сочли, посчитали’ из **съчѣтли*, с рефлексом **tl* > *kl*; см. [ДНД₂, § 2.11]. Менее вероятны конъектуры (*роз*)*очкли*, (*ѡт*)*очкли* (вариант *оцкли* вообще отпадает, поскольку в грамоте начальное [о] имеет вид ѡ); но и они содержат тот же рефлекс.

№ 1082. Троицкий раскоп. Довольно большой лист бересты, подготовленный для письма, от которого заполнена только узенькая первая строка у самого верха листа:

уѡв ортимие уѡ посака три берковесеке

Стратиграфическая дата: 1-я пол. XIV в., предпочтительно 1326—1350 гг.

Фонема /у/ передается через *уѡ* — редкая особенность, отмеченная доньше только в небольшом числе грамот XII и XIII вв. В *берковесеке* графически передана мягкость [в'] и [с'] в конечном [-в'с'к'ѣ]. Окончание И.-В. мн. муж. (<ѣ) в этом слове — диалектное древненовгородское.

Перевод: ‘У Ортемьи-посака (или: Посака) три берковца [вероятно, соли]’.

Наибольший интерес представляет неизвестное ранее слово *посакъ*. Это явно то же слово, что современное диалектное [СРНГ, 30: 137] *посáк* ‘вор, мошенник’ Твер. Пск.; *посáк на посаку* ‘вор на воре’, ‘бродяга на бродяге’ Невель. Имеется также ряд родственных слов [Там же: 138]: *посáч* ‘босяк, оборванец’ Олон.; мн. ‘жулики, мошенники’ Калин.; ‘ловчак’ Латв. ССР; *посáчество* ‘бродяжничество, попрошайничество’ Олон.; *посáчить* ‘попрошайничать, собирать милостыню’ Олон. В интернете отмечены люди с фамилией *Посаков* (а также *Посачев*), откуда видно, что такое прозвище существовало.

Слова *посáк* и *посáч* выглядят как производные от корня *пос-*, но такого корня обнаружить нигде не удается.

Очевидно, слово *посакъ* образовано иначе. Источником здесь является слово *посадъ* в его дурных коннотациях: ‘место, где живут не по-крестьянски, бездельничают, пьянствуют, жульничают, воруют’ (= «город как зло»). Вот свидетельства: *посáдский* — ‘жулик’ Рыбинск., ‘босяк, человек без определенных занятий’ Петрогр., Арх., ‘пропавший человек, выпивоха’ Лодейное Поле [СРНГ, 30: 136]. В таком же значении (*Что ты ходишь как посадский!*) это слово записано в д. Груздиха Холмского р-на Новгородской области (у Серафимы Степановны Мироновой, 1900 г. рождения).

Литературный пример из [НКРЯ]: *Мы дошли до ночлежного дома. Сели на скамью. Около нас очутились **посадские**, нищebroдная братия, босяки, пьяницы и, может быть, воры и губители* (В. А. Никифоров-Волгин. Отдание Пасхи).

Другое важное свидетельство: *Лет двадцать — двадцать пять назад в Западной Руси слова «хулиган» не существовало, было слово «посадский». В посадах, в слободах оседали люди, вышедшие за пределы классов, не дошедшие до городской черты или перешедшие ее. Городские девушки, во всем подходившие под понятие мещанок, говорили: «Я за него не пойду, он посадский»* (Ю. Н. Тынянов. Из записных книжек. «Новый мир», 1966, № 8; указано Г. Идельсоном).

Словарь русских говоров Карелии [СРГК, 5: 88]: *посадиé* собир. ‘молодежь’. *Посадиé гуляет, говорили: «Гуляй, посадиé, не унывай». Так молодёжь называли.* Тихв.

Ср.: *поса́дничать* ‘бродяжничать и заниматься воровством’ Невель, с примером: *Идет в посаки, а сам грамотный, что, работы нет? Посадничать пошёл...* [СРНГ, 30: 135]. Это тот же самый Невель, где записано *поса́к на посаку́*. Приведенный пример — нагляднейшее свидетельство прямой связи слова *поса́к* с глаголом *поса́дничать* и тем самым со всей указанной группой производных от *поса́дь*.

Отсюда мы можем заключить, что слово *посакъ* получено усечением слова *посадский* и добавлением суффикса *-ак-ъ*, то есть с помощью того же словообразовательного механизма, что, например, в *лошак* от *лошадь*, *Ермак* от *Ермолай*, *мастак* от *мастер*, *маклак* от *маклер*, просторечное *видак* от *видеомагнитофон*, жаргонное *следак* от *следователь*.

Суффикс *-ак* часто выступает при корнях с отрицательными значениями (*дура́к, проста́к, бося́к, пошла́к, ве́дьма́к, леша́к* и т. п.); а при нейтральных корнях он обычно придает слову фамильярный или просторечный характер (*маста́к, лева́к, червя́к, меда́к, пята́к, тройа́к* и т. п.). Заметим, что слово *рыбак*, которое ныне стилистически нейтрально, фиксируется в письменных источниках весьма поздно (со 2-й пол. XVII в.), в отличие от слов *рыболовъ, рыболовецъ, рыба́рь, рыба́ть*. Можно предполагать, что первоначально это было фамильярное наименование рыболова.

Следует учитывать, конечно, что необязательно слово *посакъ* уже в момент своего рождения было заряжено тем сильным отрицательным смыслом, который свидетельствуется ныне. Первоначально это мог быть просто разговорный эквивалент к слову *посадский* с некоторой окраской фамильярности.

Это значит, что для настоящей грамоты мы должны признать две возможности: что в ней фигурирует Ортемья по прозвищу Посак, т. е. ‘бродяга’ (и т. п.) или просто Ортемья-посадский, где социальный статус обозначен несколько фамильярным способом. С тем фактом, что у Ортемьи имеется три берковца, т. е. 30 пудов, соли (или иного товара), по-видимому, лучше согласуется второе решение.

Тот же механизм усечения основы *посад-* при образовании суффиксального производного демонстрирует прозвище новгородского посадника XV в. Григория Кирилловича *Посахно*. Поскольку в данном случае усечению, несомненно, подверглось слово *посадникъ*, в принципе, и *посакъ* можно было бы считать образованным от него. Однако очевидная смысловая связь диалектного *посак* с *посадский* делает эту гипотезу излишней.

№ 1083. Нутный-IV раскоп. Целое письмо из пяти строк.

+ ѿ радила къ радонѣгоу дѣла=
и цепи дъвои обои ладнѣ не моу=
та мѣди розвѣса намъ ти по=
жигати добръ нынѣ къ сва=
тъкоу двѣръдо

В последней строке *двѣръдо* вместо *твѣръдо* — предвосхищение д.

Стратиграфическая дата: 2-я пол. XII — начало XIII в.

Внестратиграфическая оценка: XII в., предпочтительно 20-е — 70-е гг.

Письмо представляет собой распоряжение мастера-ювелира своему подмастерью приступить к работе по изготовлению двух цепей. Автор указывает, что работу предстоит выполнить высококачественно и строго к сроку. Упоминание технологических приемов ювелирного производства делает грамоту уникальным источником по истории древнерусского ремесла.

Судя по сходству имен, автор и адресат могут быть братьями; в этом случае автор, вероятно, старший брат.

Перевод: ‘От Радилы к Радонегу. Делай две цепи, развесив [сырье] поровну между обеими, не примешивая меди — нам [предстоит] плавить добротнo. Теперь [уж] к празднику твердо’.

Используемый для изделий металл всегда содержит небольшой процент примесей. Так, золото или серебро содержит некоторый процент меди и других металлов (без примесей

оба драгоценных металла были бы слишком мягкими). Медь может содержать примеси, в частности, олова и свинца. При составлении нового сплава мастер подбирает такое соотношение ингредиентов, которое должно обеспечить желаемые качества сплава (цвет, твердость и др.)¹.

Понимание смысла распоряжения Радила зависит от значения глагола *мутити*. Его современное значение — ‘делать мутным, менее ярким’. Но в древности этот глагол, будучи каузативом от *масти*, *мастиса*, явно имел значение более физического характера (‘встряхивать’, ‘взбалтывать’, ‘размешивать’); это значение сохранилось донныне в производном *мутовъ*, *мутовка* (др.-русс. *въ мутьви* ‘в мутовке’). Ср. санскр. *manthati* ‘трясет’, ‘взбалтывает’, ‘размешивает’ (каузатив *manthayati*), *manthā* ‘мутовка’.

Если бы в грамоте глагол был употреблен в первом, современном значении, распоряжение состояло бы в том, чтобы не добавлять в медь примесей, которые ослабят ее яркость. Если же значение древнее, смысл получается иной: не примешивать меди в золото или серебро. Лингвистически два варианта равновероятны, однако с содержательной точки зрения бесспорно предпочтительным нужно признать второй. Яркость меди, металла недрагоценного, вряд ли стала бы заботить мастера; напротив, качество серебра и золота, определяемое содержанием в них примесей, безусловно было предметом такой заботы и даже делом чести. В XVII в. московские серебрянники, вступая в торговый ряд, давали обязательство *в серебро медь и свинцу не мешать* [Кулишер 2003: 98] (параллель указана М. И. Петровым).

В пользу такого толкования свидетельствует и глагол *пожигати*, обозначавший не просто процесс плавки, но особую технологию очистки драгоценных металлов — так называемое купелирование, производившееся путем плавления серебра с добавлением свинца и золота с добавлением сурьмы (окисляясь, свинец и сурьма отделяются от металла вместе с примесями)². До сих пор древнейшей фиксацией этого значения был пример из смоленской грамоты 1229 г.: *аже латинескии дать серебро пожигати, дати ѣму ѿ гривны серебра коуна смольнескаа* [СГ: 24] (списки А, В, С готландской редакции договора; в списках рижской редакции D, E, F вместо *пожигати* читается *плавити*). Прошедшее такую очистку серебро и золото называлось «жженым» [СДРЯ, 3: 385], а также «добрым» (ср. *злата доброго зженого почку* [Гренберг 1995, 1: 144]). Соответственно, выражение *пожигати добръ* следует понимать как ‘плавить так, чтобы получился ‘добрый’ металл’, т. е. ‘высококачественно, доботно’. При таком специально-технологическом понимании этого сочетания распоряжение не примешивать медь при развеске сырья выглядит естественным — путем купелирования пробу драгоценного металла предстояло повысить, освободив его от примесей, в том числе и от меди.

Оборот *обои ладнь ... розвѣса* (где *ладнь* — это второй винительный) следует понимать как предписание распределить сырье таким образом, чтобы цепи вышли одинаковыми по весу. Поскольку это предписание не сопровождается конкретным указанием веса, возможно, что сырье (серебряная или золотая «ветошь») было передано вместе с грамотой.

Слово *цепи* первоначально употреблялось как *plurale tantum* в том же значении, что позднее ед. число *цель* (*цѣль*). Оно было подобно в этом отношении словам *бусы*, *четки*, где мн. число вызвано тем, что предмет состоит из звеньев. Вот некоторые примеры из [НКРЯ], где это непосредственно видно: ... *сняша с него вериги, и не хотяща ему, и сковаши в них чепи ко кресту* (Житие Кассиана Босого, 1550—1568); *А людье быюще Михалѣ отторгоша*

¹ Приносим благодарность Н. В. Ениосовой, специалисту по средневековому ювелирному делу, за разъяснение отразившихся в грамоте технологических деталей.

² Главным средневековым источником, содержащим описание этого процесса, является трактат пре-свитера Феофила «О различных искусствах» («De diversis artibus»), созданный в Германии в начале XII в., то есть практически современный комментируемой грамоте. Аналогичные инструкции известны и на восточнославянской почве, в частности в виде статьи *Указ, как плавить серебро недоброе ветошь на знезде костяном*, читаемой в составе сборников и иконописных подлинников XVI—XVIII вв. [Гренберг 1995, 1: 149, 257; 2: 199].

с него **крестъ и чепи** золоты (Московский летописный свод, 1560—1570); ...на не^е **кръ^е и чепи** в гри^ену золота (Суздальская летопись). Соответственно, при счете здесь выступают числительные *двои, трои, пятеры* и т. п., например: *двои чепи въ 2 рѣблѣ съ хтѣмъ* в грамоте № 138, *трои чепи снѣше золоты* (Галицкая летопись).

В форме В. мн. жен. *ладьнѣ* представлено др.-новг. диалектное окончание *-ѣ*.

Важный факт древненовгородской морфологии составляет окончание *-и* (а не *-ѣ*) в В. мн. жен. *дѣвои* и *обои*. Это *-и* не из прежнего *-ѣ*, оно имеет собственно морфологический источник; это видно из того, что все исконные *ѣ* в грамоте сохранены (*ладьнѣ, добръ, мѣди, розвѣса, Радонѣгоу, дѣлаи*; за написанием *чепи* стоит *<чепи>*, с отражением цоканья).

№ 1084. Нутный-IV раскоп, мостовая. Документ из двух фрагментов. Правый край цел; слева, видимо, обрезано; верхний край, возможно, исконный; низ оборван.

Грамота написана тем же почерком, что № 1081.

... марка .ѣ. бѣлѣ
...[л]ици .ѣ. бѣли
...ла . ѣ павшици
...или бѣла ѣ [р]а-|...

Стратиграфическая дата: 1310-е — 1320-е гг.

В *у Павшици* либо представлено уменьшительное имя *Павшица* (от гипокористического *Павша*), либо это ‘у Павшичей’, т. е. детей (или потомков) Павши; ср. *оу Данешиници* ‘у Данышиничей’ в № 219, где конечное *-ици* стоит либо вместо *<ичь>*, либо вместо *<ичици>*, см. [ДНД: 441].

№ 1085. Троицкий раскоп. Запись, состоящая всего из одного слова.

покушаю

Стратиграфическая дата: середина XIV в.

Это целый документ — проба пера. Перевод: ‘Пробую’.

Ср. грамоту № 702 точно такого же содержания: *покѣшати* (= *покѣшати*).

Такое же варьирование форм 1 л. и инфинитива демонстрируют записи книжных писцов XIV в.: *Покушаю пера. Покушаю* (Паремейник, РГАДА, ф. 381 № 62, л. 120); *Покушати чернила* (Пролог, РГАДА, ф. 381, № 177, л. 51 об.); *Покушаю пера и чернила* (Паремейник, РГАДА, ф. 381, № 5, л. 101) и др. [Столярова 2000: 233, 390, 399]. Использование на бересте этих стандартных для книжной письменности проб пера — явное свидетельство работы профессионалов.

Найден также другой фрагмент той же бересты: на га ѣко.

По-видимому, это тоже пробы пера, но на этот раз никакой законченной фразы нет — это отдельные слова (возможно, недописанные).

№ 1086. Троицкий раскоп. Два смыкающихся фрагмента.

Приводим текст с конъектурами:

... (пше)^е
нкѣ съмо : кадь . а толока . гоши[ти] (...) (до св)^е
[А]т[окъ]

Стратиграфическая дата: середина XIV в.

Перевод: ‘... (пришлите [?]) сюда кадь пшеницы (*менее вероятно*: проса). А толоку устроить [предстоит] до святок (*или*: на праздник)’.

Толока (или *помочь*) — однодневная коллективная работа всем селом над стройкой или уборкой урожая у одного из односельчан, после которой он выставляет угощение для всех работавших.

Гошити — ‘готовить’, ‘организовывать’, ‘устроить’. *Толока гошити* — северновеликорусская синтаксическая конструкция с И. падежом объекта; ср. *протера гоши(ти)* ‘готовиться к убыткам’ в грамоте № 155.

Последнее слово допускает реконструкции (*до св*)*атокъ* ‘до святков’ и (*на св*)*атокъ* ‘на праздник’. Последнее, на первый взгляд, кажется невероятным, учитывая запрет на работу в праздничные дни. Однако, по этнографическим данным, толока могла устраиваться и в праздники, сама воспринимаясь как своего рода праздничное действо [Зеленин 1991: 362].

№ 1087. Нутный-IV раскоп. Письмо из пяти строк с утраченной правой частью.

+ ѿлькъшь къ дьмѣанъкоу какъ ты за мѣною творишь коун[о](у) ...
за вѣноуѣцью ти :ѳ: коунъ показалъ ти данило ем...
вѣзми жъ на нь вѣ трѣть а азъ ти с[ѣ?]---[на]...
внѣ дѣвъ гривнѣ а вѣноуѣца бѣжал...
авлааса

Стратиграфическая дата: не позднее середины XII в.

Внестратиграфическая оценка: вторая половина XII в.

В написании *ѿлькъшь* лигатура *ѿ* почти наверное предполагает чтение *ото*, т. е. это ‘от Олекши’ — как в *ѿнуѳѣа* ‘от Онуфрия’ в грамоте № 98 (XIV в.): усеченные формы типа *Лекъша* для Новгорода не характерны. Лигатура *ѿ*, по-видимому, с весьма раннего времени могла именоваться [ото], с книжным чтением ее названия *отъ*; ср. написание *ѿ*[мь ‘о том’ 37а в Успенском сборнике [УС: 88].

Полный перевод из-за утрат невозможен. Приводим предположительный перевод с элементами реконструкции:

‘От Олекши к Демьянку. Так как ты считаешь, что за мной куна (и столько-то гривен), а за внуком [моим] 9 кун — [так] показал Данило, — то бе(ри ?) ... (*вероятный общий смысл*: весь этот долг с меня); возьми же на него (внука) в треть (= возьми сумму долга, приходящуюся на внука, по ставке в 33 %, то есть с увеличением на треть). А я ... (*вероятный общий смысл*: выплачу) две гривны. А внучек бежал ... (*возможно, указывалось еще, куда*) (ко мне не) являясь’.

Очевидно, Олекша был поручителем за своего внука, поэтому после его побега он сам должен расплачиваться с его долгами. Ссылка на показание Данила, вероятно, говорит о том, что сам Олекша не знал, что его внук занимал деньги у Демьянка.

Понимая таким образом ситуацию грамоты, можно предположить, какие суммы упоминались в утраченных частях текста. Если ставка по долгу деда была такой же, как и по долгу внука — 33 %, то, чтобы вернуть две гривны, Олекша должен был занять у Демьянка полторы гривны. Если же реальный долг Олекши составлял на куну больше, то есть 38,5 кун (25+12,5+1), то при возврате двух гривен процент выходил чуть меньшим — не 33 %, а 30 %. В контексте грамоты эта разница выглядит вполне оправданной: честно выполняя свои поручительские обязательства и расплачиваясь за долг внука в полном объеме, Олекша вправе был рассчитывать на небольшое снижение процента по собственному долгу.

Для первой фразы письма имеется близкая аналогия в грамоте № 238: *цѣто же за м[ѣ] (но)[ю] твориши [за] мѣною осмь коунъ и гривна*. Из нее видно также, что большая сумма в таких случаях обычно называлась после малой. Отдельно заметим, что реконструируемое *коуноу и полъ вѣторѣ гривнѣ* — самое краткое из возможных обозначений суммы в 38,5 кун.

Побег как один из выходов из затруднительной финансовой ситуации уже упоминался в грамотах № 510 (‘... а Домажир бежал, не выкупивши [имущества] у Вячеслава из долга’) и № 44 (‘а Наума с Леновихтом и крестное целование не касается..., бежали в немецкую землю’).

Представляет значительный интерес неизвестное доньше слово *вѣнуѣца*, явно производное от *вѣнукъ* (с усечением конечного *к* основы). В нем вычленяется не отмеченный

ранее гипокористический суффикс *-хъч-а*. Удалось обнаружить и другие примеры использования этого крайне редкого суффикса: в интернете содержатся фамилии *Брахчин* и *Сыхчин* — от исходных *брахча* и *сыхча*, в которых естественно видеть производные от *братъ* и *сынъ*, в точности параллельные слову *внухча*. Отметим еще фамилию *Бухча* и топоним *Ляхча* (на Украине), которые могут быть производными от имен типа *Будимиръ*, *Любомиръ*.

Суффикс *-хъч-а* — это результат соединения двух гипокористических суффиксов: *-х-* (как в *Терехъ*, *Демехъ*, *Олухъ*, *Торахъ*, *Ростихъ* и т. п.) и *-ъч-а* (как в *Олуча*, *Лих(о)ча* или в современных *Таньча*, *Геньча*). По построению он аналогичен более распространенному суффиксу *-хън-о* (*Грихно*, *Махно*, *Олухно*, *Яхно*, *Посахно* и т. п.). Поэтому неудивительно, что наряду с *Брахчин* и *Сыхчин* обнаруживаются и фамилии *Брахов*/*Брахин* и *Сыхов*/*Сыхин* — от вариантов *брах*/*браха* и *сых*/*сыха*, не осложненных дополнительным суффиксом; см. также названия *Брахово* (усадьба в Крестецком р-не Новгородской области), *Сыхово* (в Стрыйском р-не Львовской области) и *Strychowo* (в Польше). В [НПК] отмечены имена *Сыха* и *Брашко*. Исходное *брах-* непосредственно сохранилось в фамильном чеш. и польск. *brach* ‘братец’, ‘браток’ (в чешском также *bracha*) [указано С. Лашук]. Ср. также русск. *свах*, образованное таким же способом от *сватья*. Выявляется, таким образом, целое гнездо нетривиальных гипокористик от основных терминов родства.

В написаниях *какъ* и *творишь* отразилось отпадение нередуцированных конечных гласных [ДНД₂: 68–69], которое безусловно происходило не раньше отпадения конечных редуцированных. Между тем в середине слова слабые редуцированные в грамоте № 1087 последовательно сохраняются: *Лькъшь*, *Дьмьльнъкоу*, *за мьноу*, *въноухъцею*, *възьми*, *въноухъца* (пропуск *ь* в *гивнъ* непоказателен, так как названия денежных единиц часто писались сокращенно). Тем самым перед нами еще одно выразительное подтверждение того, что конечные редуцированные были утрачены раньше неконечных [ДНД₂: 65].

№ 1088. Посольский раскоп. Конечная часть документа, пять с половиной строк.

... (сѣ бр)аѣмо
 косноти{ти}ни : сѣди{ли}ла не сѣрежере ма=
 тие геце вълѣдѣславе лареене мѣксе
 сѣреге (г)ри{г}а {л} ѿѣдоре со братѣно бори=
 {си}се сѣ братаѣмо{мо} сѣпоне олеѣнъце
 ѿѣдоре сѣнъми сѣмене сѣ братъмъ

Стратиграфическая дата: XIII в.

Внестратиграфическая оценка: формально 1100—1260, предпочтительно 1160—1240 гг.

Набор имен (в котором сочетаются дохристианские и христианские имена, с преобладанием последних) более характерен для 1-й пол. XIII в., чем для XII в.

Грамота представляет собой тот редчайший случай — единственный в нынешнем корпусе из примерно 1200 берестяных грамот, — когда писавший чрезвычайно плохо владел письмом. Точнее говоря, он плохо справлялся с задачей записи звучащего слова (при том, что техника начертания букв у него достаточно хорошая).

Ошибок беспрецедентно много; следует полагать, что писавший страдал некоторым видом дисграфии. Самый частый тип ошибок — персеверация, т. е. повторение гласной предыдущего слога вместо правильной гласной или повторение целого слога (или иного отрезка). Например, в тексте содержатся такие цепочки букв, как *реенеменекесереге*, *несережере*, *леѣнъцеѿедере*, *титини*. На текст, который в правильном виде состоял бы из 147 букв, приходится 21 буквенная ошибка против обычных для берестяных грамот принципов бытового письма (т. е. в седьмой части букв).

Нагромождение ошибок таково, что в нескольких местах имевшийся в виду текст восстанавливается лишь предположительно.

Вероятно, освобожденный от ошибок текст выглядел бы так (буквы, которые в тексте заменены или пропущены, подчеркнуты, лишние буквы опущены):

...**(съ бр)атомо, Косн^атинѣ, Съдила. На Срежере (?) Матие, Геше, Вьльдеславе, Лареене, Мокее (?), Сереге, (Г)рига, Оедоре со братьею, Борисе съ братомо, Степане (?), Олѣ^аньце, Оедоре съ сынъмъ, Съмене съ братьмъ.**

Написание *Геше* равнозначно *Гешке* (о соотношении *щ* и *шк* см. [ДНД₂: 48—49]). Это гипокористическое производное от *Германъ* или *Геннадии*; ср. *Фешке* (от *Федоръ*) в грамоте № 32. Форма *Сереге* может быть недописанным *Серегеи* (или *Серегее*) или правильным И. падежом от основы **Серьг-*; ср. топоним *Серговичи* [НПК, III: 937].

Реконструкции на *Срежере*, *Мокее*, *Степане* носят лишь предположительный характер. Если на *Срежере* — это действительно 'на Селигере', то *ж* здесь такого же происхождения, как в топониме *Селижарово*.

Сохранявшаяся часть документа почти целиком состоит из перечня имен. Смысл этого перечня, очевидно, был ясен из утраченной начальной части.

С морфологической точки зрения представляет интерес большой ряд словоформ И. ед. с новгородским окончанием *-е*. Из числа надежных и показательных это *Вьльдеславе, Лареене, Оедоре, Бори{си}се, Съмене, Геше (=Гешке)*, а также *Олѣ^аньце*. Прочие примеры по разным причинам непоказательны.

№ 1089. Раскоп у дома 16 по Троицкой улице. Документ (по-видимому, целый) из четырех строк, написанный чернилами.

Невооруженным глазом читаются только средние отрезки из 6—7 букв в трех верхних строках. Специализированная съемка позволила прочесть еще некоторое количество букв, но и после этого около половины всего текста не читается.

(м)[н]ого сгрѣш-и[х]- - -
[ст]уфх ѿоцѣшъ- - -
--- -а у насъ м[о]...
... ом...

Стратиграфическая дата: вторая половина XIV в.

В том объеме, в каком текст может быть прочитан, он поражает своей структурной разнородностью. В первой строке читается фрагмент покаянной формулы: *(м)ного сгрѣш(ихъ)* [или *сгрѣш(ихомъ)*]. Вторую строку занимает фрагмент азбуки, начинающийся буквой С. Последняя видимая буква — Ъ, после нее в строке остается место еще для 3—4 букв. В третьей строке надежно опознается только ...*у насъ*..., что более всего похоже на фрагмент письма. Очевидно, переходя со строки на строку, писец менял характер текста: начатую в первой строке покаянную молитву во второй строке продолжила азбука, а в третьей — какое-то сообщение. Всё вместе производит впечатление комплексной пробы пера. Действительно, в этом качестве на полях рукописных книг встречаются и обрывки молитв, и азбуки, и отдельные эпистолярные формулы.

Хотя прочесть устроенный таким образом текст как связное целое невозможно, в сочленении первого и второго фрагментов просматривается определенная логика. Обращает на себя внимание, что первые три буквы слова *много*, которым начинается грамота, следуют друг за другом в алфавитном порядке, а буква С, с которой начинается следующее слово, отделена от первого О двумя буквами, то есть отстоит от него на тот же интервал, что и в алфавите. Иначе говоря, слова *МНОГО Сгрѣшихъ* заключают в себе фрагмент азбуки: МНО--С. Это могло навести писавшего на мысль продолжить свое упражнение азбукой, начав с той буквы, которой закончился первый фрагмент: СТУФХ...

Параллели к такому механизму сцепления разнородных текстовых фрагментов можно найти в ученических записях Онфима, по существу, также представляющих собой «пробы пера» (см. [НГБ XI: 218—220]). Так, в грамоте № 204 Онфим, написав *акоже*, обрывает начатую фразу и, оттолкнувшись от *же*, выписывает ряд складов на *е*: *бе ве ге де же зе...* В грамоте № 202 (на *Домитръ возати доложикъ*) странное написание словоформы В. мн. *должкъ* явно объясняется тем, что между Ж и К Онфим написал буквы, находящиеся между

ними в алфавите; таким образом, в подражающую деловой записи фразу оказался инкорпориран фрагмент азбуки — ЖЗИК. Сходство этого случая с комментируемой грамотой особенно значительно. Не исключено, что и фраза в третьей строке грамоты № 1089 была каким-то образом сцеплена с окончанием азбуки во второй строке.

2. Старая Русса

В 2016 г. работы в Старой Руссе велись на Пятницком-II раскопе³. Эти исследования позволяют объединить в единую площадь (размерами приблизительно 500 кв. м) участки раскопов, изученных в разное время — X (1969—1970 гг.) и Пятницкого-I (2002—2012 гг.), — на которых было обнаружено восемь берестяных грамот XII — начала XV в.: № 2—3 на раскопе X и № 39—43, 45 на Пятницком-I раскопе.

На Пятницком-II раскопе при изучении культурных напластований 12 пласта (глубина — 220—240 см) в северной части усадьбы «Б», к востоку от юго-восточного угла сруба ПС-57, в квадрате 127 была найдена берестяная грамота № 46 (полевой № 106, размер 16,0×2,0—2,5 см).

В том же стратиграфическом горизонте, что и берестяная грамота № 46, была обнаружена вислая свинцовая печать, относящаяся к типу так называемых «анонимных печатей новгородских архиепископов». Стратиграфические наблюдения позволяют предварительно датировать культурные напластования этого уровня концом 40-х — началом 60-х гг. XIV в.

Структура застройки усадьбы «Б» середины — 2-й пол. XIV в. нетрадиционна для средневековой Руссы. Жилые, хозяйственные и производственные сооружения располагались по периметру усадьбы, а ее центральная часть была замощена настилами из жердей и плах. Въезд в усадьбу располагался с юга. Статус владельцев усадьбы подчеркивается обнаружением в вышележащих напластованиях последней четверти XIV — начала XV в. ряда редких находок: фрагмента ажурной, возможно серебряной, накладки с частью латинской надписи готическим шрифтом, двух кожаных туфель западноевропейского покроя, половины серебряного денежного слитка (полтина). Одной из самых ярких находок усадьбы «Б» стала деталь волынки — трехканальная мелодическая (или игровая) трубка (в современной музыкальной терминологии — чантр) [Торопова и др. 2015; Торопова и др. (в печати)].

Ст.Р. 46. Начальная часть письма.

покло ѿ олескадра к матери
мовли данило григан[е] в-----
исм[о с] тво...

Во 2-й строке автор сперва написал ги, но заметил это и переправил на гр.

Стратиграфическая дата: 3-я четверть XIV в.

Перевод: 'Поклон от Олескадра матери. Скажи, Данила, Григане...'. Дальнейшее слишком обрывочно (может быть, там было сказано 'я рассчитался с твоим...').

Покло — такая же неполная запись слова 'поклон', как в грамотах № 359, 414, 531; это слово вообще нередко подвергается сокращениям или искажениям.

Олескадръ как вариант имени Александръ уже встречалось: к *Олескадру* в № 528.

К матери — вместо *к матерѣ*, с поздним эффектом замены исконного окончания *-и* окончанием Д. ед. обычного *а*-склонения.

Мовли, по-видимому, не случайная перестановка букв в *мовли*, а фонетическая метатеза — такая же, как в диалектном *мóвлит* 'скажет' Ярослав. [СРНГ, 18: 189], *мовлістий* 'словоохотливый' Арх. [Там же]; возможно, так же объясняется польск. *niemowlę* 'младенец' (менее ясно, относится ли сюда же укр. *немовля*). Это первый такой пример в фонде берестяных грамот.

³ Исследования выполнены при поддержке Отделения гуманитарных и общественных наук РФФИ.

Григания — не встречавшееся ранее в берестяных грамотах гипокористическое производное от имени Григорий, подобное современным формам типа *Гришаня*, *Мишаня*, *Миханя*, *Федяня*, *Васяня*, *Коляня* и т. п. В интернете засвидетельствовано как само имя *Григания*, так и фамилия *Григанин*.

Уникальна коммуникативная структура письма: его начальная фраза представляет собой этикетный поклон матери, но дальнейшее обращено уже не к матери, а к некоему Даниле, которому предписывается сказать нечто Григане. Возможно, Данила — это управляющий в хозяйстве матери Александра. Такую трактовку подсказывает аналогия с № 358 — письмом посадника Онцифора Лукинича к матери, большую часть которого занимает инструкция управляющему Нестеру. Другая возможность состоит в том, что Данила — посланец, который передаст это письмо; тогда перед нами — элемент архаичного эпистолярного этикета, восходящего к практике передачи устных посланий (ср. зачины типа «скажи такому-то» в переписке древней Месопотамии).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Гренберг 1995 — Гренберг Ю. И. Свод письменных источников по технике древнерусской живописи, книжного дела и художественного ремесла в списках XV—XIX вв. СПб.: Пушкинский фонд, 1995. Т. 1. Кн. 1—2. [Grenberg Yu. I. *Svod pis'mennykh istochnikov po tekhnike drevnerusskoi zhivopisi, knizhnogo dela i khudozhestvennogo remesla v spiskakh XV—XIX vv.* [Corpus of written sources concerning the technique of Old Russian painting, book production, and artistic craftsmanship in the copies of the 15—19th centuries]. St. Petersburg: Pushkin Foundation, 1995. Vol. 1. Book 1—2.]
- ДКУ — Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Изд. подг. Я. Н. Щапов. М.: Наука, 1976. [Drevnerusskie knyazheskie ustavy [Old Russian Princely Statutes of the 11—15th centuries]. Shchapov Ya. N. (ed.). Moscow: Nauka, 1976.]
- ДНД₂ — Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect]. 2nd ed. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]
- Зеленин 1991 — Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. [Zelenin D. K. *Vostochnoslavanskaya etnografiya* [East Slavic ethnography]. Moscow: Nauka, 1991.]
- Кукушкин и др. (в печати) — Кукушкин И. П., Гиппиус А. А., Зализняк А. А. Первая находка берестяной грамоты в Вологде // Российская археология (в печати). [Kukushkin I. P., Gippius A. A., Zalizniak A. A. The first birch-bark letter found in Vologda. *Rossiiskaya arkheologiya* [Russian archeology] (in print).]
- Кулишер 2003 — Кулишер И. М. История русской торговли и промышленности. М.: Социум, 2003. [Kulisher I. M. *Istoriya russkoi trgovli i promyshlennosti* [History of the Russian trade and industry]. Moscow: Sotsium, 2003.]
- Лукин 2014 — Лукин П. В. Новгородское вече. М.: Индрик, 2014. [Lukin P. V. *Novgorodskoe veche* [The Novgorod veche]. Moscow: Indrik, 2014.]
- НГБ V — Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М.: Изд-во АН СССР, 1963. [Artsikhovskii A. V., Borkovskii V. I. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1956—1957 gg.)* [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 1956—1957)]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1963.]
- НГБ XI — Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997—2000 гг.). М.: Русские словари, 2004. [Yanin V. L., Zalizniak A. A., Gippius A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1997—2000 gg.)* [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 1997—2000)]. Moscow: Russkie Slovarei, 2004.]
- НГБ XII — Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001—2014 гг.). М.: Языки славянской культуры, 2015. [Yanin V. L., Zalizniak A. A., Gippius A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001—2014 gg.)* [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 2001—2014)]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2015.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- НПК — Новгородские писцовые книги, изданные Императорской археографической комиссией. СПб.: Сенат. тип., 1859—1910. Т. I—VI. [Novgorodskie pistsovye knigi, izdannye Imperatorskoi

- Arkeograficheskoi komissiei* [Novgorod cadastres edited by the Imperial Archeographic commission]. St. Petersburg: Senat. tip., 1859—1910. Vol. 1—6.]
- СГ — Смоленские грамоты XIII—XIV вв. / Подг. Сумникова Т. А., Лопатин В. В. М.: Изд-во АН СССР, 1963. [*Smolenskie gramoty XIII—XIV vv.* [Smolensk documents of the 13—14th centuries]. Prepared by Sumnikova T. A., Lopatin V. V. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1963.]
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. Вып. 1—. М.: Русский язык, 1988—. [*Slovar' drevnerusskogo yazyka XI—XIV vv.* [A dictionary of the 11—14th centuries Old Russian language]. Vol. 1—. Moscow: Russkii jazyk, 1988—.]
- СПГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994—2005. Т. 1—6. [*Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastei* [A dictionary of the Russian folk dialects of Karelia and adjacent areas]. St. Petersburg: St. Petersburg Univ., 1994—2005. Vol. 1—6.]
- СПНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1—. М.; Л.: Наука, 1965—. [*Slovar' russkikh narodnykh govorov* [A dictionary of Russian folk dialects]. No. 1—. Moscow; Leningrad: Nauka, 1965—.]
- Столярова 2000 — Столярова Л. В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI—XIV вв. М.: Наука, 2000. [Stolyarova L. V. *Svod zapisei pisticov, khudozhnikov i pereplechikov drevnerusskikh pergamennykh kodeksov XI—XIV vv.* [The Corpus of the inscriptions made by the scribes, illuminators, and binders of the Old Russian parchment codices of the 11—14th centuries]. Moscow: Nauka, 2000.]
- Торопова и др. 2105 — Торопова Е. В., Торопов С. Е., Самойлов К. Г., Колосницын П. П. Археологические исследования в Старой Руссе в 2014 году // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 29. СПб.: Первый ИПХ, 2015. С. 78—87. [Toropova E. V., Toropov S. E., Samoilov K. G., Kolosnitsyn P. P. Archeological studies in Staraya Russa in 2014. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya: Istoriya i arkeologiya*. Vol. 29. St. Petersburg: Pervyi IPKh, 2015. Pp. 78—87.]
- Торопова и др. (в печати) — Торопова Е. В., Торопов С. Е., Самойлов К. Г., Колосницын П. П. Полевые исследования 2015 г. в г. Старая Русса и Новгородской области // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 30 (в печати). [Toropova E. V., Toropov S. E., Samoilov K. G., Kolosnitsyn P. P. Field studies of 2014 in Staraya Russa and Novgorod region. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya: istoriya i arkeologiya*. Vol. 30 (in print).]
- Тупиков 1903 — Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1903. [Tupikov N. M. *Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen* [A dictionary of the Russian personal proper names]. St. Petersburg: Tip. I. N. Skorokhodova, 1903.]
- УС — Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подг. Князевская О. А., Демьянов В. Г., Ляпон М. В. Под ред. Коткова С. И. М.: Наука, 1971. [*Uspenskii sbornik XII—XIII vv.* [Uspensky Collection of the 12—13th centuries]. Knyazevskaya O. A., Dem'yanov V. G., Lyapon M. V., Kotkov S. I. (eds.). Moscow: Nauka, 1971].
- Янин 2003 — Янин В. Л. Новгородские посадники. М.: Языки славянской культуры, 2003. 2-е изд., перераб. и доп. [Janin V. L. *Novgorodskie posadniki*. [Novgorod posadniks]. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2003.]
- Янин 2008 — Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянской культуры, 2008. [Yanin V. L. *Ocherki istorii srednevekovogo Novgoroda* [Essays on the history of medieval Novgorod]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2008.]
- Mullonen 2007 — Mullonen I. Toponym contacts along the river Svir. *Borrowing of place names in the Uralian languages*. Pitkänen R. R., Saarikivi J. (eds.). Debrecen: Debreceni Egyetem Magyar Nyelvtudományi Intézet, 2007. Pp. 141—158.

КАК НАРУШИТЬ ТРИ ЗАПРЕТА: НЕМНОГО О РУССКИХ ГЛАГОЛАХ НА САМ-...-СЯ*

© 2017

Павел Валерьевич Гращенко

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, 119991, Российская Федерация; Институт востоковедения РАН, Москва, 107996, Российская Федерация; Московский педагогический государственный университет, 119991, Москва, Российская Федерация; pavel.gra@gmail.com

В статье обсуждается нарушение русскими формами типа *самоуничтожаться*, *самовзрывающийся* трех ограничений: а) запрета на образование в русском языке сложных глаголов; б) запрета на выражение в сложных словах субъекта; в) запрета на дистантное расположение деривационных показателей и корневой морфемы. Приведенный в статье анализ показывает, что аргументы в составе сложных слов не могут получать агентивных ролей. Корень *сам*, регулярно встречающийся в первой части сложных глагольных основ, проецируется рефлексивными средствами, *-ся* или *себя*. Способность иметь собственные зависимые говорит о вершинном свойстве *-ся*, связанном с проекцией *v(oice)P*.

Ключевые слова: глагол, залог, рефлексив, русский язык, словообразование

HOW TO BREAK THREE PROHIBITIONS AT A TIME: SOME REMARKS ON RUSSIAN VERBS WITH *SAM-...-SJA*

Pavel V. Grashchenkov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russian Federation; Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, 107996, Russian Federation; Moscow State University of Education, Moscow, 119991, Russian Federation; pavel.gra@gmail.com

The paper discusses the fact that Russian forms like *samouničtožatsja*, *samovzryvajuš'ijsja* violate three constraints: a) the constraint on complex verb derivation; b) the constraint on subject expression; c) the constraint on discontinuous placement of derivational morphology. The analysis shows that the arguments of compounds cannot bear the agent role. The root *sam-* ('self', emphatic) is often observed in the first part of verbal compounds and is projected here by the reflexives *-sja* or *seb'a*. The ability to project its own structure shows that *-sja* is a head projecting *v(oice)P*.

Keywords: derivation, reflexive, Russian, verb, voice

1. Некоторые ограничения русской глагольной морфологии

Правила образования лексем типа *самоуничтожаться*, *самовзрывающийся* нарушают сразу три ограничения, действующих в русском языке. Ниже мы кратко опишем эти три запрета, после чего попробуем установить, почему они нарушаются.

Первое ограничение описано в работе [Пазельская 2013] и связано с проблематичностью образования русских сложных глаголов. При наличии в русском языке сложного существительного *деревООбработка* и сложного прилагательного с причастной морфологией *деревООбработывающий* глагола **деревООбработывать* тем не менее не существует.

В той же статье А. Г. Пазельской приводятся некоторые исключения из указанного правила, которые автор вслед за [Янко-Триницкая 2001] рассматривает как примеры «обратного

* Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 16-18-02003.

словообразования». От имен *психоанализ*, *сенокос* и т. д. образуются глаголы *психоанализировать*, *сенокосить* и т. д. [Там же]; добавим, что такое же направление деривации, скорее всего, представлено в русских сложных глаголах на *свое-*: *своевольный* → *своевольничать*, *своенравный* → *своенравничать* и т. д.

В [Пазельская 2013] есть и другой тип исключений из данного наблюдения: сложные глаголы регулярно образуются с первыми компонентами *сам-* и *взаим-*. В качестве первоисточника примеров названа книга Е. А. Земской [2005]: *самосохраняться*, *самоудобяться*, *самоускоряться*, *самоограничиваться*, *самоорганизоваться*.

Анализ, предлагаемый Пазельской для объяснения грамматичности *деревообработка* и *деревообрабатывающий* и неграмматичности **деревообрабатывать*, основывается на различиях в структуре номинализаций и адъективных образований, с одной стороны, и сложных глаголов — с другой. По мнению автора, деривационные показатели причастия (и, вероятно, номинализации) присоединяются в синтаксической структуре глагольной группы достаточно низко, до присваивания падежа. Напротив, при попытке образования глагола **деревообрабатывать* «внутри» словоформы оказывается падежный признак прямого объекта, что невозможно.

Второе ограничение много обсуждается со времен диссертации А. Маранца [Marantz 1981: 47—53]. Оно выражается в асимметрии семантических ролей, стоящих за подлежащим, по сравнению с другими синтаксическими участниками. Так, объектные роли теснее связаны с лексическим значением глагола, что выражается, например, в следующей закономерности: если у глагола в составе идиомы есть незаполненные валентности (хотя бы одна), то в их числе есть валентность на подлежащее, ср. *бить баклуши*, *валять дурака* vs. **дурак валяется*, **баклуши бьются*. Применительно к сложным словам данная закономерность проявляется в том, что сложные слова, в которых первая основа восходила бы к подлежащему, достаточно редки.

В работе [Богданов 2011: 42—43] приводятся примеры сложных слов с субъектной функцией первой основы — *кровотечение*, *снегопад*, *пылеобразование*, к которым можно добавить также *ледоход*, *водопад*, *листопад*, равно как и *горообразование*, *богоявление* и другие примеры из [Тестелец 2001: 340—341]. Богданов [2011] вслед за [Marantz 1981] и др. отмечает, что такие исключения представлены неаккузативными глаголами, т. е. такими одноместными предикатами, единственный участник которых имеет неагентивную роль. При этом сложные слова с явной агентивной первой частью, по всей видимости, в русском языке отсутствуют, ср.:

- (1) а. *человеколюбивый* ≠ ‘такой, которого любят люди’
 б. *насекомоядное* ≠ ‘то, что едят насекомые’
 в. *волкодав* ≠ ‘такой, которого давят волки’
 г. *работорговец* ≠ ‘тот, кем торгуют рабы’
 д. *импортозамещение* ≠ ‘замещение импортом своей продукции’

Таким образом, глагольные основы в сложных словах присваивают (первым) именным основам только роли (неагентивных) внутренних участников. Одно из регулярных исключений из данной закономерности — сложные образования с *сам*. В следующих примерах *сам* выполняет роль субъекта:

- (2) а. *самопишущий* ← ‘то, что само пишет’
 б. *самоговорящий* ← ‘то, что говорит без чьей-либо помощи’
 в. *самозаписывающий* ← ‘то, что само записывает’
 г. *саморегистрирующий* ← ‘то, что само регистрирует’

Наконец, **третье ограничение** известно достаточно хорошо. Оно связано с порядком расположения словообразовательной и словоизменительной морфологии, см., например, универсалию 28 Дж. Гринберга [Greenberg 1963]. Деривационная морфология обычно располагается рядом с основой, в то время как словоизменительная следует за деривационной,

см. *умнож-ен-ие, твер-ск-ой* и т. д. Это правило, конечно, имеет достаточное количество исключений, в качестве одного из них приводится как раз русское *-ся*, см., например, [Плун-гян 2003: 27].

Итак, мы перечислили следующие ограничения: а) образование сложных глаголов в русском в целом непродуктивно; б) субъект задаваемых глаголом ситуаций редко бывает выражен лексически, первой частью сложного слова; в) деривационные показатели располагаются ближе к корню, чем словообразовательные. Первые два нарушаются русскими глаголами и причастиями типа *самоуничтожаться, самовзрывающийся*, а третье — всеми глаголами на *-ся*. Ниже мы попробуем сформулировать некоторые возможные объяснения такому нарушению.

2. Сложные глаголы с *сам*

Как уже было сказано, сложные глаголы в русском языке практически отсутствуют. Исключение составляют как раз образования на *сам-* (и чуть реже — *взаим-*). Глаголы с *сам-* в современном русском встречаются лишь среди глаголов на *-ся*:

- (3) *самообучаться, самоопыляться, самоумерщвляться, самосохраняться, самоудобряться, самоускоряться, самоограничиваться, самоорганизоваться, самоуплотняться, самоуспокаиваться, самоустраняться, самоутешаться, самовосстанавливаться, самоокупаться, самовозгораться, самообольщаться, самоопределяться, самовыразиться, саморазоблачаться...*

Обнаруживаемая в «Грамматическом словаре русского языка» небольшая группа глаголов с *сам-*, не содержащих постфикса *-ся*, явно относится к предыдущим этапам существования русского языка¹:

- (4) *самоуправствовать, самоуправничать, самохвальничать, самохвальствовать, самочинствовать, самовластвовать* [Зализняк 1980]

А. Г. Пазельская объясняет неграмматичность сложных глаголов типа **деревообрабатывать* невозможностью приписывания падежа внутри словоформы. Напротив, грамматичность глаголов с первой основой *сам-* и *взаим-* объясняется в ее работе тем, что такие единицы представляют собой фактически «показатель рефлексивизации, т. е. преобразования глагольной/именной основы из активного залога в возвратный... [П]оказатель рефлексива является поверхностным выражением оператора, который удаляет (*reduce*) из глагольной структуры семантическую роль, ассоциированную с внутренним аргументом, если она референциально совпадает с внешним аргументом... Всё это происходит существенно раньше приписывания падежей... поэтому никаких препятствий для существования глаголов с *сам-* (и, аналогично, *взаим-*) в русском языке нет» [Пазельская 2013: 588].

Подобный анализ восходит к работе [Кибрик, Богданова 1995], посвященной свойствам *сам* в синтаксисе и морфологии. Вывод авторов относительно *сам* в сложных словах, в частности, таков: «Сложные имена, указывающие на экстраординарное действие, которое в норме субъект не совершает сам с собой, восходят к конструкции *X [самого себя]* со значением самнеож (*сам-неожиданное*. — П. Г.), например: *самообожание...*, *самовнушение*» [Там же: 44]. Кроме значения неожиданности выделяются также контрастивное ('сам, а не кто-то другой') и самостоятельное ('сам без чьей-либо помощи') значения.

Подход к *сам-* в сложных словах как аналогу рефлексива простой предикации действительно имеет основания. Он хорошо согласуется с невозможностью приписывания падежа внутри словоформы, ср.: **полотенцасушитель, *икрыметание* и т. д. Выводы Пазельской

¹ Подразумевается более свободное употребление этих глаголов в предыдущие эпохи, а не полная невозможность их употребления в современном русском. Что невозможно в современном русском, так это продуктивное образование глаголов с *сам* без *-ся*, ср. **самодействовать*.

вроде бы подтверждает и сделанное нами выше наблюдение. То, что корень *сам-* возможен лишь с глаголами на *-ся*, согласуется с анализом, при котором *-ся* или комплекс *сам-...-ся* «адсорбирует» падеж переходных глаголов, см. [Chomsky 1981: 24].

Есть, однако, несколько фактов, которые подобный анализ объяснить не в силах. Во-первых, *сам* может употребляться не только в роли прямого объекта. В следующих примерах *сам* замещает косвеннопадежных участников:

- (5) *самодовольный* = 'довольный сам собой'
самовлюбленный = 'влюбленный сам в себя'
самонадеянный = 'надеющийся сам на себя'
самоуверенный = 'уверенный сам в себе'

В косвеннопадежных употреблениях *сам* уже не может «паразитировать» на *-ся*. Более того, косвеннопадежные зависимые имеют аналоги в сложных словах не только с *сам*: *пуленепробиваемый, солнцеподобный, жароустойчивый* и т. д. Как нам кажется, падеж действительно не может быть приписан внутри словоформы, но это не препятствует употреблению именных основ в составе сложных слов. Примером аргументов в составе сложных слов могут быть указанные выше косвеннопадежные зависимые, а также причастия, которые вполне способны приписывать аккузатив: *обрабатывающий дерево* — *деревообрабатывающий* и т. д. Наконец, глаголы — в отличие от причастий — не могут присоединять и адьюнктов, ср.: *быстрорастворимый* vs. **быстрорастворить* и т. п.

Попробуем понять, каковы функции *сам* в сложных глаголах и причастиях.

3. Функции *сам* в сложных глаголах и причастиях

Сам- в сложных словах всегда ориентировано на субъект, причем в ряде случаев — только на него:

- (6) *самодействующий, самопишущий, самовсасывающий, самоговорящий, самозаписывающий, саморегистрирующий, самосозерцающий*...

Примечательно, что сделанное выше наблюдение о возможности *сам* лишь с рефлексивными глаголами не нарушается — соответствующие данным причастиям глаголы неграмматичны:

- (7) **самодействовать, *самописать, *самовсасывать, *самоговорить, *самозаписывать, *саморегистрировать, *самосозерцать*...

Несмотря на возможность субъектного *сам*, его роль не может быть агентивной. Это видно, например, из того факта, что причастия с *сам* не могут употребляться с одушевленным существительным:

- (8) **самопишущий ребенок, *самоговорящий попугай, *самосозерцающий отшельник*²

Сам- в подобных случаях может задавать только неодушевленный каузатор (*самопишущее устройство*) или претерпевающее (*самоплавкий материал*).

Можно, таким образом, констатировать отсутствие агенса, который, как принято считать, присваивается на максимальном уровне глагольной проекции, vP [Chomsky 1995]. Другие

² По замечанию одного из рецензентов, в интернете находятся примеры типа *самосозерцающий бог, самосозерцающий демиург* и т. д., что опровергает тезис о неодушевленности. Автор не может согласиться с этим утверждением. По нашему мнению, в подобных примерах вершинное имя соответствует такому представлению о божестве, при котором оно (божество) лишено воли и других атрибутов грамматической одушевленности, ср.: «философия создает не только и не столько интеллектуальные понятия, а фундаментальные интуиции, смыслообразы, концепты (единое, или благо, — у Платона, самосозерцающий Демиург у Аристотеля, Левиафан у Гоббса)» (интернет).

роли, оказывающиеся доступными для выражения в сложных словах (в том числе каузатор), присваиваются в более низких позициях.

Далее, в случае переходных глаголов и образованных от них причастий *сам-* вместе с возвратной частицей *-ся* выполняет функцию субъекта и объекта одновременно:

- (9) *самовзрывающийся, самодвижущийся, самонастраивающийся, самопрограммирующийся, самообучающийся, самоопрокидывающийся...*

Такое употребление, в соответствии с подходом, предлагаемым в [Кибрик, Богданова 1995; Пазельская 2013], напоминает составной рефлексив *сам себя* (*Она сама себя высекла*). Ниже мы постараемся развить основанный на этом сходстве анализ.

Отметим, что причастные формы с *сам-* и *-ся* также не могут кодировать агентивных участников, ср. контраст примеров при наличии и в отсутствии *сам*³:

- (10) а. **самодвижущийся инвалид, *самонастраивающийся спортсмен, *самообучающиеся дети...*
 б. *движущийся (на коляске) инвалид, настраивающийся (на выступление) спортсмен, обучающиеся дети...*

Итак, *сам-* в переходных сложных глаголах обязательно ориентировано и на подлежащее, и на прямой объект: *самообучаться* — ‘самому обучать себя’ и т. д. Употребления *сам-* в сложных словах похожи на составные рефлексивы *сам себя* и *самого себя*. Мы также убедились в том, что *сам-* в сложных глаголах и причастиях не нарушает сделанного прежде наблюдения о недоступности агентивного прочтения аргумента, если последний хранится в лексиконе⁴. Далее мы представим наш собственный анализ *сам-* в сложных словах.

4. Структура сложных дериватов с *сам*

Итак, необходимо показать, почему *сам* в отличие от именных основ допустимо при образовании сложных глаголов. Для этого прежде всего надо сказать несколько слов собственно о том, почему деривация сложных глаголов в русском невозможна. Типологически этот факт достаточно нетривиален — отдельный тип языковой структуры представляют, как известно, инкорпорирующие языки, в которых именно глагольная словоформа способна включать в себя аргументные и другие зависимые.

Представляется, что неграмматичность русских сложных глаголов связана со свойствами русской деривационной морфологии. Показатели именной или причастной деривации могут лицензировать сложные основы: *деревобработка, деревообрабатывание, деревообрабатывающий...* Напротив, вербализаторы, допускающие присоединение более чем одной основы, в русском языке запрещены⁵.

³ Одним из рецензентов были приведены примеры типа *самообогатившиеся чиновники* (случай *самообогатившийся*, к слову, не обнаруживается поисковыми системами). Вопрос о границах запрета на одушевленность в подобных причастиях, вероятно, требует дальнейшего уточнения. В качестве одной из гипотез можно привести способность одушевленных имен употребляться с составным рефлексивом *самого себя* (*обогативший самого себя*), но не с рефлексивом типа *сам себя* (**сам движущий себя*). Оставим этот вопрос для последующих исследований.

⁴ И, таким образом, представленный в начале статьи второй запрет не нарушается — в его уточненной формулировке. Этот результат, однако, заранее отнюдь не очевиден.

⁵ Несомненно, подобное свойство русских вербализаторов требует объяснения. Одна из возможных гипотез — то, что вербализаторы выражаются морфологическим нулем в противоположность номинализаторам и адъективизаторам. Другая возможная причина — то, что вербализация каким-либо образом (например, присоединяясь поверх другой нулевой морфемы) нарушает запрет на двойное ветвление, см. [Гращенков 2016]. Задачей данной статьи было показать то, как и почему это ограничение обходится глаголами на *сам-...-ся*.

Наш подход к анализу сложных глаголов с *сам-* в общих чертах похож на анализ, предложенный в [Пазельская 2013], однако вносит ряд уточнений. Мы предполагаем, что *сам-* в комплексе с *-ся* — последнее отличает наш анализ — является рефлексивным средством. Комплекс *сам-...-ся* выполняет функции, аналогичные *сам себя* и *самого себя* в простой предикации, — устанавливает, что внешний и внутренний участники описываемого действия идентичны и что (вопреки возможным ожиданиям) действие выполняется именно данным участником самостоятельно.

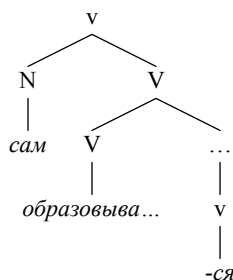
В случае сложных глаголов *сам-*, таким образом, «паразитирует» на *-ся*. Это подтверждается наблюдением о том, что *сам-* в составе современных глаголов возможно только при наличии *-ся*, см. выше. Показательны также следующие примеры (из интернета; орфография и пунктуация сохранены), где *сам-* в составе сложного глагола относится не к *-ся*, а к фонологически самостоятельному *себя*:

- (11) а. *Я ни разу нигде не читал, чтобы японцы, китайцы, америкосы и др. достойные народы так **самобичевали себя**.*
 б. *А я **саморазоблачил себя**, подсчитав, сколько я заплатил и сколько должен был заплатить.*
 в. *... души их должны пережить и переживут это Слово, — что каким-то образом, каким именно, никто не мог понять, — всякая **самоосознавшая себя** единица после своего распада снова воссоединится.*
 г. *Я не имел причин питать особую нежность к этой расе **самообожествляющих себя** демонов.*
 д. *Вы видели только цыпленка, образ, узкоматериальный и только смешной, — он **самосозерцал себя**, как символ.*

Установление ограничений на дериваты с *сам-*глагол + *себя* требует отдельного изучения. Пока лишь скажем, что все случаи *сам-*глагол + *себя*, видимо, соответствуют одушевленным участникам (ср. **самозатягивающий себя узел*).

Мы предлагаем для глаголов с *сам* следующую структуру:

(12)

Таким образом, глагольная деривационная морфология не допускает сложного лексического материала, и *сам-* фактически проецируется возвратной морфемой *-ся*. Показательно, что в случае причастий *-ся* иногда опускается (примеры из интернета):

- (13) а. *... как вязать **самосбрасывающийся** узел, который распускается при отсутствии натяжения верёвки?*
 а'. *... если кузов опрокидывающийся, то нужен **самосбрасывающий** узел...*
 б. *Первый **самодвижущийся** транспорт, купленный своему ребенку...*
 б'. *Погрузчики — это **самодвижущий** подъемный транспорт...*

В примерах со штрихом и объектная, и субъектная функция выражаются только при помощи *сам-*. Это прекрасно согласуется с тем фактом, что причастная морфология в целом не препятствует образованию сложных слов, ср.: *водосбрасывающий*, *деревуобрабатывающий* и т. д.

То, что *сам-* может не только быть ориентированным на подлежащее, но и, например, замещать косвенный объект, мы также наблюдали в лексемах типа *самодовольный*, *самовлюбленный* и т. д. Наиболее очевидна способность *сам-* к выполнению объектных функций в случае сложных существительных, где возвратное *-ся* невозможно: *самолечение* — ‘лечение самого себя’, *самоуспокоение* — ‘Х сам успокаивает себя’ и т. д.

Таким образом, *сам-* используется как субъектно-ориентированное средство, проецируемое вершиной *-ся* в случае глаголов, основы которых не могут иметь зависимых. В случае дериватов других частей речи этого запрета нет и *сам-* может одновременно с субъектной функцией выполнять и функцию прямого или косвенного объекта.

Скажем несколько слов о статусе возвратного *-ся*. Мы далеки от того, чтобы предлагать окончательную разгадку проблемы, связанной с позицией *-ся* в структуре глагольной словоформы: почему финитная морфология предшествует показателю залога при том, что в структуре простой предикации расположение морфем обратное.

Как представляется, анализ, при котором *-ся* обладает способностью проецировать собственный материал (*сам-* в нашем случае), подтверждает вершинный статус этого возвратного показателя в структуре глагольной словоформы. Как мы полагаем, русское *-ся* может занимать позицию вершины voiceP аналогично немецкому *sich* [Schäfer 2008: 179—209] или же малого *v*, см. [Kratzer 1996]. Способность *-ся* проецировать собственную структуру отличает этот показатель, например, от суффиксов пассивных причастий *-н/-т*, которые обладают меньшей самостоятельностью и (как следствие) располагаются ближе к корню.

Детальный анализ того, как именно финитная морфология попадает «между» глагольной основой и *-ся*, мы оставляем для будущих исследований.

5. Заключение

Аргументы в составе сложных слов не могут получать агентивных ролей. Стоящие за ними участники — это каузатор или пациенс, но не агенс. *Сам-* в глаголах и причастиях подчиняется этому ограничению, несмотря на то, что регулярно соответствует субъекту. Одновременно с этим *сам-* может выполнять роль прямого (*самосбрасывающийся* = *самосбрасывающий*) или косвенного (*самоуверенный*) объекта.

Грамматичность русских глаголов на *сам-* связана с тем, что *сам-* в этом случае проецируется рефлексивными средствами, *-ся* или *-себя* (реже). В целом сложные глаголы в русском языке непродуктивны — это, скорее всего, связано с неспособностью вербализующих показателей оформлять синтаксические комплексы из более чем одной основы (в противоположность номинализаторам и адъективизаторам). Способность иметь собственные зависимые элементы говорит о вершинном свойстве *-ся*, которое, скорее всего, проецирует составляющую *v(oice)P*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Богданов 2011 — Богданов А. В. Семантика и синтаксис отглагольных адъективов. Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова. [Bogdanov A. V. *Semantika i sintaksis otglagol'nykh ad'ektivov*. Kand. diss. [Semantics and syntax of deverbal adjectives. Cand. diss.]. Moscow: Lomonosov Moscow State Univ., 2011.]
- Гращенко 2016 — Гращенко П. В. Морфология — взгляд из синтаксиса // Вопросы языкознания. 2016. № 6. С. 7—35. [Grashchenkov P. V. Morphology — a view from syntax. *Voprosy jazykoznanija*. 2016. No. 6. Pp. 7—35.]
- Зализняк 1980 — Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1980. [Zalizniak A. A. *Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka* [Grammatical dictionary of Russian]. Moscow: Russkii Yazyk, 1980.]

- Земская 2005 — Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М.: КомКнига, 2005. [Zemskaya E. A. *Slovoobrazovanie kak deyatel'nost'* [Word formation as an activity]. Moscow: Kom-Kniga, 2005.]
- Кибрик, Богданова 1995 — Кибрик А. Е., Богданова Е. А. Сам как оператор коррекции ожиданий адресата // Вопросы языкознания. 1995. № 3. С. 28—47. [Kibrik A. E., Bogdanova E. A. Russian *sam* as an operator of correction of the hearer's expectations. *Voprosy jazykoznanija*. 1995. No. 3. Pp. 28—47.]
- Пазельская 2013 — Пазельская А. Г. Инкорпорация в глагольных формах в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (2013). Селерей В. П. (ред.). Вып. 12. Т. 1. М.: Изд-во РГГУ. С. 579—591. [Pazel'skaya A. G. Incorporation in Russian verbal forms. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»* (2013). Selegei V. P. (ed.). No. 12. Vol. 1. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities Publ., 2013. Pp. 579—591.]
- Плунгян 2003 — Плунгян В. А. Общая морфология: введение в проблематику. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2003. [Plungian V. A. *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku* [General morphology: Introduction to problematics]. 2nd ed. Moscow: Editorial URSS, 2003.]
- Тестелец 2001 — Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: Изд-во РГГУ, 2001. [Testeleets Ya. G. *Vvedenie v obshchii sintaksis* [Introduction to general syntax]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities Publ., 2001.]
- Янко-Триницкая 2001 — Янко-Триницкая Н. А. Словообразование в современном русском языке. М.: Индрик, 2001. [Yanko-Trinitzskaya N. A. *Slovoobrazovanie v sovremennom russkom yazyke* [Word formation in Modern Russian]. Moscow: Indrik, 2001.]
- Chomsky 1981 — Chomsky N. *Lectures on Government and Binding*. Dordrecht: Foris, 1981.
- Chomsky 1995 — Chomsky N. Categories and Transformations. *The Minimalist Program*. Chomsky N. Cambridge (MA): MIT Press, 1995. Pp. 219—394.
- Greenberg 1963 — Greenberg J. H. Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements. *Universals of language*. Greenberg J. H. (ed.). Cambridge (MA): MIT Press, 1963. Pp. 73—113.
- Kratzer 1996 — Kratzer A. Severing the external argument from its verb. *Phrase structure and the lexicon*. Rooryck J., Zaring L. (eds.). Dordrecht: Kluwer, 1996. Pp. 109—137.
- Marantz 1981 — Marantz A. *On the nature of grammatical relations*. PhD diss. Cambridge (MA): MIT, 1981.
- Schäfer 2008 — Schäfer F. *The syntax of (anti-)causatives. External arguments in change-of-state contexts*. Amsterdam: John Benjamins, 2008.

Получено/received 03.07.2016

Принято/accepted 07.02.2017

**ГОРЕ ОТ УМА:
ОЦЕНКА УМА В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА***

© 2017

Татьяна Владимировна Крылова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Москва, 119019, Российская Федерация; ta-kr@yandex.ru

Статья посвящена изучению семантики слов и выражений, связанных с интеллектуальной сферой и при этом выражающих отрицательную оценку, таких как *умник, умничать, умствовать, умствования, мудрствовать, мудрить, заумный, мудреный, высоколобый, всезнайка, ботаник, профессор кислых щей, книжный червь*. Отрицательная оценка этой лексики в русском языковом сознании чаще всего обусловлена следующими наивно-языковыми представлениями: 1) демонстрация интеллекта расценивается как проявление завышенной самооценки субъекта и нарушение принципа скромности (*всезнайка, умник, умничать*); 2) интеллектуальные процессы ассоциируются с целым комплексом негативных представлений: излишняя усложненность, трудность для восприятия, необходимость длительного приложения усилий (*умствовать, мудреный, заумный*); 3) интеллектуальная деятельность связывается с эмоциональной неполноценностью (*мудрствовать, умник*); 4) ум может расцениваться как негативный фактор, формирующий у человека представление о своей привилегированности и толкающий его на нарушение этических и юридических норм (*умник 1.2*), заставляющий его вести себя самонадеянно и проявлять излишнюю инициативу (*умничать 2*).

Ключевые слова: интеллектуальная лексика, полисемия, семантика, языковая оценка, языковая картина мира

**WOE FROM WIT:
INTELLECT IN RUSSIAN LINGUISTIC WORLD IMAGE**

Tatyana V. Krylova

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences,
Moscow, 119019, Russian Federation; ta-kr@yandex.ru

This paper deals with the semantics of words and expressions related to the intellectual sphere and expressing a negative evaluation, such as *umnik, umnichat', umstvovat', umstvovaniya, mudrstvovat', mudrit', zaumnyi, mudrenyi, vysokolobyi, vseznaika, botanik, professor kislykh shchei, knizhnyi cherv'*. The negative evaluation of the intellectual sphere is most often caused by the following naïve ideas reflected in the Russian language: 1) the demonstration of intellect, as a rule, is estimated as a manifestation of high self-esteem and the violation of the principle of modesty (*vseznaika, umnik, umnichat'*); 2) the intellectual sphere and intellectual processes (and their products) are often associated with a whole complex of negative concepts: unnecessary complexity, the difficulty to understand, the need to make efforts for a long time (*umstvovat', mudrenyi, zaumnyi*); 3) intellectual activity is often associated with emotional disability (*mudrstvovat', umnik*); 4) the mind can be estimated as a demonstration of confidence in one's privilege and pushing the person

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 16-04-00302 «Подготовка третьего выпуска Активного словаря русского языка», Программы фундаментальных исследований президиума РАН «Историческая память и российская идентичность», проект «Основной лексический фонд русского языка как элемент русской культуры: системная организация лексики и ее отражение в словаре», а также РФФИ в рамках научного проекта № 16-29-09614 «Принципы и технологии машинной обработки русскоязычных текстов, специфических для социально-сетевой среды».

to the violation of ethical and legal norms (*umnik* 1.2), as well as forcing him to behave overconfidently and to show superfluous initiative (*umnichat* 2).

Keywords: intellectual words, language attitude, linguistic world image, polysemy, semantics

Введение

Многие исследователи, включая А. Д. Шмелева¹, отмечают, что для европейской культуры в целом (и для картины мира, свойственной многим европейским языкам) характерно наличие оппозиции «ум/сердце (душа, чувства)», где предпочтение отдается сердцу. Источники такого рода представлений обычно усматриваются в христианском мировоззрении. Наряду с этим существует мнение, что в разных европейских языках оценка ума не вполне одинакова. Эта точка зрения отражена в работах А. Вежбицкой и Анны А. Зализняк. Так, Вежбицка считает, что английское слово *mind* стало ключевым для английской культуры, вытеснив слово *soul* и вступив в оппозицию со словом *body*, что свидетельствует о возникновении нового типа «обыденного сознания», в котором рациональное мышление рассматривается как главная способность человека [Wierzbicka 1992]. Во французском языке, как отмечает Зализняк, аналогичную роль играет слово *esprit*, объединяющее дух и интеллект; оно тоже выражает один из ключевых для французской культуры концептов.

Между тем в русском языковом сознании, по мнению Зализняк, ум² оценивается не так высоко — русский язык отводит ему «место в “низкой” сфере, объединяя интеллектуальное с телесным и противопоставляя его душевному и духовному». Столь невысокую оценку ума она объясняет наличием в русском языковом сознании устойчивых представлений о непредсказуемости мира, что частично обесценивает ум, который представляет собой, по сути, способность предсказывать ход событий [Анна А. Зализняк и др. 2005: 158, 160].

Хотя мы не вполне согласны с Зализняк в том, что касается причин низкой оценки ума в русском языковом сознании, нельзя не признать, что для него характерно недоверие к рациональной сфере как таковой. Это подтверждается и тем, что в русском языке среди слов, связанных с интеллектуальной сферой, очень много выражающих отрицательную оценку.

К таким словам относятся *умник*, *умничать*, *умствовать* (а также *умствования*), *мудрствовать*, *мудрить*, *заумный*, *мудреный*, *высоколобый*, *всезнайка*, а также современное сленговое *ботаник* и его производные. Кроме того, сходную оценку выражают такие фраземы, как *профессор кислых щей*, *книжный червь*, а также поговорка *Индюк тоже ду-мал, да в суп попал*. Среди этих слов и выражений есть многозначные, причем часто разные лексемы одного и того же слова выражают разную оценку (например, в случае *умник*).

В связи с этим перед нами встают следующие задачи:

- 1) описать полисемию данных слов и выражений, по возможности, толкуя каждое значение;
- 2) проанализировать, какие особенности семантики провоцируют отрицательную (и положительную) оценку в каждом конкретном случае;
- 3) на основании этого анализа попытаться реконструировать русские наивно-языковые представления об интеллектуальной сфере, в частности определить причину отрицательной оценки ума в русском языковом сознании;

¹ Материал устного сообщения.

² Сказанное еще в большей мере относится к *рассудку*; это слово и его дериват *рассудочный* в некоторых контекстах могут выражать отрицательную оценку (ср. *холодные доводы рассудка*): отчасти это связано с тем, что *рассудок* еще в большей степени, чем *ум*, противопоставлен душе и чувствам. Между тем слово *разум* выражает скорее положительную оценку, отчасти из-за того, что он лишен жесткой связи со сферой рационального: во-первых, он ассоциируется с добром и другими этическими ценностями, высшим знанием, во-вторых, он не противопоставляется эмоциональному началу так однозначно, как *ум* и особенно *рассудок*. См. об этом [Урысон 2003; Крылова 2013].

- 4) попытаться выявить связь между семантической структурой лексической единицы и ее оценочным потенциалом;
- 5) определить, как изменилось значение описываемых лексических единиц по сравнению с XIX в.

При описании многозначности описываемых слов мы будем пользоваться понятием лексемы, принятым в Московской семантической школе, понимая под этим слово, взятое в определенном значении. В целях упорядочения каждой из лексем приписывается определенный цифровой индекс, отражающий ее место в системе многозначности данного слова, связь с другими значениями и пр., причем основными считаются не те значения, которые исторически являются исходными, а наиболее употребительные в современном языке.

В ходе семантического анализа вышеназванных слов встает следующая проблема: обнаруживается, что среди них существует несколько единиц, связанных с интеллектуальной сферой лишь опосредованно, через значение корня. Таков, в частности, глагол *мудрить* и лексема *умник 2.1* (представленная в контекстах типа *Вот умник! Посуду помыл!*), а также лексема *умник 1.2* (*Всегда находятся умники, которые норовят обойти закон*). Как нам кажется, они также представляют собой ценный материал для реконструкции наивно-языковых представлений об интеллектуальной сфере, тем более что в их значении всегда в той или иной форме сохраняется некоторая связь с интеллектуальной сферой.

Анализ употребления рассматриваемых слов и выражений (в их основном значении) позволяет разделить их на две группы.

Первую группу образуют слова *заумный*, *мудреный*, *умствовать*, *умствования*, *мудрствовать*, *мудрствования*, *мудрить*. В данном случае основной причиной отрицательной оценки является излишняя усложненность интеллектуального процесса или интеллектуальных продуктов (*заумный*, *мудреный*), а также чрезмерная абстрактность рассуждений и отрыв от реальности (*умствовать*, *мудрствовать*).

Во вторую группу входят *всезнайка*, *профессор кислых щей*, *умничать*, *умник*, *высоколовый*. В этом случае отрицательная оценка обусловлена в первую очередь завышенной самооценкой субъекта. Помимо этого, отрицательная оценка в этих словах и выражениях часто усугубляется ориентацией субъекта на достижение внешнего эффекта: большинство этих слов указывает на то, что субъектом движет желание продемонстрировать свой высокий интеллект или умственное превосходство перед окружающими.

Поскольку в данной статье мы не имеем возможности детально рассмотреть семантику всех этих слов и выражений, ограничимся тем, что приведем их приблизительные толкования во всех значениях, которые они имеют.

1. Слова, включающие указание на излишнюю усложненность интеллектуального процесса или интеллектуальных продуктов

Заумный 1. 'Такой, который трудно понять из-за неясности смысла A1, что обычно является результатом искусственной усложненности, и который поэтому оценивается говорящим отрицательно' [об информационных или языковых объектах].

- (1) В очередных «Киноведческих записках» беседы с Н. Михалковым и С. Соловьевым — такая заумная фигня. Сами не знают, чего говорят [Василий Катанян. Лоскутное одеяло (1990—1999)]³.

Заумный 2. 'Такой, для которого характерно стремление к искусственной усложненности, вследствие чего он создает *заумные 1* объекты'.

³ Примеры из [НКРЯ].

- (2) *Капитан Юматов опять всю ночь просидел над Спенсером, Шопенгауэром или еще над каким-либо очередным заумным немцем* [Борис Васильев. Были и небыли (1988)].

Мудреный. 'Такой, который трудно понять, в котором трудно разобраться или который трудно выполнить из-за чрезмерной сложности его структуры или из-за того, что для его понимания нужны специальные знания, и который поэтому оценивается говорящим отрицательно' [об объектах, созданных человеком].

- (3) *Джука постоянно изобретала что-нибудь, все необычайные ткацкие ковры в округе были ее конструкции, и ни одного патента, на что ей сдались, не умеющей читать, мудреные бумажки?* [Наталья Галкина. Вилла Рено // «Нева» (2003)].
- (4) *На путях уже стояла ручная дрезина с погруженными на нее ящиками с мясом, грибами и пакетами чая, а на них — какой-то мудреный прибор, собранный местными умельцами, наверное, телеграфный аппарат* [Дмитрий Глуховский. Метро 2033 (2005)].

Умствовать, мудрствовать 1. 'Многословно рассуждать на абстрактные темы, не приходя ни к какому конкретному выводу; говорящий отрицательно оценивает излишнюю сложность, отвлеченность и непродуктивность рассуждений субъекта, а также его неспособность к активным действиям'.

- (5) *А то, что они отбросили, оказалось пустой словесной шелухой, пригодной лишь для словоблудия некоторой части умствующих философов* [Александр Зиновьев. Русская судьба, исповедь отщепенца (1988—1998)].
- (6) *Неприятнь к этому человеку вновь зашевелилась в нем: философствует, мудрствует, а по существу дела до сих пор ни хрена не сказал* [Эдуард Володарский. Дневник самоубийцы (1997)].

Мудрствовать 2. 'Человек A1 перед тем, как принять решение по вопросу A2, слишком долго размышляет, причем говорящий считает его размышления более сложными, чем того требует характер ситуации' [обычно в составе оборота *не мудрствуя лукаво* или в форме деепричастия].

- (7) *Не мудрствуя лукаво мы зашли в китайско-вьетнамский ресторанчик «Ки Фок» на Клиши и получили вполне приличный и недорогой обед* [Борис Левин. Иностранное тело (1965—1994)].
- (8) *Они были уверены, что любимая актриса должна испытывать к ним не менее теплые чувства, и, не особенно мудрствуя, с ходу приглашали в ресторан и очень обижались, когда их предложения бывали отклонены* [Н. Леонов, А. Макеев. Ментовская крыша (2004)].

Мудрить 1. 'Человек A1, выполняя действие A2 или пытаясь достичь цели A2, действует слишком сложными методами; говорящий оценивает его действия отрицательно из-за неоправданно большой затраты усилий и времени, а также из-за того, что, по его мнению, действия A1 из-за своей сложности могут привести к плохому результату'.

- (9) *В общем, ученые долго мудрили и не придумали ничего лучше, как отправить дырокол в прошлое* [Евгений Прошкин. Механика вечности (2001)].
- (10) *Действовать следовало без промедления, чтобы сполна использовать фору во времени. Тут не надо мудрить, выстраивать хитроумных комбинаций* [Андрей Троицкий. Удар из прошлого (2000)].

Мудрить 2. ‘Человек А1 делает или говорит что-то непонятное говорящему; говорящий подозревает у него неблагоприятные цели и считает, что он намеренно стремится запутать его’.

- (11) — *Ладно, конспиратор! — проговорил Крячко уже в дверях. — Мудри сколько хочешь, дело твое, — и ушел, хлопнув дверью* [Николай Леонов. Лекарство от жизни (2001)].

2. Слова, включающие указание на завышенную оценку интеллектуального потенциала

Более подробно рассмотрим слова второй группы: *всезнайка, профессор кислых щей, умник, умничать, высоколобый*. В этом случае отрицательная оценка обусловлена, прежде всего, завышенной оценкой своего ума или образованности со стороны субъекта и его излишне назойливым стремлением продемонстрировать их окружающим.

2.1. Всезнайка и профессор кислых щей

2.1.1. Всезнайка

Начнем с существительного *всезнайка*, которое в подавляющем большинстве случаев выражает отрицательную оценку, обусловленную самонадеянностью и самоуверенностью субъекта, убежденного в неограниченности своих знаний. Такая завышенная самооценка кажется говорящему необоснованной и вызывает у него раздражение, тем более что обычно совмещается со стремлением субъекта достичь внешнего эффекта, продемонстрировав свою эрудицию окружающим.

- (12) *Бессовестный всезнайка уверен: он-то в отличие от мамы с папой понимает, что к чему в этой жизни* [Надежда Усольцева. Мам, купи! Как научить желать возможного // «Семейный доктор» (2002)].
- (13) *Эти фаты узаконили в нашей литературе тип молодого литератора — фанфарона, всезнайку и трепача* [Владимир Чивилихин. «Моя мечта — стать писателем», из дневников 1941—1974 гг. // «Наш современник» (2002)].
- (14) *Надо же, [...] сколько серьезности, сколько немеренного превосходства всезнайки и зануды во всем ее нелепом облике* [Сергей Солоух. Клуб одиноких сердец унтера Пришибеева (1991—1995)].
- (15) *Мне стало так обидно, что эта кудрявая всезнайка демонстрирует мне свое превосходство при очень взрослом и очень старом мужчине* [Татьяна Соломатина. Мой одесский язык (2011)].

Отрицательная оценка *всезнайки* может быть вызвана рядом других факторов, в частности назойливостью субъекта, который утомляет окружающих демонстрацией своей учености или осведомленности (16). По этой причине часто используются эпитеты *занудливый, утомительный* и пр. (17—18), ср. также (14).

- (16) *Особенно везде приелся тип всезнайки — бывают такие дурачки, которые, если смотрят в кинотеатре детектив второй раз, никак не могут удержаться, чтоб не испортить окружающим удовольствие, подсказывая, что дальше будет* [Север Гансовский. Винсент Ван Гог // «Химия и жизнь» (1970)].
- (17) *Он всегда в белом костюме, утомительный всезнайка, ментор* [Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия // «Русская Жизнь» (2007)].

- (18) *Я обязательно постараюсь исправиться и не быть больше таким... занудливым, высокомерным всезнайкой, — сделав над собой усилие, выговорил он* [Дмитрий Емец. Таня Гроттер и магический контрабас (2002)].

В других случаях отрицательная оценка *всезнайки* может объясняться тем, что это слово указывает на поверхностность и неосновательность знаний субъекта, который щеголяет знанием фактов при отсутствии глубины понимания проблемы, рассуждает слишком поспешно или делает скороспелые выводы:

- (19) *Тон — бодрого напористого всезнайки, быстрого на побочные ассоциации* [А. И. Солженицын. Образованщина // «Новый мир» (1974)].
- (20) *Ну доколь, в самом деле, будем глядеть, как какой-то всезнайка-скороспелка пытается за полгода поломать все, что мы с вами восемь лет склеивали* [Семен Данилюк. Рублевая зона (2004)].
- (21) *Помню, как старая няня моей сестры крестилась во время грозы, а я, десятилетний пионер-всезнайка, объяснял ей, что надо бояться молнии, а не грома, и «вообще — Бога нет!»* [Вениамин Браславский. Незнакомый запад // «Вестник США» (2003)].

Кроме того, слово *всезнайка* может подчеркивать теоретический характер знаний при отсутствии практических умений:

- (22) *Но если уж современного человека угораздит попасть в ловушку «страсти нежной», то он, будучи даже универсально начитанным всезнайкой, проявляет полнейшую некомпетентность в применении любовных приемов и уловок* [Дмитрий Голынкин-Вольфсон. Культура интим-сервиса и кризис иронии // «Искусство кино» (2003)].

Наряду с контекстами, в которых отрицательная оценка *всезнайки* выражена явно, существуют и такие, где она несколько ослаблена: слово указывает либо на хорошую осведомленность субъекта, владение полной информацией (23—24), либо на его разностороннюю образованность и эрудированность (25—26).

- (23) — *С какой же целью?* — *Мы не всезнайки, господин Дроздов* [Валериан Скворцов. Сингапурский квартет (2001)].
- (24) — *Как, Том, ты оказывается, знаешь и эту леди?* — *воскликнул шарманичик. — Да ты какой-то всезнайка!* [Роберт Штильмарк. Наследник из Калькутты (1950—1951)].
- (25) *Вторым послем в Россию отправился Готье Савейер, епископ города Мо, [...] весьма ученый муж, прозванный за свою начитанность Всезнайкой* [А. П. Ладинский. Анна Ярославна — королева Франции (1960)].
- (26) *Алик Крамер, главный герой повести, обладал жуткой эрудицией, такой всезнайка, вот он Чемберленом и блеснул* [Евгений Гик. Как Василия Аксенова «злодеем» пугали // «Наука и жизнь» (2009)].

Однако даже в этих контекстах ощущается еле уловимая насмешка⁴ и легкий оттенок скептицизма. Чтобы их ощутить, достаточно сравнить фразы *Он всезнайка* vs. *Он все знает; Он эрудит*; ср. также следующий пример:

- (27) *Меня удивляет, насколько «наука» умудряется выставять себя «всезнайкой» и при этом закрывать глаза на многие-многие вещи в жизни* [Человек (форум) (2007.03.05)].

⁴ Скорее всего, оттенок насмешки вносится в значение слова *всезнайка* уничижительным суффиксом -к (ср. *попрошайка, зазнайка*).

Итак, можно предложить следующее толкование слова *всезнайка*: ‘Человек, который уверен в том, что он все знает, и стремится произвести на окружающих впечатление своей эрудицией и осведомленностью; говорящего раздражает самоуверенность субъекта, кроме того, он считает, что на самом деле субъект знает не так много, как хочет показать, и относится к нему с пренебрежением и насмешкой’.

2.1.2. Профессор кислых щей

Слово *всезнайка* интересно сравнить с фраземой *профессор кислых щей*, которая обычно употребляется шутливо, когда говорящий хочет подчеркнуть, что субъект только имитирует ученость — заявляет о своей осведомленности в каком-то вопросе, в котором на самом деле не разбирается, или берется рассуждать на недоступные ему темы. Их сближает указание на чрезмерные интеллектуальные притязания субъекта, которые говорящий считает неоправданными. Однако если в случае *всезнайки* говорящего раздражает убежденность субъекта в неограниченности его знаний, то здесь говорящий считает претензии субъекта на ученость, образованность и компетентность в принципе необоснованными или неуместными, как в следующих примерах:

- (28) *Улицу Антон любил, но она была к нему сурова: дразнила профессором кислых щей, была — за отказ признать, что удавы бывают в сто метров длиной* [Александр Чудаков. Ложится мгла на старые ступени (1987—2000) // «Знамя»].
- (29) *Ты не мальчишка. Нет. Ты просто профессор! Настоящий профессор... кислых щей!* [Виктор Драгунский. Денискины рассказы / Профессор кислых щей (1963)].

Можно предложить следующее примерное толкование фраземы *профессор кислых щей*: ‘Человек, который хочет произвести на окружающих впечатление образованного, хотя, по оценке говорящего, таковым не является, и который с этой целью рассуждает о том, в чем на самом деле плохо разбирается; говорящий относится к нему с насмешкой’.

2.2. Умничать и умник

С *всезнайкой* и *профессором кислых щей* сближаются слова *умник* и *умничать* в своих основных значениях, которые реализуются в лексемах *умничать 1* и *умник 1.1*. (Приведем их сокращенные толкования: *умничать 1* — ‘стараться продемонстрировать свой ум’, *умник 1.1* — ‘человек, который считает себя умнее других’.) Все эти лексические единицы указывают на высокую оценку субъектом своих интеллектуальных возможностей и на его стремление продемонстрировать их окружающим. Ср. следующий контекст, в котором *умник 1.1* и *всезнайка* сближаются между собой:

- (30) *Я тебе скажу почему [все избегают тебя]. Потому что ты стал большой ишишкой, всезнайкой, умником! Ты теперь вундеркинд, яйцеголовый. Всегда с книжкой и знаешь ответы на все вопросы. Ну и что? Думаешь, ты лучше нас?* (Д. Киз, пер. с англ. С. Шарова).

Одно из различий между словами двух этих групп состоит в том, что первые используются не только тогда, когда субъект щеголяет своей образованностью (31—32), но и тогда, когда он стремится блеснуть своим умом — глубиной рассуждений, способностью верно анализировать ситуацию, оригинальностью подхода к проблеме и др. (33—34).

- (31) *Был в третьем, кажется, или в четвертом веке нашей эры один такой церковный иерарх Николай Мирликийский, слышали о таком? — Ой! Опять вы умничаете?* [Афанасий Мамедов, Исаак Милькин. Самому себе // «Октябрь» (2003)].
- (32) *Интеллектуальная дерзость Глеба не может пока стать образцом для подражания: он слишком «особенный» (всезнайка, умник, книжник), явно не такой, как все*

[Г. А. Цукерман. У истоков учебной общности: микроанализ одного урока в первом классе (2003) // «Вопросы психологии»].

- (33) — *Что, по-прежнему будете умничать насчет цепи случайностей?* — задал вопрос Сунков [Марианна Баконина. Девять граммов пластита (2000)].
- (34) *История о березке оказалась ей вполне достойным пропуском в те заоблачные сферы, где, вероятно, подобные мне умники философствуют о чем-то благородном и возвышенном* [Михаил Елизаров. Библиотекарь (2007)].

Еще одна общая особенность этих лексем состоит в том, что на первый план выходит стремление субъекта продемонстрировать свое интеллектуальное превосходство перед окружающими, что для *всезнайки* и *профессора кислых щей* менее обязательно.

2.2.1. Умничать

Основное различие между *умничать 1* и *умником 1.1* состоит в том, что для первого из них, по сравнению со вторым, более обязательно наличие речевого акта. При этом *умничать 1* обычно используется, когда субъект демонстрирует свои знания и ум, пускаясь в сложные рассуждения или используя научные термины (35).

- (35) — *Лаэрт — жертва эдипова комплекса, — усмехнулась Фаина. — Эдип тут ни при чем, — с досадой отмахнулась Катя. — Не умничай, Фаина... Он жертва своей матери!* [Т. Тронина. Никогда не говори «навсегда» (2004)].

Умничать 1 можно истолковать следующим образом: ‘Человек А1 в разговоре с человеком А2 стремится продемонстрировать свой ум или образованность; говорящий считает, что он делает это, потому что хочет подчеркнуть свое превосходство перед А2, и оценивает поведение А1 отрицательно’.

От лексемы *умничать 1* следует отличать менее употребительную лексему *умничать 2*:

- (36) *Нечего умничать. Делай то, что тебе говорят* [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей (1978)].
- (37) *Тебе люди дельные вещи говорят, правильные! А ты в ответ умничаешь!* [Андрей Рубанов. Сажайте, и вырастет (2005)].

Умничать 2 не предполагает в обязательном порядке наличия речевого акта, а используется для характеристики поступков человека, который, имея завышенные представления о своем уме, поступает своевольно. Вот приблизительное толкование этой лексемы: ‘Человек А1, считая себя очень умным, поступает в ситуации А2 не так, как принято или как ему говорят старшие, а так, как он сам считает правильным; говорящий считает такое поведение чрезмерно самонадеянным и оценивает его отрицательно’. В данном случае отрицательная оценка обусловлена тем, что субъект проявляет самостоятельность и инициативу, которая кажется говорящему излишней; показательно, что такое поведение связывается с завышенной интеллектуальной оценкой.

2.2.2. Умник

Перейдем к рассмотрению слова *умник*. По интенсивности отрицательной оценки оно не выделяется из общего ряда (в отличие, скажем, от слова *высоколобий*, выражающего более резкую отрицательную оценку), в некоторых значениях оно выражает скорее положительную, чем отрицательную оценку, сближаясь в этом отношении с *всезнайкой*. Тем не менее, как ни парадоксально, слово *умник* (особенно если учитывать его употребления в конце XIX — начале XX в.) еще в большей мере, чем *умствовать*, «вобрало» в себя все

отрицательное, что связывается в русском языковом сознании с представлением о рациональной сфере. Характерно, что, как и в случае *всезнайки*, даже те лексемы этого слова, которые в целом выражают положительную оценку, зачастую обнаруживают тенденцию к шутливому или ироническому употреблению или приобретают оттенок насмешки. С ними и начнем, хотя они, безусловно, значительно менее употребительны, чем лексемы, выражающие отрицательную оценку.

2.2.2.1. Лексемы слова *умник*, выражающие положительную оценку

Умник 2.1. Эта лексема используется исключительно в оценочных контекстах, обычно в сочетании с местоимениями *какой*, *вот*; она стилистически отмечена как разговорная и одновременно уходящая: *Вася, какой же ты умник — получил «пять» по литературе / не забыл купить молоко!*

Умник 2.1 сближается со словами *умничка*, *молодец*, а также с лексемой *умница 1* (*Вот умница! Не забыл принести книгу!*); все они, за исключением *молодца*, тоже являются разговорными⁵. Основное отличие лексемы *умник 2.1* от всех перечисленных заключается в том, что она используется только применительно к детям (причем к мальчикам). Вот ее примерное толкование: ‘Мальчик А1, который совершил хороший или правильный поступок А2’. Поскольку данная лексема употребляется применительно к детям, она предполагает незначительный масштаб положительно оцениваемых поступков: обычно это помощь другому человеку, проявление послушания или самостоятельности, соблюдение дисциплины и др.

(38) *Со вздохом удовольствия она опускает ноги в теплую воду. — Вот умник, что печку затопил* [В. Ф. Панова. Времена года. Из летописей города Энска (1953)].

При анализе значения данной лексемы обнаруживается некий семантический парадокс: хотя она и используется, когда говорящий хвалит субъекта за соблюдение нравственных норм и правильное поведение, тем не менее она представляет собой похвалу уму, что особенно отчетливо ощущается, если сравнить *умника* с *молодцом*. Поэтому в толкование *умника 2.1*, возможно, следует включить компонент ‘говорящий видит в этом проявление его ума’. В НКРЯ большинство примеров употребления данной лексемы относится к началу XX в.⁶:

(39) — *Ну, будь умником, не капризничай, не раздражай мамочку и пиши мне почаще...* [В. П. Катаев. Ружье (1914)].

(40) *Бабушка, погладив меня по голове, говорила, что я «умник»* [Н. П. Карабчевский. Что глаза мои видели. В детстве (1921)].

(41) *Вот ты умник, ты дотерпел, знаю. И молочка в пост не пил, небось?* [И. С. Шмелев. Лето Господне (1927—1944)].

В современном языке описываемая лексема встречается достаточно редко; несмотря на положительную оценку, она часто употребляется с шутливым оттенком (даже по отношению к детям) и практически всегда выражает снисходительное отношение к субъекту.

Следует отметить, что оттенок снисходительности вообще характерен для многих перечисленных слов и лексем, в частности для лексемы *умница 1* и особенно для слова *умничка*. Все они предполагают покровительственное отношение к субъекту и чаще всего

⁵ См. об этом также [Левонтина 2004].

⁶ Интересно, что до начала XX в. это значение было развито достаточно слабо: в текстах XIX в. нам встретилось только два примера, причем оба относятся к 1890-м гг.: *Отправляйся в детскую с няней и будь умником* [З. Н. Гиппиус. Месть (1896)]; *И Пиратка ложился на бок, бессильно протянув лапы и голову. — Ну вот, умник, Пиратушка, молодчина! — одобрял старик* [А. И. Куприн. Пиратка (1895)].

употребляются, когда говорящий хвалит того, кто имеет более низкий статус. Ни одна из этих лексических единиц не используется, когда субъект занимает более высокое положение, чем говорящий: *— *Вот умница!* (*умничка, умник*) — *сказал он отцу*.

Особенно отчетливо оттенок снисходительности ощущается в слове *умничка*, где уменьшительно-ласкательный суффикс выражает нежность, но в то же время подчеркивает, что говорящий относится к субъекту свысока. Для этого слова особенно типично наличие статусной дистанции между говорящим и субъектом, в роли которого часто выступают животные, дети или люди, имеющие более низкий статус (42—44). Кроме того, для *умнички* очень типична ситуация, когда мужчина обращается к женщине (45).

- (42) — *Ишь, — произнес, вздыхая, — умничка, видать... Глазки-то плачут. Понимает, все понимает, зверюга, а что я могу?* [Анатолий Приставкин. Радиостанция «Тамара» (1994)].
- (43) *Ольга Ивановна принялась убирать свой гербарий в папку. — А ты умничка, — мило-стиво сообщила она мне* [Ирина Полянская. Прохождение тени (1996)].
- (44) — *Какая же вы умничка, Марина Николавна. И точно в срок, и, я смотрю, опечаток нет совсем...* [Вячеслав Рыбаков. Хроники смутного времени (1998)].
- (45) — *Умничка!* — *Сергей поцеловал ее, и они пошли по платформе* [Андрей Житков. Супермаркет (2000)].

Помимо снисходительного отношения к субъекту со стороны говорящего, перечисленные лексические единицы сближает еще и характер того, за что говорящий хвалит субъекта: основанием для положительной оценки субъекта становятся не столько интеллектуальные способности субъекта, сколько его правильные поступки, как в случае *умник*, или же и то и другое, как в случае *умница 1, умничка*. Указанным лексическим единицам противопоставлена лексема *умница 2*, которая не содержит оттенка снисходительности и употребляется только для характеристики умственных способностей субъекта, но не его поведения (ср.: *Иван Иванович — большая умница. Его последняя статья вызвала настоящий переворот в биологии* vs. *Иван Иванович — большая умница. Он не забыл вовремя внести страховой взнос*). Это наводит на мысль о том, что, согласно наивно-языковым представлениям, интеллект человека, занимающего относительно низкое положение по сравнению с говорящим, как и интеллект животного, оценивается главным образом по его поступкам, его ум выражается в правильном поведении.

Умник 2.2. Эта лексема значит ‘умный человек’ (46—47) и употребляется в качестве антонима *глупцу* и *дураку*, причем для нее типично использование в контекстах противопоставления (48).

- (46) *Если бы человеческая мысль не пропадала зря, [...], если бы какой-нибудь умник нашел способ использовать ее даровое электричество, тогда к двум этажам департамента можно было бы подключить все трамваи Москвы* [Андрей Волос. Недвижимость (2000)].
- (47) *Никто так рынок не промаркетит. Умник редкий* [Семен Данилюк. Рублевая зона (2004)].
- (48) *Этот вопрос может задать друг и враг, умник или глупец, свой или чужой* [Денис Драгунский. Один народ — одна Сеть — один клик // «Частный корреспондент» (2010)].

Следует отметить, что в большинстве контекстов у лексемы *умник 2.2* присутствует легкий оттенок насмешки — чтобы ее почувствовать, достаточно сравнить *умника* с *умницей* или *гением*. Кроме того, у нее есть особый разговорный круг употреблений, значительно более частотный, чем основной, где она употребляется иронически. В этом случае говорящий

комментирует конкретные поступки или решения субъекта, оценивая их как глупые, неправильные или неудачные. Ср. типичное *Тожe мне, умник нашeлся <выискался>; Какой-то умник додумался <догадался>...*, а также следующие примеры:

- (49) *Как потом выяснилось, какой-то умник перепутал управления рулями курса и рулями высоты!* [Игорь Ушаков. Записки неинтересного человека // «Вестник США» (2003)].
- (50) *Какой умник сказал, что страдания возвышают? Чушь собачья* [Михаил Шишкин. Письмовник (2009)].

В описываемом круге употреблений лексема *умник 2.2* допускает два режима использования. В первом из них она обычно употребляется эвфемистически, максимально сближаясь со словами *дурак, идиот*, при этом часто (хотя и не всегда) пишется в кавычках (51—52). Во втором круге *умник 2.2* указывает на то, что субъект, по мнению говорящего, не просто совершил ошибку, но сделал это из-за излишней самонадеянности, из-за того, что переоценил свои умственные способности или знания в какой-либо области (50, 53—54). В этом случае перед нами употребление, промежуточное между лексемами *умник 2.2* и *умник 1.1*.

- (51) *Так, в прошлом году некий «умник» положил учебную гранату на почтовый ящик в подъезде одного из жилых домов* [Елена Маслова. Происшествия // «Встреча» (2003)].
- (52) *Какие-то «умники» стали разводить в них костры, в результате на тех же Братских могилах многие урны просто полопались от высокой температуры* [Юрий Козлов. Есть такая служба (2003) // «Встреча» (Дубна)].
- (53) *Что они только не говорили мне, эти умники! Как запугивали! И посмотри, ведь обошлось!* [Ирина Муравьева. Мещанин во дворянстве (1994)].
- (54) *В центр этой маленькой, засаженной деревьями и заставленной столиками площади умники-градостроители умудрились втиснуть новый мраморный фонтан* [Дина Рубина. Белая голубка Кордовы (2008—2009)].

2.2.2.2. Лексемы слова *умник*, выражающие отрицательную оценку

Умник 1.1. Данная лексема уже частично обсуждалась в разделе 2.2.1. Как и большинство лексем слова *умник*, она является разговорной. Как уже отмечалось, *умник 1.1* максимально сближается с уже рассмотренными нами словами и выражениями *всезнайка, профессор кислых щей, умничать*, особенно с последним из них. Напомним, что *умник 1.1*, как и *умничать*, указывает на то, что субъект, по мнению говорящего, стремится подчеркнуть свое умственное превосходство. При этом форма, в которой он демонстрирует это превосходство, может быть различной: как речевой (55), так и неречевой. В этом случае говорящий может усматривать такую демонстрацию даже в действиях или поступках субъекта (56).

- (55) *Отличный рассказ есть у Шукшина под названием «Срезал» про деревенского умника, поглощавшего без разбору статьи из популярных журналов, а потом диковатой аргументацией «срезавшего» городских* [Конфликт цивилизация (миф или реальность) (2006)].
- (56) — *Вы слышали, — продолжал Петр, — сегодняшние-то правительственные умники академиков утесняют, хотя сами наукой управлять* [Сергей Есин. Маркиз Астольф де Кюстин. Почта духов, или Россия в 2007 году (2008)].

Более того, зачастую *умник 1.1* употребляется тогда, когда конкретные проявления интеллектуального высокомерия субъекта являются весьма неопределенными или вовсе отсутствуют. Так, *умником* могут называть человека, который слишком много, по мнению

говорящего, тратит усилий на учебу, или имеет преимущество в образовании, или проявляет чрезмерную склонность к интеллектуальной деятельности — все это может давать основания говорящему подозревать субъекта в интеллектуальном высокомерии. Ср. *Ее раздражали умники, даже на перемене не растающие с книжкой*; ср. также (57—58).

- (57) *Усугубить ситуацию может и то, что одноклассники нередко дают таким ребятам обидные клички типа «умник», «зубрила» и т. д.* [Алевтина Луговская. Если ребенок боится ходить в школу (2002)].
- (58) *Я зубрил уроки день и ночь, а все только называли меня занудой, ботаником, умником!* [Дмитрий Емец. Таня Гроттер и магический контрабас (2002)].

Если же *умник 1.1* указывает на наличие речевого действия, эта лексема, в отличие от *умничать*, не обязательно предполагает демонстрацию субъектом своего интеллектуального потенциала посредством рассуждений на отвлеченные темы или использования научных терминов. *Умник 1.1*, в отличие от *умничать*, может употребляться, когда субъект поучает других людей, дает советы, задает вопросы в ситуации, в которой он, по мнению говорящего, не вправе этого делать, учитывая его невысокий статус или незначительную роль в этом:

- (59) *Не приведи Господь задавать российским учителям вопросы — сразу прослынешь умником, несчастнейшее сословие в наших учебных заведениях* [Михаил Шишкин. Всех ожидает одна ночь (1993—2003)].
- (60) *Вы, может быть, недовольны: что за умник нашелся, который смеет меня учить?* [Б. В. Савинков (В. Ропшин). То, чего не было (1918)].

Вообще для данной лексемы очень типично употребление в ситуации, когда желание субъекта подчеркнуть свое интеллектуальное превосходство выливается в то, что он позволяет себе по отношению к другим больше, чем говорящий считает допустимым; в этом случае *умник 1.1* отчасти сближается со словами *нахал*, *наглец*. При этом выход за границы допустимого может выражаться не только в нарушении этикета (например, в том, что субъект ведет себя недостаточно почтительно со старшими), но и в совершении поступков, которые, по мнению говорящего, показывают завышенное представление о своей значимости или статусе:

- (61) *Какие-то умники, не спросясь его, затеяли неслыханное дело!* [Борис Евсеев. Евстигней // «Октябрь» (2010)].

Таким образом, для лексемы *умник 1.1* можно выстроить следующее толкование: ‘Человек мужского пола, который считает себя умнее других, в частности, умнее говорящего, и подчеркивает это всем своим поведением и поступками; говорящий оценивает его поведение отрицательно, поскольку считает его нескромным, и испытывает раздражение из-за того, что субъект демонстрирует ему свое интеллектуальное превосходство’.

Наряду с основным кругом употреблений у *умника 1.1* существует особый круг «сдвинутых» употреблений, где *умник* значит ‘человек умственного труда’; при этом показательно, что отрицательная оценка сохраняется, хотя она менее резкая, чем в основном круге. Это вызвано тем, что говорящий испытывает презрение к интеллектуальной деятельности как таковой — она вызывает представление об уродстве или неполноценности (отсюда эпитеты *субтильные*, *яйцеголовые*), или же связывается с отрывом от реальности (*кабинетные умники*).

- (62) *Лечи пожал плечами: — Это тебе нужна нормальная страна. Тебе и еще нескольким умникам, таким, как ты. Ты бы сидел да читал свои книжки. И работал в ведомстве, бумажки сочинял* [Герман Садулаев. Шалинский рейд (2009) // «Знамя»].
- (63) *Это ж какие потери! Кто-нибудь из вас, умников кабинетных, подсчитал?* [Семен Данилюк. Бизнес-класс (2003)].

- (64) *Пора отойти от мысли, что вот какие-то яйцеголовые умники где-то между собой что-то придумали, [...] а нам потом с этим жить* [Василий Корецкий. Самоуправляемая электрокапсула // «Русский репортер» (2011)].
- (65) [Кто ходит на тренинг по рукопашному бою?] *Субтильные умники, изживающие комплекс «бить человека по лицу я с детства не могу»?* [Вадим Аплетев. Гражданское добивание // «Русский репортер» (2011)].

Умник 1.2. Существует одна разновидность контекстов, где слово *умник* выражает отрицательную оценку, однако его значение не укладывается в толкование, предложенное для лексемы *умник 1.1*: *Явился на все готовенькое? Ишь какой умник!; Значит, ты все решил? Уезжаешь, а мне расхлебывать? Ишь какой умник!*

- (66) *Тут один кооператор [...] привез компьютеры и загнал их по сумасшедшей цене, — заявил Горбачев. — Есть в нашей стране умники, которые пользуются моментом...* [Артем Тарасов. Миллионер (2004)].
- (67) *Благодаря той же разнице во времени... особо проворные умники сфоткали тесты на мобильный, и слили в сеть...* [коллективный. Форум: Ваше отношение к ЕГЭ? За или против (2005—2008)].
- (68) *Кодекс ничего не может гарантировать. Всегда найдутся умники, которые попытаются сжульничать* [Анна Простякова, Андрей Митьков. Ричард Паунд: «В употреблении допинга мы подозреваем всех» // «Известия», 2002.12.10].

В данном случае перед нами особая лексема — *умник 1.2*. Как и предыдущая лексема, она является разговорной; для нее типичны сочетания *Нашелся умник; Ишь (какой) умник*. Хотя *умник 1.2*, как и *1.1*, тоже выражает отрицательную оценку, очевидно, что ее причиной в данном случае становится уже не назойливая демонстрация окружающим своего ума, а нечто иное. В большинстве вышеприведенных примеров речь идет о том, что субъект поступает нечестно: пытается достичь цели незаконным путем, получить что-либо, не затратив усилий или уйти от ответственности или заслуженного наказания, обнаруживая при этом ловкость и расторопность.

Существуют контексты, где *умник 1.2* указывает на то, что субъект обнаруживает чрезмерные, с точки зрения говорящего, притязания:

- (69) *В общем гаме больше всех [...] шумел [...] Коля Крымов: «Имей совесть! — кричал он то одному, то другому. — Куда ты ее повезешь, ну куда?.. Ишь, умник. Легкой добычи захотелось?!»* [Владимир Маканин. Голоса (1977)].

Во всех этих случаях субъект, по мнению говорящего, совершает поступки, которые не имеет права совершать, причем причина такого поведения — уверенность субъекта в том, что ему позволено то, что не позволено другим людям. В этом значении *умник* сближается со словом *умный* в сочетаниях типа *больно умный, ишь умный какой*, свойственных для разговорного языка; ср. также — *Ишь, умный нашелся! Все в очереди стоят, а он без очереди пытается пролезть*. (Не исключено, что *умник 1.2* — дериват от прилагательного *умный* в описываемом значении.) В этом значении слово *умный* синонимично словам *хитрый, ловкий*⁷ и указывает на то, что субъект пытается достичь своей цели в обход других людей, используя для этого нестандартные способы, часто предполагающие не вполне честное поведение или нарушение тех или иных норм.

Можно предложить следующее толкование лексемы *умник 1.2*: ‘Человек А1, который ради личной выгоды нарушает закон или этические нормы, поступая нечестно или требуя

⁷ Аналогичное значение представлено в просторечном употреблении у слов *деловой, простой*: *Ишь деловой! А платить кто будет?; Нет, вы только посмотрите! Такая простая! Оттолкнула меня и пролезла вперед!*

больше, чем он заслуживает, поскольку считает, что для него, в отличие от других, соблюдение этих норм не обязательно; говорящий не одобряет поведение субъекта, поскольку считает, что соблюдение указанных норм обязательно для всех без исключения’.

Для данной лексемы возможно ослабленное употребление, в котором она указывает на то, что субъект пытается уклониться от исполнения своих обязанностей:

- (70) — *Куда собрались?! — это уже адресовалось наемникам. — Умники! А убирать за собой!? Взяли лопаты...* [Михаил Елизаров. Библиотекарь (2007)].

В значении этой лексемы отразилось наивно-языковое представление о том, что высокий интеллект может создавать у человека ощущение привилегированности, которое, в свою очередь, толкает человека на нарушение общеобязательных правил.

Интересно рассмотреть, каким изменениям подверглось значение слова *умник* за последнее столетие. Судя по примерам, с конца XIX в. употребление положительно оцениваемых лексем мало изменилось. Что касается лексем с отрицательным значением, то здесь произошли существенные изменения. Лексема *умник 1.2* в конце XIX — начале XX в., по-видимому, существовала, но была малоупотребительна — нам встретилось всего несколько примеров ее использования (68). Центральное место среди отрицательно оцениваемых лексем занимала лексема *умник 1.1* (69—72); в текстах конца XIX — начала XX в. она даже более употребительна, чем в современных текстах (73—75).

- (71) — *О-то-братъ? [...] Ишь ты, умник! Пра-а, умник!.. Я заслужил, а ему отдай... Мужик?* [Ф. Д. Крюков. Мечты // «Русское Богатство» (1908)].

- (72) *Ни у кого нет чистого, нетронутого места на душе; в кружке поклоняются пустому краснобаю, самолюбивому умнику* [И. С. Тургенев. Гамлет Щигровского уезда (1849)].

- (73) *Невольно приходит на мысль вековечное слово об умниках, которые совсем обезумели оттого, что возомнили себя мудрыми* [К. П. Победоносцев. Московский сборник (1896)].

- (74) *Я умников да умниц не люблю, модницам и щеголям не потатчик. Главное, батенька, в жизни и в службе — не заноситься* [Ф. К. Сологуб. Капли крови (Навыи чары) (1905)].

- (75) *«Всесветные умники, — думал Самгин, слушая речи, досадно совпадавшие с некоторыми его мыслями. — Критикуют, поучают, по праву чужих... Гейне, Марксы...»* [Максим Горький. Жизнь Клима Самгина (1928)].

Существенно, что на рубеже XIX—XX вв. у лексемы *умник 1.1*, как и сейчас, существовал особый круг «сдвинутых» употреблений, в которых смысл ‘демонстрация своего интеллектуального превосходства’ редуцировался. Но если в современном языке *умник 1.1* в такого рода употреблениях значит ‘человек, который занимается умственной деятельностью’, то раньше она значила, скорее, ‘человек, склонный к умственной деятельности и к рассуждениям на абстрактные темы’, сближаясь с *умствовать* указанием на чрезмерную рассудочность, рациональность, недоразвитость эмоционального начала (76), а также интеллектуальную неполноценность: отсутствие глубины и гибкости мышления, поверхностность знаний и рассуждений субъекта, их оторванность от жизни, догматизм и зашоренность субъекта (77—79). Наконец, в текстах XIX—XX вв. *умник 1.1*, подобно *умствовать*, часто указывает на неспособность субъекта к действию (80).

- (76) *Из живого, здорового полнотою чувства ребенка делается рефлектер, резонер, умник, и, чем лучше он говорит о чувствах, тем беднее он чувствами, — чем умнее он на словах, тем пустее он внутренне* [В. Г. Белинский. Общая риторика Н. Ф. Кошанского (1844)].

- (77) *Эти умники все такие глупые, не с кем мне поговорить* [А. П. Чехов. Вишневый сад (1904)].

- (78) *Он, постоянно и упорно удаляясь от умников, имеющих готовые определения на всякий предмет, постоянно и упорно смеялся над ними* [П. В. Анненков. Литературные воспоминания (1882)].
- (79) *Она меня назвала неизлечимым умником, сказала, что такие, как я, болезнь мира. Это неверно. Неправда. Я — не книжник, не догматик* [Максим Горький. Жизнь Клима Самгина. (1928—1935)].
- (80) *«Не нужно нам умственного пролетариата! Слишком много шатается по Руси всех этих умников, ни на какое настоящее дело не пригодных!» Слова: «интеллигенция» и «интеллигент» — произносятся с особым выражением, почти как смехотворные прозвища* [П. Д. Боборыкин. Однокурсники (1900)].

Для лексемы *умник 1.1* в современном употреблении тоже возможно указание на отрыв от жизни и неспособность к действию, на стремление все усложнять, однако в современных текстах таких примеров несравнимо меньше:

- (81) *Вы все умники, семи пядей во лбу, делаете все сложным!* [Михаил Шишкин. Венерин волос (2004) // «Знамя»].

2.3. Высоколобый

Перейдем к последнему слову рассматриваемой группы — прилагательному *высоколобый*, которое стоит особняком. До недавнего времени оно использовалось только в прямом значении, в качестве характеристики внешности (*высоколобый 3*):

- (82) *Свет от керосинки неровно падал на высоколобое лицо гостя* [Владимир Личутин. Любостай (1987)].
- (83) *Самгин слушал диалог двух людей; [...] один худощавый, лысый, с длинными усами, [...] другой — в синих очках на толстом носу, седобородый, высоколобый* [Максим Горький. Жизнь Клима Самгина. (1928—1935)].

В последние десятилетия слово *высоколобый* стало активно использоваться в переносном значении для характеристики людей, занимающихся интеллектуальной деятельностью (*высоколобый 1*). Хотя эта лексема частично сближается со словом *интеллектуал*, между ними существует ряд серьезных смысловых различий: *интеллектуал* характеризует умственные способности и сферу интересов, тогда как *высоколобый 1* сближается с *умником 1.1* и, прежде всего, указывает, так сказать, на социальную принадлежность субъекта, относящегося к интеллектуальной элите. В связи с этим *высоколобый* часто характеризует не отдельных людей, а круг лиц определенной профессии, принадлежащей к творческой и научной интеллигенции.

- (84) *Фантастов не печатали толстые журналы, фантастов не замечала высоколобая литературная критика* [Ант Скаландис. Главы из книги // «Наука и жизнь» (2008)].
- (85) *Высоколобые физики-отказники стали устраивать на своих квартирах международные научные семинары* [Василий Аксенов. Тайнственная страсть (2007)].
- (86) *Не высоколобые выскочки — невежественная темная масса выстрадала идею Бога, который вправе казнить и миловать и воплощает высшее знание* [Леонид Зорин. Юпитер (2001) // «Знамя», 2002].

Кроме того, форма *мн. ч. высоколобые* может употребляться в функции существительного для обозначения представителей интеллектуальной элиты в целом, без указания на конкретную специальность. При этом она часто используется в сочетании с названием

учебного учреждения, научного центра и др. В такого рода контекстах *высоколобий* максимально сближается с лексемой *умник 1.1*.

- (87) *Им длинноволосые и высоколобые со всех сторон объясняли насчет Джонсона — убийцы детей* [Александр Кабаков. Салон (1987)].
- (88) *Я включил кадры, где адмирал, отвечая на мой вопрос, сказал, что «Камилла» пойдет куда угодно, лишь бы не на Америку, и добавил, махнув рукой: это, мол, знают одни высоколобые — то есть ученые* [Евгений Велтистов. Ноктюрн пустоты (1978—1979)].
- (89) *Высоколобые Кембриджа, Оксфорда и всех других мест обитания высоколобых немедленно заглотали наживку жадными ротиками и принялись галдеть: «Какой еще антисемитизм?»* [Юрий Нагибин. Тьма в конце туннеля (1994)].

Еще одно отличие слова *высоколобий 1* от слова *интеллектуал* состоит в том, что первое (в еще большей мере, чем *умник 1.1*) подчеркивает интеллектуальный снобизм субъекта, намеренно противопоставляющего себя «простым» людям. При этом существенно, что *высоколобий* не просто считает себя умнее других, но и показывает это своим поведением.

Мы подошли к принципиальному отличию слова *высоколобий 1* от остальных единиц описываемой группы. Все эти слова, как уже отмечалось, указывают на завышенную оценку собственных интеллектуальных возможностей или знаний со стороны субъекта, которая, как правило, рождает у него стремление продемонстрировать свою ученость окружающим. Между тем *высоколобий 1* подчеркивает не столько завышенную самооценку субъекта, сколько его высокомерное отношение к людям, не входящим в тот круг, к которому он принадлежит. В связи с этим *высоколобий*, в отличие от *всезнайки*, *профессора кислых щей* и даже *умника*, редко используется, когда субъект стремится продемонстрировать окружающим свой интеллектуальный потенциал — для него, наоборот, более естественно указание на «замыкание» субъекта внутри своего социального круга и ограничение общения с людьми за его пределами.

Интеллектуальный снобизм субъекта в случае *высоколобий 1* становится причиной резкой отрицательной оценки субъекта со стороны говорящего. Интенсивность оценки отличается *высоколобий 1* не только от нейтрального слова *интеллектуал*, но и от слабоотрицательного *всезнайки* и шутливого *профессора кислых щей* и сближает *высоколобого* с лексемой *умник 1.1*. Если *всезнайка* и *профессор кислых щей* выражают всего лишь насмешку, то *умник 1.1* и *высоколобий 1* — скорее, презрение. При этом, если сравнивать *умника 1.1* и *высоколобий 1* между собой, обнаруживается, что второе из них выражает более резкую оценку, особенно в тех случаях, когда это слово употребляется в форме мн. ч. без определения, обозначая интеллектуальную элиту в целом. Ср. следующий пример, в котором слово *высоколобий* употребляется в речи персонажа, а слово *умник*, не предполагающее такого «высокого градуса» отрицательной оценки, — в авторской речи:

- (90) *Он хотел напустить, науськать на умничающих интеллигентов изнуренную толпу. Он весь темнел и шел пятнами, когда касались темы. Он говорил: «Эти высоколобые...» — или: «Эти, дурачащие народ...» — и хотел, разумеется, чтобы умников прибрали к рукам и чтобы тем самым люди, человечество было выровнено. И чтобы никакого дальнейшего расслоения* [Владимир Маканин. Сюр в Пролетарском районе (1990)].

Факты такого рода наводят на мысль о том, что интенсивность отрицательной оценки⁸, которую мы наблюдаем у слова *высоколобий 1*, обусловлена «социальной» семантикой

⁸ Не менее резкую отрицательную оценку выражает и лексема *высоколобий 2* («такой, который свойственен для высоколобого 1'): *В нас нет ни омерзительной окаменелости иных наших сверстников, ни высоколобой надменности тех, кто «всегда и все знал» и, родившись чуть позже, счастливо избежал и нашей слепоты, и наших ошибок* (Л. Кабо); *С четырнадцати лет ты меня гнобишь своим высоколобым презрением: не то делаю, не там учусь, не о том думаю!* (С. Данилюк).

этого слова, которое аккумулировало в себе все презрение, которое вызывают у обывателя представители интеллигенции.

Вот приблизительное толкование, которое можно предложить для *высоколобой 1*: 'Такой, который считает себя и людей своего круга умнее всех остальных людей и показывает это своим поведением; говорящий относится к субъекту с презрением и осуждением'.

3. Ботаник и книжный червь

Завершая рассмотрение выбранного пласта лексики, необходимо упомянуть еще несколько слов, которые не входят в две проанализированные группы.

Слово *ботаник* обозначает человека, затрачивающего на учебу или другую интеллектуальную деятельность чрезмерно много сил. Чрезмерность усилий является причиной презрительного, насмешливого отношения к субъекту со стороны говорящего, что весьма характерно для русской наивно-языковой картины мира (ср. аналогичную оценку в случае *трудоголик, ишачить, вкалывать, трудяга* и пр.):

- (91) *По сценарию «Часа червей» он носил чернышевскую бороденку. Чтоб сойти для террористов за умствующего «ботаника», чтоб не шлепнули в первую очередь, почуяв реальную угрозу* [Андрей Измайлов. Трюкач (2001)].

Выражение *книжный червь* сближается со словами *умствовать* и *умствования*, для которых, как уже отмечалось, характерно указание на чрезмерную абстрактность рассуждений и отрыв от реальности: *книжный червь* обозначает человека, который настолько занят интеллектуальной деятельностью, что утратил связь с реальной жизнью:

- (92) *И если вы еще не заметили, что этот книжный червь, этот не заметивший окружающего мира человек — бесстрашен самым глубоким и непоправимым бесстрашием, то мы это знаем наверняка* [Андрей Битов. Азарт, или Неизбежность ненаписанного (1997—1998)].
- (92) *В Ольхове тоже читал все время, если не был занят по хозяйству. Мама смеялась: «книжный червь»* [Николай Амосов. Голоса времен (1999)].

Выводы

Среди лексических единиц, связанных с интеллектуальной сферой, отрицательную оценку чаще всего выражают единицы четырех основных групп:

- а) характеризующие поведение субъекта (*умник 1.1, умничать 1, всезнайка, профессор кислых щей*), которые включают указание на демонстрацию интеллекта или образованности) или содержащие интерпретацию поступков субъекта (*умник 1.2, мудрить 2, умничать 2*);
- б) обозначающие интеллектуальный процесс (*мудрствовать 2, мудрить 1*), а также, если можно так выразиться, интеллектуально-речевую деятельность (*умствовать, мудрствовать 1* и их дериваты);
- в) обозначающие продукты интеллектуальной деятельности (*заумный 1, мудреный*);
- г) обозначающие людей, которые занимаются интеллектуальной деятельностью (*высоколобой, ботаник, книжный червь*).

На основании анализа употребления этих единиц можно сделать следующие выводы, касающиеся наивно-языковых представлений в рассматриваемой сфере.

1. Отрицательную оценку чаще всего выражают лексические единицы, значение которых в той или иной форме включает указание на демонстрацию интеллекта или образованности (таковы *умник 1.1, умничать 1, всезнайка, профессор кислых щей*). Их интересно сравнить с лексическими единицами, указывающими на наличие у субъекта интеллектуальных

способностей или знаний (но не предполагающими в обязательном порядке демонстрации того и другого), такими как *гений*, *умница 2*, *умный*, *знающий*, *компетентный*, *образованный*, *смышленный*, *сообразительный*, *мозговитый*, *находчивый* и др., которые, как правило, выражают положительную оценку. Интересные результаты дает сопоставление разных значений слова: так, лексема *умник 2.2*, которая указывает на наличие интеллектуальных способностей, в целом выражает положительную оценку, тогда как лексема *умник 1.1*, указывающая на демонстрацию знаний и интеллекта, выражает отрицательную оценку. Сказанное, на наш взгляд, можно объяснить целым рядом факторов:

- а) в соответствии с русскими наивно-языковыми представлениями, демонстрация высокого интеллекта, как и других положительных качеств, расценивается как нарушение принципа скромности, который занимает чрезвычайно важное место в русском наивно-языковом сознании;
- б) демонстрация интеллекта может рассматриваться как проявление стремления достичь внешнего эффекта, которое тоже получает отрицательную оценку (ср. слова *кокетничать*, *интересничать*, *жеманный*, *выпендриваться*, *кривляться*, *выделяться*, *красоваться*, которые выражают отрицательную оценку);
- в) наконец, демонстрация интеллекта зачастую связывается в русском языковом сознании с высокомерным отношением к другим людям, со стремлением подчеркнуть свое интеллектуальное превосходство перед ними.

2. Как показывает анализ таких лексических единиц, как *заумный*, *мудреный*, *умствовать*, *умствования*, *мудрствовать*, *мудрствования*, *мудрить 1*, еще одна причина отрицательной оценки слов, связанных с интеллектуальной сферой, — представление об излишней усложненности самого интеллектуального процесса или его продуктов. Идея сложности может порождать идею трудности понимания и восприятия, как в случае *мудреный*, *заумный*, *мудрить 2*, а последняя, в свою очередь, — представление о наличии у субъекта намерения ввести других людей в заблуждение. (Соответствующий компонент входит в значение лексемы *мудрить 2*.) Кроме того, указание на сложность интеллектуального процесса может сопровождаться указанием на его длительность, которое присутствует в значении *мудрствовать 2* и отчасти *мудрить 1*. Таким образом, интеллектуальная сфера и интеллектуальные процессы (а также их продукты) часто ассоциируются в наивно-языковом сознании с целым комплексом негативных представлений: сложность, трудность для восприятия, необходимость длительного приложения усилий.

3. Интеллектуальная деятельность часто связывается с эмоциональной неполноценностью (*умствовать*, *мудрствовать*, *умник 1.1*), причем обнаруживается, что противопоставление рационального и эмоционального начала более характерно для рубежа XIX—XX вв., чем для современного языка.

4. Для русского наивно-языкового сознания характерно резко негативное отношение к рассуждениям на отвлеченные темы (*умствовать*, *мудрствовать*): последние вызывают ассоциации со всеми возможными негативными чертами как интеллектуальной деятельности (усложненность, чрезмерная отвлеченность и оторванность от жизни, эмоциональная несостоятельность субъекта и его завышенная самооценка), так и речевой деятельности (бессодержательность, непродуктивность, многословность рассуждений, увлечение словесными эффектами, неспособность субъекта к активному действию).

5. Ум часто рассматривается как фактор, определяющий поведение человека. При этом ум допускает двоякую оценку. С одной стороны, он может расцениваться как негативный фактор, формирующий у человека представление о своей привилегированности и толкающий его на нарушение этических и юридических норм (*умник 1.2*), а также заставляющий вести себя слишком самонадеянно, чрезмерно полагаться на свои силы и проявлять излишнюю инициативу (*умничать 2*). С другой стороны, ум может рассматриваться как позитивный фактор, являющийся предпосылкой правильного поведения (*умник 2.1*, *умница 1*, *умника*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Анна А. Зализняк и др. 2005 — Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. [Zalizniak Anna A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Klyuchevye idei russkoi yazykovoi kartiny mira* [Key notions of the Russian linguistic world image]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2005.]
- Крылова 2013 — Крылова Т. В. *Ум, разум и рассудок* в русской языковой картине мира // XV Международный съезд славистов. Сборник статей тематического блока 4.2.13 «Лингвистическая эпистемология: история и современность». Минск: ПринтЛайн, 2013. С. 95—108. [Krylova T. V. *Um, razum and rassudok* in the Russian linguistic world image. *XV Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Sbornik statei tematicheskogo bloka 4.2.13 «Lingvisticheskaya epistemologiya: istoriya i sovremennost'»*. Minsk: PrintLain, 2013. Pp. 95—108.]
- Левонтина 2004 — Левонтина И. Б. Молодец // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.; Вена: Языки славянской культуры, 2004. С. 543—545. [Levontina I. B. *Molodets*. *A new explanatory dictionary of Russian synonyms*. Moscow; Vienna: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004. Pp. 543—545.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru>. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Урысон 2003 — Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2003. [Uryson E. V. *Problemy issledovaniya yazykovoi kartiny mira* [Problems of the study of linguistic world image]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2003.]
- Wierbicka 1992 — A. Wierbicka. *Semantics, culture, and cognition. Universal human concepts in culture-specific configurations*. New York: Oxford Univ. Press, 1992.

Получено/received 25.10.2016

Принято/accepted 07.02.2017

СТАНДАРТНЫЕ И НЕСТАНДАРТНЫЕ ВАРИАНТЫ ПЕРЕВОДА

© 2017

Елена Эмильевна Разлогова

Научно-исследовательский вычислительный центр МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва,
119991, Российская Федерация; razlogova.elena@gmail.com

Рассматривается понятие «нейтрального перевода» — конструкта, выстраивание которого возможно при наличии не менее десяти переводов одного текста. Туда входят наиболее часто встречающиеся в переводах стандартные решения. Наряду с оригиналом и подстрочником он рассматривается как точка отсчета для анализа конкретных переводов. Нестандартные варианты, не вошедшие в нейтральный перевод, могут как отражать индивидуальные особенности стиля переводчика, так и свидетельствовать о неправильной интерпретации того или иного фрагмента, неаккуратности или другой специфике текста. Исследование проводилось на корпусе французских переводов произведений А. С. Пушкина «Борис Годунов» (16 переводов) и «Пиковая дама» (16 переводов).

Ключевые слова: «Борис Годунов», корпусная лингвистика, нейтральный перевод, перевод, переводоведение, «Пиковая дама», Пушкин, русский язык, сопоставительное языкознание, французский язык, художественный перевод

STANDARD AND NON-STANDARD VERSIONS OF TRANSLATION

Elena E. Razlogova

Research Computing Center (RCC) of the Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119991, Russian Federation; razlogova.elena@gmail.com

This work considers the notion of “neutral translation” and the possibility of using it in translation studies. Neutral translation is compiled from standard versions of translation, most frequently encountered in different translations of the same text. This work demonstrates that a comparison of particular translations with a neutral translation is often more informative than a comparison with the original. Non-standard versions, excluded from the neutral translation, reveal unique features of particular translations. This case study focuses on the corpus of French translations of “Boris Godunov” (16 translations) and “Queen of Spades” (16 translations).

Keywords: “Boris Godunov”, contrastive linguistics, corpus linguistics, French, literary translation, neutral translation, Pushkin, “Queen of Spades”, Russian, translation studies

Соотношение оригинала и перевода является центральным вопросом переводоведения, он активно обсуждается еще со времен Античности. Речь идет о сравнении разноязычных текстов, которые в идеале должны быть эквивалентны во всем, кроме выбора языка. Как писал Р. Якобсон, в переводе участвуют два эквивалентных сообщения в двух различных кодах [Якобсон 1985]. Эквивалентность в случае перевода носит относительный характер, хотя бы по причине несовпадения грамматического и лексического устройства языков. У. Эко весьма осторожно относился к поиску эквивалентности в переводе: «Эквивалентность означаемых не может рассматриваться как действенный критерий в переводе. Считается, что перевод нас устраивает, если он эквивалентен оригиналу на уровне означаемого, но такая эквивалентность часто определяется как то, что уцелело при хорошем переводе.

Получается порочный круг» (здесь и далее перевод наш. — *Е. Р.*) [Есо 2001]. Эко настаивал также на том, что в переводе задействованы не столько сами языковые единицы, сколько конкретные их вхождения, и что перевод — это также результат взаимодействия двух культур. Но принцип эквивалентности вызывает сомнения и по другой причине: перевод представляет собой косвенную речь; переводчик перекодирует и передает сообщение, полученное им из какого-то источника [Якобсон 1985]. Любой перевод по современным представлениям является интерпретацией, которая может быть неточной или и вовсе ошибочной.

Переводы можно анализировать с разных позиций — для их описания предлагаются различные «точки отсчета». Ниже мы рассмотрим существующие схемы и предложим еще одну — «нейтральный перевод», куда из конкретных переводов одного текста отобраны наиболее часто встречающиеся, «стандартные» переводческие решения. В разделе 1 мы проанализируем специфику таких стандартных вариантов, затем в разделе 2 рассмотрим «нестандартные» варианты, которые остаются за пределами нейтрального перевода, в разделе 3 обсудим возможности развития такого подхода и его использование в некоторых разделах лингвистики.

1. Анализ переводов: проблема точки отсчета, нейтральный перевод

Точкой отсчета при анализе перевода чаще всего считается оригинал: он первичен — перевод вторичен, первый не подвержен трансформациям — переводов может быть много. Реже в качестве точки отсчета рассматривается подстрочник как некий эквивалент оригинала. При наличии большого количества переводов одного текста можно предложить еще одну основу для сравнения — нейтральный перевод.

1.1. Оригинал как основа для сравнения: форма и смысл

Обычно при анализе перевода предполагается его сравнение с оригиналом, которое, в свою очередь, предполагает наличие общей для двух языков и культур системы. Такой системы априори не существует. Но этот способ анализа является классическим, он зародился еще в эпоху Античности, и для него разработан аппарат переводческих приемов. Последние характеризуют соотношение между соответствующими фрагментами в переводе и в оригинале — словами, словосочетаниями, клаузами и др. Сравнение чаще всего производится с принятием гипотезы, что нам известны смыслы и их распределение. К основным приемам относятся заимствование, калька, дословный перевод, транспозиция, модуляция, эквиваленция, адаптация, переход к гиперониму, переход к гипониму, опущение, добавление и др. Степень изоморфизма языков в синтаксической или лексической сфере может быть разной: описание в традиционных терминах более целесообразно в рамках близких языков. Но сравнение может производиться и по более формальным признакам: можно сравнивать длину оригинального и переводного текста, степень сложности синтаксических структур, соположение разных языков и диалектов в оригинале и переводе, стилистическую отмеченность лексических единиц, пунктуацию и мн. др.

Результаты сопоставления с оригиналом иногда получают диаметрально противоположные оценки. Приверженцы перевода, ориентированного на читателя, его язык и культуру¹, положительно оценивают «национализирующие» трансформации на всех уровнях перевода. Подобные интерпретации исходного текста имеют под собой как философскую, так и психологическую основу, они делают перевод более легким для восприятия, и это является их базовым принципом. Приверженцы переводов, ориентированных на максимальную адекватность авторскому тексту [Berman 1999], фиксируют свойственные переводам

¹ К этому течению относится и советская школа художественного перевода, которая формировалась в борьбе с буквализмом; см., например, [Яхнина 1997].

«искажения» на всех уровнях, призывая к их минимизации, вплоть до создания текстов, выходящих за рамки общелитературной нормы принимающего языка. При этом «искажения» во второй концепции часто зеркально отображают «правильные национализирующие трансформации» в первой [Ozékí-Dépré 1999: 39—44].

1.2. Подстрочные и «неподстрочные» переводы

«Не существует нейтрального, прозрачного перевода, сквозь который можно было бы увидеть текст оригинала, как в зеркале, таким, каков он есть», — писал М. Устинов [Oustinoff 2003: 19]. М. Л. Гаспаров придерживался иной точки зрения. В качестве «точки отсчета» он предлагал рассматривать подстрочник: «Когда мы читаем строку Мицкевича в переводе Пушкина, мы знаем, что “хотел сказать” Пушкин: он хотел сказать то, что написано у Мицкевича. Собственно, только здесь мы и можем говорить о том, соответствует или не соответствует замысел воплощению, форма содержанию — во всех остальных случаях это праздный вопрос. И когда перед нами лежит не просто перевод, а перевод с подстрочника — так сказать, **с замысла, уже сформулированного на языке воплощения**, — это позволяет нам еще ближе придвинуться к точке их несовпадения. Переводческий процесс состоит из двух этапов: **понимания и оформления**. (...) При переводе с подстрочника они разделены: **понимание** текста целиком задает **подстрочник**, **оформление** берет на себя переводчик» (выделение наше. — *Е. Р.*) [Гаспаров 2001].

Термин «подстрочник» или «подстрочный перевод» чаще всего подразумевает сравнение с другим переводом: подстрочник ближе к тексту, чем его «художественный» аналог. Это понятие употребляется по крайней мере в двух ситуациях. В одних случаях имеется в виду близкий к тексту перевод, не претендующий на статус «художественного» или «профессионального», который используется как вспомогательный вариант в процессе перевода поэтических или иных текстов. Подстрочник делают люди, часто не являющиеся профессиональными переводчиками, но в «достаточной степени» владеющие языком оригинала, для людей, не обладающих такими знаниями, но обеспечивающих художественную или иную формальную составляющую перевода. В других случаях подстрочник призван обеспечить более глубокое «понимание» оригинального текста при наличии уже существующих профессиональных или художественных переводов. Сюда можно отнести, например, подстрочные переводы Библии².

Часто предполагается, что у каждого текста может быть один подстрочник. Однако оснований для этого мало. Выбор словарного эквивалента, интерпретация синтаксических связей, передача стилистических приемов и фигур зависят, как и в любом переводе, от переводящего субъекта. Как и в любом переводе, там будут содержательные сдвиги, неучтенные, но важные для понимания коннотации, привнесенные элементы и пр. Это будет всего лишь одна из возможных интерпретаций оригинала, не имеющая «особого статуса» среди других близких к тексту переводов. Таким образом, вряд ли можно считать, что подстрочник «задает понимание», или, тем более, является «замыслом на языке воплощения».

В исследованиях в области переводоведения под подстрочником (буквальным переводом) имеется в виду близкий к тексту перевод, сделанный самим исследователем по фиксированным им же самим правилам для решения конкретных задач. Так, например, если анализируется порядок слов оригинала, то он будет изоморфно передан в подстрочнике. Если тот же оригинал рассматривается с точки зрения лексической специфики, порядок слов в подстрочнике будет нормализован.

² В некоторых отечественных работах под термином «подстрочник» имеется в виду более подробный лексический комментарий к тексту оригинала на языке перевода [Клюева 2016]. Такое решение сложнее для восприятия, чем просто параллельный текст. Вместе с тем оно имеет неоспоримые преимущества для более полного его понимания.

1.3. Нейтральный перевод

Если создание подстрочника предшествует анализу (или же выполнению) конкретного перевода, то нейтральный перевод вырастает из множественных переводов³ одного текста и только потом может стать основой для анализа конкретного перевода. Сам оригинал не участвует в создании нейтрального перевода.

1.3.1. Множественные переводы: формирование нейтрального перевода

При наличии большого количества профессиональных переводов одного текста можно сформировать нейтральный, «среднестатистический» перевод, куда будут включены наиболее часто встречающиеся в конкретных переводах решения — грамматические формы, лексические и синтаксические варианты и т. д. Однако трудно точно обозначить количество переводов одного текста, необходимое для формирования нейтрального: мы исходим из того, что их должно быть **не менее десяти**.

Формирование нейтрального перевода может рассматриваться как моделирование коллективного выбора переводчиков, где побеждают решения большинства. Так, например, во французских переводах фрагмента из начала «Пиковой дамы» (*Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова. Долгая зимняя ночь прошла незаметно*) эквиваленты словосочетания *долгая зимняя ночь* 14 раз оформлены при помощи определенного артикля (*la longue nuit d'hiver*) и только два — неопределенного (*une longue nuit d'hiver*). Именно первый вариант попадет в нейтральный перевод. П. Мериме и Р. Оффмана, использовавших неопределенный артикль, трудно упрекнуть в плохом владении французским языком: неопределенный артикль «раздвигает» временную перспективу — не *та самая ночь*, а *одна из тех ночей, когда или еще одна ночь...* Но этот вариант является нестандартным.

Такой подход уместен и для лексических единиц, синтаксических конструкций, фраз или больших по объему фрагментов. Так, например, фраза *Москва пуста* из начала «Бориса Годунова» получает во французских переводах следующие эквиваленты.

<i>Moscou est désert</i>	(Дюпон / H. Dupont, 1847).
<i>Moscou est vide</i>	(Нунчинов / M. Nountchinoff, 1858).
<i>Moscou est vide</i>	(Тургенев, Виардо / I Turgeneff — L. Viardot, 1862).
<i>...n'est resté dans Moscou. Elle est déserte</i>	(Лансепе / O. Lanceray, 1910).
<i>Moscou est vide</i>	(Семенов / M. Semenoff, 1921).
<i>Moscou est vide</i>	(Шиффрин / J. Schiffrine, 1924).
<i>Moscou est vide</i>	(Баранов / Baranoff, 1927).
<i>Moscou vide</i>	(Вивье-Кузнецова / E. Vivier-Kousnetzoff, 1928).
<i>Moscou n'est qu'un désert</i>	(Легра / R. Legras, 1962).
<i>Le Kremlin est vide</i>	(Гедройц / A. Guédroïtz, 1963).
<i>Moscou n'est qu'un désert</i>	(Менье / A. Meynieux, 1966).
<i>Moscou est vide</i>	(Ару / G. Arout, 1973).
<i>Moscou est vide</i>	(Нунчинов, Трубецкой / M. Nountchinoff, W. Troubezkoj, 2000).

³ Термин «множественность переводов» (или «переводная множественность») используется уже несколько десятилетий в отечественных работах по переводоведению [Левин 1981; 1992; Шерстенева 2008].

Нейтральный перевод в этом случае будет: *Moscou est vide*, это стандартный вариант, который встречается как в самом раннем, так и в самом позднем переводе (их разделяет более 150 лет). Все остальные варианты — без глагола-связки, с синонимом (прилагательным *désert*), метафорой (*n'est qu'un désert*), с переходом к уточняющему гипониму (*le Kremlin*), будут исключены из нейтрального перевода. Это нестандартные варианты. С лексической точки зрения в качестве эквивалента *пуста* подходит прилагательное *vide*. Если бы переводов было меньше, нейтральный перевод мог бы оказаться другим или его формирование было бы затруднено. Именно поэтому задачу формирования нейтрального перевода целесообразно ставить только на «больших» корпусах параллельных текстов.

Когда речь идет о достаточном длинном тексте оригинала, нейтральный перевод не будет полностью совпадать ни с одним из реально существующих переводов. Его можно рассматривать как объективную точку отсчета для оценки конкретного перевода, это своего рода промежуточное звено между оригиналом и конкретным переводом.

Корпусы для его формирования могут быть созданы искусственно (например, в рамках конкретной исследовательской программы⁴), но они существуют и в естественном выражении: это переводы классических произведений, которые играют особую роль в принимающей культуре и к которым переводчики возвращаются многократно в разное время⁵. На сегодняшний день, например, «Гамлет», с учетом переводов фрагментов, переводился на русский язык по крайней мере 30 раз, «Госпожа Бовари» на английский — как минимум 20 (на русский — восемь), «Пиковая дама» на французский не менее 16 раз и т. д. Перевод классических произведений доверяют либо переводчикам со сложившейся репутацией, либо достаточно известным поэтам и писателям, либо профессиональным филологам⁶. Мы будем опираться в основном на данные двух корпусов опубликованных французских переводов произведений А. С. Пушкина: по 16 переводов «Пиковой дамы» и «Бориса Годунова»⁷. Наши корпусы в терминологии [Loock 2016] относятся к категории так называемых «corpus maison» (корпусы «собственного изготовления»), они сформированы нами с бумажных носителей, включая редкие издания.

Скорее всего, мы не имеем аналога подобных корпусов в сфере текстов непереводаемых. Можно себе представить нечто подобное в виде различных «редакций» одного текста, когда он перерабатывается достаточно активно, но не выходит за определенные рамки: «нарративный» изоморфизм в отличие от синтаксического, лексического или стилистического в этом случае должен быть сохранен [Разлогова 2016]⁸.

Таким образом, нейтральный перевод как точка отсчета при анализе переводов принципиальным образом отличается как от оригинала, так и от подстрочника, даже если последний, как и нейтральный перевод, может быть основой для анализа переводных текстов в одной

⁴ Здесь можно вспомнить эксперимент В. В. Настопкене [1981], где по фиксированным подстрочникам было создано 75 «переводов» трех достаточно коротких стихотворений С. Нерис. Статус таких «переводных» текстов вряд ли может быть приравнен к статусу профессиональных переводов.

⁵ Как отмечал С. Карцевский, например, в 1940-е гг. в российских библиотеках произведения Пушкина и Шекспира пользовались наибольшим спросом [Karcevski 1946]. См. также объемную библиографию разбросанных во времени полных и неполных переводов «Энеиды» Вергилия на французский язык [Ozéki-Dépré 1999: 257—265].

⁶ Исторически за переводы брались самые разные достаточно образованные пишущие люди [Ballard 2013]: перевод античных классиков и классики вообще считался (и продолжает считаться) престижным занятием (так, например, Казанова был переводчиком «Илиады» [Igalens 2011]).

⁷ С начала 1990-х гг. в области переводоведения идет активная работа с двуязычными и многоязычными корпусами параллельных текстов (см., например, [Baker 1995; Zanettin 2012]), а также обобщающий обзор по этой тематике [Loock 2016]), в том числе и для русско-французских переводов (см. поливариантный русско-французский корпус переводов в составе Национального корпуса русского языка).

⁸ Здесь, может быть, уместно вспомнить «Упражнения в стиле» Р. Кено, где одна и та же история рассказывается много раз с применением разных стилистических приемов — фигур и стилей, но каждый раз какого-то конкретного (метонимии, эпентезы, диерезы и пр.).

языковой среде. Вопрос о соотношении подстрочника и оригинала не имеет смысла — подстрочник берет на себя роль последнего и выполняется (хотя бы декларативно) по заранее установленным правилам. Нейтральный перевод формируется без использования оригинала, его сравнение с оригиналом является информативным как для двуязычных словарей, так и для сопоставительных грамматик и стилистик.

Можно себе представить соотношение трех обозначенных выше схем для описания и сравнения переводов следующим образом.

Таблица

Анализ перевода

Анализ перевода Параметр	На основе оригинала	На основе подстрочника	На основе нейтрального перевода
Тождество/различие языковой среды	Разные языковые системы	Одна языковая система	Одна языковая система
Объективный статус	Оригинал имеет объективный статус	Подстрочник не имеет объективного статуса (их может быть много)	Нейтральный перевод имеет объективный статус
Условие формирования	Оригинал в общем случае доступен исходно	Для получения подстрочника необходим оригинал	Для получения нейтрального перевода необходимо большое число переводов

При описании и систематизации переводов наиболее продуктивно сочетание разных способов анализа, мы будем использовать все три альтернативы.

В следующем разделе мы рассмотрим вопрос о соотношении нейтрального перевода с данными двуязычных словарей, а также с положениями сопоставительной грамматики и стилистики.

1.3.2. Нейтральный перевод, оригинал, двуязычные словари, синонимические ряды, сопоставительные грамматика и стилистика, прагматика текста

Нейтральный перевод сложным образом взаимодействует с различными языковыми «институтами», связанными с переводческой деятельностью, такими как двуязычные словари, данные сопоставительной грамматики и стилистики; его соотношение с оригиналом также регулируется множеством факторов. Эти моменты представляют особый интерес как с точки зрения предсказуемости появления некоторых элементов в нейтральном переводе, так и с точки зрения нарушения ожидания.

Проблематика словарных эквивалентов и традиционно связанное с ней понятие дословного перевода (в русской традиции — подстрочника) в рамках их соотношения с нейтральным переводом требует особого рассмотрения. Двуязычные словари (как, впрочем, и толковые) могут быть разной степени подробности. Значения в них описываются при помощи эквивалентов⁹: одному значению на «втором» языке может соответствовать одно слово или несколько; количество значений и подзначений, количество эквивалентов для каждого из них в различных словарях могут быть разными. В словарях малого объема при помощи эквивалентов даются только основные значения, которые, по мнению составителей, являются наиболее употребительными: из-за недостатка места другие значения, а также употребления в связанных словосочетаниях не учитываются. Но даже наиболее полные двуязычные словари часто не могут обеспечить достаточно простой перевод.

⁹ Иногда даются и пояснения, сужающие значение эквивалентов, или реже — толкование.

Можно считать, что эквиваленты в двуязычных словарях призваны задавать **синонимические ряды** на принимающем языке, члены этих рядов можно использовать в процессе перевода. Это своего рода подсказка, эффективное использование которой зависит от переводящего субъекта, но которая может быть им неправильно понята. Понятие «синонимического ряда» не является достаточно четким: синонимы применительно к переводу предполагают сдвиги различного типа. Речь может идти не только о гипонимах или гиперонимах, но и о референциальных синонимах (замена допускается только в строго определенных контекстах *Москва* ↔ *le Kremlin*), синонимах сложной структуры (например, метонимических синонимах: *все произведения Пушкина* ↔ *tout Pouchkine*, *крыльцо* ↔ *l'escalier*) и др. Более того, с учетом синтаксических трансформаций в переводе возможны переходы в другие части речи (транспозиции), изменение «точки зрения» (модуляции, к которым относятся, например, введение наблюдающего субъекта, трансформации с каузативом или отрицанием) или замена семантических составляющих другими (эквиваленции, всевозможные адаптации и др.). Многие из этих случаев вообще не относятся к компетенции двуязычных словарей.

Если роль собственно словарных эквивалентов более ощутима в переводах буквальных, то в переводах адаптативного толка она минимизируется.

Несловарный эквивалент в нейтральном переводе в качестве «решения большинства» всегда несет дополнительную лингвистическую информацию. Так, в 13 из 16 французских переводов фрагмента из «Бориса Годунова»¹⁰ ...и мальчики кровавые в глазах слову *мальчики* соответствует несловарный эквивалент *enfants*, и только в двух переводах используется словарный — (*petits garçons*):

...et des enfants sanglants vous passent sous les yeux	(Дюпон);
...et l'on a devant les yeux des taches de sang /	
... des enfants ensanglantés...	(Нунчинов);
...et de petits garçons sanglants vous dansent devant les yeux	(Тургенев, Виардо) ¹¹ ;
Et des enfants sanglants se dressent devant vous	(Лансере);
On voit des petits enfants rouges de sang...	(Семенов);
...et des visions d'enfants sanglants se dressent devant vous	(Шиффрин);
Et des enfants sanglants passent devant vos yeux	(Лиондель);
Je vois de petits enfants ensanglantés	(Баранов);
...dans les yeux passent des petits garçons sanglants	(Вивье-Кузнецова);
...et des enfants sanglants passent devant vos yeux...	(Легра);
...et ces spectres d'enfants ensanglantés devant les yeux...	(Гедройц);
Et ces enfants ensanglantés devant les yeux	(Менье);
...et devant tes yeux, sans trêve, une ronde d'enfants ensanglantés	(Ару);
...et l'on a devant les yeux des taches de sang /	
...des enfants ensanglantés...	(Нунчинов, Трубецкой).

Нейтральным переводом будет *Et des enfants sanglants passent devant les yeux*. Ни один из известных нам русско-французских словарей не дает в качестве эквивалента русск.

¹⁰ Среди рассматриваемых нами переводов «Бориса Годунова» есть неполные, поэтому не все фрагменты имеют одинаковое количество переводов.

¹¹ В переводе Тургенева, Виардо для выражения *мальчики в глазах* дается ссылка и на другое, переносное значение этого выражения — ‘рыбит в глазах’ (оно есть у В. Даля). В переводе Нунчинова передается именно это значение, которое в редакции Трубецкого заменяется на буквальное (*мальчики*, то есть дети, перед глазами). Весьма возможно, что Пушкин имел в виду обе интерпретации.

мальчик франц. *enfant*. В принципе, переход к гиперониму (лексическая рационализация по Берману) в переводах встречается достаточно часто, но в данном случае этот переход — выбор большинства, он имеет статус обязательного. Вопрос, почему это так, требует особого рассмотрения: объяснение следует искать в особенностях семантики задействованных русских и французских слов¹². Подчеркнем еще раз, что приведенное выше соотношение касается переводов именно данного фрагмента. Если брать статистику лексической единицы (например, французских эквивалентов русск. *мальчик*) по корпусу вообще, как это делается во многих корпусных исследованиях, то она будет существенно отличаться от приведенной выше.

Слова *sanglants* и *ensanglantés* имеют в переводах близкую и высокую частоту (7 и 5 соответственно), хотя *кровавый* даже в достаточно полных русско-французских словарях, таких как словари Н. П. Макарова или Л. В. Щербы и М. И. Матусевич, не имеет словарного эквивалента *ensanglanté* (окровавленный). В русском и французском языках эти слова входят в «параллельные» синонимические ряды. Но если в пушкинском тексте выбор синонима из русского ряда исходно был уже сделан (*кровавые*, а не *окровавленные*), то каждый переводчик на момент выполнения своего перевода только стоял перед выбором из французского ряда (*sanglants*, *ensanglantés*, *rouges de sang* и др.). И делал этот выбор в соответствии с собственными предпочтениями.

Понимание как составляющая перевода предполагает задействование не только словарей и грамматик, но и механизмов прагматики — это положение стало практически общим местом в трудах по переводоведению. Еще Ф. Шлейермахер [Schleiermacher 1995] настаивал на двух составляющих понимания — понимание языка и понимание «вокруг автора» (т. е. прагматики: сведений из психологии, истории, социологии, логики, здравого смысла и пр.), что выходит за рамки информации, предоставляемой двуязычными словарями. Именно этот второй аспект понимания часто приводит к тому, что в некоторых контекстах при выборе эквивалента происходят определенные сдвиги, которые фиксируются в нейтральном переводе.

Так, в сцене проникновения Германа в дом графини глагол *запереть* во фрагменте *Швейцар запер двери* передается французским глаголом *fermer* (*la porte*) без уточнения *à clé* — этот вариант вошел в нейтральный перевод, поскольку он фигурирует во всех переводах¹³. В этих фрагментах также блокируется глагол *verrouiller*. Это делается из соображений логики, «здравого смысла», ибо Герман вслед за этим беспрепятственно входит в дом, что возможно лишь при условии, что дверь не была заперта в общепринятом смысле слова. Тот же самый глагол в схожем контексте явления графини Герману (*Дверь в сени была заперта*) передается в подавляющем большинстве переводов с уточнением *à clé* или реже глаголом *verrouiller* (вариант *fermée à clé* вошел в нейтральный перевод). Разумеется, подобного рода наблюдения над переводными эквивалентами нельзя переносить в сопоставительные исследования или двуязычные словари без критического анализа.

Словарный эквивалент, таким образом, может как попасть в нейтральный перевод, так и по каким-то причинам оказаться вне его. Кроме того, когда речь идет о конкретном вхождении лексической единицы оригинала, информация, способствующая правильному выбору значения в языке перевода, в двуязычных словарях отсутствует. Ответственность за эту привязку всецело лежит на переводящем субъекте. В нейтральный перевод за редким исключением попадает «правильный» в смысловом отношении вариант, но выбор неправильного значения является постоянным источником ошибок в конкретных переводах (см. раздел 2.2). В этом отношении более полезным здесь мог бы быть достаточно полный

¹² Франц. *garçon* за счет других значений этого слова (*garçon boucher*, *garçon de café*), по всей видимости, стилистически «ниже» русск. *мальчик*, что делает операцию перехода к более абстрактному существительному желательной. Эпитет *petit* блокирует эти «негативные» значения, но *un petit garçon* стилистически принадлежит к более «бытовому» пласту лексики, чем *un enfant*.

¹³ Этот фрагмент и его переводы подробно разбираются в [Разлогова 2012].

двуязычный объяснительный синонимический словарь, однако, если учесть объем такого словаря для одного языка, двуязычный словарь такого типа был бы слишком сложен как для составителя, так и для пользователя.

В нейтральном переводе мы чаще всего находим подтверждение тому, что зафиксировано в сопоставительных исследованиях или в работах по переводоведению. Так, сопоставительные грамматики среди прочего фиксируют для пары достаточно близких языков «эквивалентные» синтаксические конструкции или грамматические формы. Как и двуязычные словари, они призваны задавать своего рода синонимические ряды, только в области грамматики и синтаксиса. Если автор оригинала уже выбрал синтаксическую конструкцию (и ее лексическое наполнение), то переводчик и здесь в процессе перевода стоит перед выбором; и даже если синтаксический изоморфизм возможен, он далеко не всегда реализуется в конкретных переводах — переводческий дискурс регулируется не только оригиналом, но и статистическими и стилистическими закономерностями языка перевода, а также индивидуальным стилем автора. Структурно-пунктуационный изоморфизм (членение на клаузы, фразы, абзацы и пр.) в переводах также часто нарушается. В области синтаксиса, как и в отношении лексики, выбор переводчиков «буквалистской» направленности отличается от выбора приверженцев «свободного» перевода.

Так, наиболее частотными в приведенных выше переводах фрагмента *И мальчики кровавые в глазах* оказываются характерные для французского языка конструкции с личной формой глагола (*passer, se dresser*). Именно такой вариант попадает в нейтральный перевод. Безглагольные варианты и усложненные варианты с введением модуляции наблюдающего субъекта (*I'on a, on voit, je vois*) являются нестандартными.

Сопоставительные исследования и переводоведение фиксируют также и более общие закономерности для обоих языков, которые находят свое подтверждение в нейтральном переводе: например, тот факт, что французские глаголы статического положения или движения, выбранные в качестве эквивалента русских, часто будут специфицировать не конкретное положение или способ движения, а только локализацию или направление. Стандартные варианты чаще всего соответствуют и этому положению: так, сказуемое во фразе *Лизавета Ивановна проишла мимо него* передается в нейтральном переводе при помощи глагола *passer* — *Lisavéta Ivanovna passa devant lui*; а во фразе *...прочие, в рассеянности, сидели перед пустыми своими приборами* глаголом *rester* — *Les autres restèrent distraits devant leurs assiettes vides*.

Сопоставительная стилистика в узком смысле слова фиксирует стилистические аспекты анализа параллельных текстов. Так Е. Г. Эткинд [1963] указывал на то, что «французский язык почти не содержит архаических слов и выражений, столь важных для нашего языка и позволяющих русскому поэту создавать при помощи лексических средств высокий, торжественный стиль. Французы располагают иными средствами архаизации речи, причем средства эти скорее находятся в области синтаксиса, нежели лексики»¹⁴.

Нейтральный перевод начала монолога Пимена подтверждает это положение. Фрагмент *Еще одно, последнее сказанье — / И летопись окончена моя* обладает признаками лексической архаизации (*сказанье* и в какой-то степени *летопись*). Переводится он следующим образом: *Encore une, la dernière histoire — et ma chronique est finie* (Дюпон); *Encore un seul et dernier récit, et ma chronique est terminée* (Нунчинов; Нунчинов, Трубецкой); *Encore un, encore un dernier récit, et ma chronique est terminée* (Тургенев, Виардо); *Plus qu'un récit... et puis, que mon livre se ferme!* (Порри); *Un récit, le dernier, et je pourrais conclure / Ces annales...* (Энгельгардт); *Encore un seul récit et ma chronique / Est terminée* (Лансепе); *Encore une dernière parole, Et mon histoire est achevée...* (Семенов); *Encore un récit, le dernier, et ma chronique est terminée...* (Шиффрин); *Encore un seul, un dernier récit, et mon histoire sera terminée* (Баранов); *Il me reste encore un seul, un dernier récit et la chronique est terminée* (Вивье-Кузнецова); *Un seul récit encore, un ultime récit, / Et ma longue chronique, enfin, touche à son*

¹⁴ Нет ничего удивительного в том, что при переводе с французского языка на русский переводчики активно используют книжную лексику, аналога которой во французском языке практически нет.

terme (Легра); *Encore un ultime témoignage, et ma chronique s'achève* (Гедройц); *Encore un récit, le dernier, et ma chronique est terminée* (Менье); *Il ne me manque qu'un dernier récit / Et me voici au bout de ma chronique* (Ару).

Нейтральным переводом будет: *Encore un seul, un dernier récit et ma chronique est terminée*¹⁵. Синтаксическое оформление эквивалентов первой синтагмы (*еще одно последнее сказанье*) представлено несколькими вариантами, лексика всего фрагмента в целом стилистически нейтральна.

В исследованиях по сопоставительной стилистике часто рассматривается и проблема передачи поэтической формы оригинала как в синхронии, так и в диахронии. Попытки передать ее могут как встраиваться в нейтральный перевод, так и оказываться вне его. Этот вопрос актуален и в отношении переводов «Бориса Годунова». Русская система стихосложения отлична от французской, а наиболее близким соответствием белому пятистопному ямбу можно считать французский десятистложник. Три первых перевода (Дюпон, 1847; Нунчинов, 1858; Тургенев и Виардо 1864) сделаны в прозе, так же как и отредактированный Трубецким перевод Нунчинова (2000); перевод Ольги Лансере (1910) выполнен нерифмованным александрийским стихом с фрагментами десятистложника (монолог Пимена); перевод Марка Семенова (1921) дан свободным стихом; вышедшие почти одновременно переводы Жака Шиффрина (1924), А. Баранова (1927) и Е. Вивье-Кузнецовой (1928) выполнены в прозе, Андре Лиронделя (1924) — свободным стихом; Роже Легра (1962) использует александрийский стих (не всегда в его классической форме); Андре Гедройц (1963) и Андре Менье (1966) сделали прозаические переводы; перевод Габриэля Ару (1973) выполнен десятистложником, часто с сохранением окказиональной пушкинской рифмы. Что касается фрагментов, то перевод графа де Порри (1861) выполнен александрийским стихом, двенадцатистложником с попарно чередующимися рифмами, перевод Софи Энгельгардт (1875) — свободным стихом с окказиональной рифмой. Таким образом, девять переводов из 16 выполнены в прозе, это абсолютное большинство — именно это решение войдет в нейтральный перевод. Отметим, что из 16 французских переводов «Евгения Онегина», относящихся примерно к тому же периоду, в прозе выполнены только пять. Решение вопроса о судьбе поэтической формы в переводе не является автоматическим и зависит от многих факторов: времени создания перевода, тенденций в принимающей литературе, сложившейся вокруг переводов данного текста традиции, особенностей идиостиля конкретных переводчиков и др. Если переводчик считает поэтическую форму неотъемлемой частью оригинала, он может использовать как «национализирующий» вариант (в нашем случае александрийский стих), так и другие, более близкие к оригиналу варианты. В некоторых случаях он может даже попытаться имитировать несвойственную языку перевода поэтическую форму оригинала¹⁶.

2. За пределами нейтрального перевода: нестандартные варианты

Нестандартные варианты, которые остаются «за бортом» нейтрального перевода, представляют особый интерес. Степень их нестандартности может быть разной: если вариант появляется в данном контексте лишь в одном из переводов, его можно считать «редким»; если по частоте он лишь немногим уступает стандартному, то статус его иной. Ниже мы

¹⁵ «Русско-французский словарь» Щербы и Матусевич дает для русск. *сказание* один эквивалент: *légende*. «Полный русско-французский словарь» Макарова предлагает эквиваленты *la narration, le récit, la description, version*. Слово *récit* как составляющая нейтрального перевода является «словарным» относительно второго словаря и «несловарным» относительно первого. В конечном итоге деятельность составителей словарей, как и переводчиков, зависит от многих, часто субъективных, факторов. Вместе с тем составители словарей, по-видимому, в большей степени учитывают опыт предшественников.

¹⁶ В этом отношении интересны попытки имитировать русскую силлабо-тонику во французских переводах Пушкина, инициатором которых был Эткинд.

рассмотрим некоторые типы переводческих решений, которые систематически оказываются вне нейтрального перевода. С одной стороны, это варианты с «сознательными» индивидуальными отклонениями (раздел 2.1), с другой — с отклонениями «неосознанными», произошедшими, скорее всего, помимо воли переводчика (2.2). Остальные случаи находятся где-то посередине (2.3). Ниже мы будем использовать традиционные схемы сравнения перевода с оригиналом.

2.1. Сознательные отклонения, в том числе добавления и опущения

Пример «переписывания» оригинала мы находим в переводе «Бориса Годунова» Габриэля Ару. Всем вхождениям слов *Литва*, *литовец*, *литовский* соответствуют эквиваленты *Pologne*, *Polonais*, *polonais*, при том что *Польша*, *поляк* и *польский* переводятся так же. Этот нестандартный вариант встречается только в этом переводе.

*Россия и Литва / Димитрием давно его признали, / Но впрочем я за это не стою.
Pourtant, et la Russie et la Pologne / Ont reconnu le prince Dimitri. / D'ailleurs qu'im-
porte, il m'est indifférent.*

Ни в одном контексте этот вариант не проходит в нейтральный перевод. Поскольку Ару предназначал свой перевод для сцены, он считал, судя по всему, что слово *Lithuanie*¹⁷ на слух не будет понятно французскому зрителю (перевод датирован началом 1970-х гг.). Заметим попутно, что русск. *лях* переводится как *Polonais* всеми, кроме Нунчинова (и это сохранилось в редакции Трубецкого 2000 г.), использующего *Lithuanien*. Это также нестандартный вариант.

Сюда же можно отнести перевод Витме фрагмента из «Пиковой дамы» ...*это случилось <...> за неделю перед той сценой, на которой мы остановились* при помощи *Mais voilà que <...> une semaine avant la visite de Tomsy chez la comtesse*. Витме вводит референциальный синоним — это его личный выбор, в то время как подавляющее большинство переводчиков изоморфно воспроизводят фразу оригинала.

Некоторые смысловые искажения связаны с желанием придать переводному тексту «современное» звучание. Так, в переводе Сеземана фрагмент ...*но ни слезы бедной девушки, ни удивительная прелесть ее горести не тревожили суровой души его* передан как ...*mais ni les larmes de la malheureuse fille ni sa détresse étrangement séduisante ne troublaient ce cœur endurci*. Выражение *sa détresse étrangement séduisante* ни в какой мере не соответствует пушкинской *удивительной прелестью ее горести*. Сеземан, единственный из 16 переводчиков, вносит в этот фрагмент чувственный элемент, который остается за рамками нейтрального перевода¹⁸.

Несколько иной характер носят фрагменты из перевода Мериме, связанные с передачей чисел. Поскольку отношения Пушкина и Мериме (особенно со стороны последнего) носили игровой характер, можно предположить, что ряд несоответствий связан с игровой установкой. Эти варианты также не прошли в нейтральный перевод.

¹⁷ Текст драматических произведений должен быть понятен зрителю «здесь и сейчас». Именно поэтому он должен быть проще и потому «грубее» («brutal» [Larthomas 1980]), чем текст, к которому можно вернуться для повторного прочтения.

¹⁸ «Адаптивный» перевод, выстроенный в соответствии со вкусами и интересами читателя, был в высшей степени свойствен французской переводческой традиции XVII—XVIII вв.: «Оригинал перестает быть святыней: переводить древних в XVII в. было все равно, что приобщиться к работе над текстом, начатом еще в Античности. При этом перевод должен был соответствовать вкусам читающей публики, и именно этот аспект стал очевидным с развитием того, что принято называть *belles infidèles*» [Ballard 2013: 20]. Однако, как считают многие теоретики, это явление характерно и для французской и даже европейской традиции в целом. Времена менялись — менялись и привнесенные в перевод искажения: если в эпоху классицизма все брутальное и откровенно эротическое изымалось во имя морали и «хорошего» тона, то во второй половине XX в. оно, наоборот, привносилось, о чем и свидетельствует перевод Сеземана.

Ровно в половине двенадцатого / A onze heures juste (Ровно в одиннадцать).
Направо легла девятка / A droite vint un dix (Направо легла десятка).
Все четверо заядлые игроки / Trois furent des joueurs déterminés
(Все трое заядлые игроки).

Сюда же можно отнести переводческую редакцию, направленную на улучшение качества изложения. Так, в двух переводах из 16 в сцене появления Германа в спальне графини не выдерживается дистанция между именованиями *незнакомый мужчина* и *Германн*: незнакомый мужчина сразу (у Мериме) или же быстрее, чем у Пушкина (у Жюбера), отождествляется с Германном. Такое нарушение внутренней фокализации не вошло в нейтральный перевод. Однако, как было указано выше, в редких случаях, когда редактирование носит коллективный характер (в частности, из соображений здравого смысла), оно формирует стандартный вариант.

В переводах встречаются также различные произвольные **добавления**: ими изобилует перевод «Пиковой дамы» Поля де Жюльвекура, который писал в стиле черного романтизма. Более скромные дополнения мы находим в переводе М. Шапиро [Разлогова 2012]. Многие точечные разъяснения есть в переводах «Бориса Годунова». Все они мотивированы либо определенными литературными тенденциями (как у Жюльвекура), либо нацеленностью на разъяснение, свойственной в какой-то степени переводу вообще, либо спецификой идиостиля переводчика. Такие не мотивированные языковой необходимостью добавления не попадают в нейтральный перевод.

Среди сознательных **опущений** можно назвать, например, полное исключение пушкинских эпиграфов к главам из перевода «Пиковой дамы» Мериме: по-видимому, он просто счел их неуместными. В нейтральном переводе эти эпиграфы сохраняются.

К особому виду опущений можно отнести неполные переводы. Так, «Борис Годунов», в отличие от «Пиковой дамы», не всегда переводился целиком. Перевод Энгельгардт, к примеру, заканчивается сценой смерти Бориса: весь заключительный фрагмент в переводе отсутствует. В некоторых случаях переводятся только отдельные сцены или монологи. Это обычная ситуация для больших драматических текстов, тем более поэтических. Однако такого рода сокращения обычно очевидны и прозрачны для читателя. Если в корпусе большинство переводов полные (как в нашем случае), такие «нестандартные» сокращения никак не отражаются на нейтральном переводе. Исключение же из перевода некоторых мелких фрагментов или реплик может мотивироваться по-разному: либо это происходит по невнимательности, либо фрагмент оценивается как ненужный (стилистическая правка), либо как трудный и непереводаемый: в последнем случае мелкие пропуски могут перейти в нейтральный перевод.

Итак, с одной стороны, мы сталкиваемся с «переписыванием» оригинала в переводе, а с другой — с его «дописыванием» или «сокращением». В некоторых случаях сознательные изменения приводят к нарушениям (хотя и не столь значительным) нарративной составляющей текста (последовательности событий и наполнения событийной канвы, точек зрения, статуса повествователя и др.). В нейтральный перевод все эти варианты, как правило, не попадают, такая вариативность на современном этапе в переводе не приветствуется.

2.2. Смысловые ошибки, значительные смысловые отклонения, а также неудачные варианты, связанные с непониманием или невнимательностью

Всем, кто когда-либо занимался изучением литературных (и не только) переводов, приходилось сталкиваться со смысловыми несоответствиями, причина которых крылась в том, что переводчик неправильно понял текст оригинала, что, естественно, происходило помимо его воли. Смысловые ошибки, как и значительные смысловые отклонения, связанные

с непониманием, обычно не носят массового характера — каждый переводчик ошибается по-своему. При наличии большого количества переводов ошибочные варианты отсеиваются.

Так, много смысловых несоответствий у того же Мериме:

Графиня <...> была скупа и погружена в холодный эгоизм, как и все старые люди, от-любившие в свой век и чуждые настоящему.

Pourtant la comtesse <...> était avare, personnelle, égoïste, comme celle qui depuis longtemps avait cessé de jouer un rôle actif dans la société (букв. ‘как те, кто уже давно перестал играть заметную роль в обществе’).

По-видимому, Мериме не вполне понял этот фрагмент и заменил его содержание «общим местом». Среди прочих неточностей его перевода была одна (впоследствии устраненная), особо насмешливая русских читателей: второе сказуемое во фразе *Томский закурил трубку, затянулся и продолжал* было переведено как *resserra sa ceinture* ‘затянул пояс’ [Mangault 1987]. Выбор «не того» значения слова, как и неправильное истолкование синтаксической связи являются, как мы указывали выше, очень распространенным видом ошибок.

Но существуют ошибки другого рода, их вряд ли можно объяснить непониманием: так, выбор *immeuble* для передачи русск. *дом* (*Рассуждая таким образом, очутился он в одной из главных улиц Петербурга, перед домом старинной архитектуры*) в переводах Офмана и Марковича не вполне удачен, поскольку *immeuble* обозначает в общем случае ‘многоэтажное здание городского типа, где располагаются квартиры, технические помещения или конторы’, что в целом не соответствует представлению о доме графини (стандартный вариант — *maison* в 12 из 16 переводов). Это скорее неаккуратность, своего рода прагматическая ошибка.

Когда в переводе Жобера желтое платье графини (*Желтое платье, шитое серебром*) становится синим (*Sa robe bleue, lamée d'argent*), это вызвано скорее невниманием, чем непониманием.

Неаккуратность может затрагивать и сферу синтаксиса. Так Элен Анри отмечает несколько странных, малопонятных оборотов в переводе Савана [Henry 1987]: *...à peu près portée par deux laquais, attendant la dernière des minutes à passer* или *un homme décidé à quelque chose dangereuse, mais indispensable*. Все эти варианты не попадают в нейтральный перевод.

В редких случаях (нами был найден только один пример) неточный вариант при чисто формальном подходе может попасть в нейтральный перевод: обстоятельство времени во фразе *...сели ужинать в пятом часу утра* передается как *vers cinq heures du matin* (Жид; Полтавцев; Варовски; Сеземан), *il était plus de quatre heures du matin* (Витме; Дерама; Саван), *il était cinq heures du matin* (Мериме; Менье), *à cinq heures du matin* (Жобер; Ке), *sur les cinq heures du matin* (Маркович), *il était quatre heures passées* (Офман), *après quatre heures du matin* (Нике), *il était quatre heures du matin* (Жюльвекур), *près de cinq heures* (Шапиро). В нейтральный перевод пройдет не вполне точный вариант *vers cinq heures du matin* ‘около пяти утра’. Второй по частоте вариант *il était plus de quatre heures du matin* (букв. ‘было больше четырех утра’) в большей степени соответствует русскому варианту, как и варианты Офмана (‘позже четырех’) и Нике (‘после четырех’), встречающиеся по одному разу. В результате правильно поняли этот фрагмент пять переводчиков из 16. Остальные либо поняли не совсем правильно, либо сознательно предпочли не совсем точные переводы. Если варианты рассматривать с точки зрения не столько формального совпадения, сколько совпадения по смыслу, то в нейтральный перевод попал бы более точный вариант: при анализе множественных переводов результат во многом зависит от параметра, по которому производится отбор в нейтральный перевод.

2.3. «В пределах допустимого»

Ниже мы рассмотрим типы сдвигов, затрагивающих различные составляющие оригинального текста и их эквиваленты в переводе. Среди этих случаев нет таких, которые бы в полном смысле слова искажали смысл оригинала, но это варианты, не совпадающие с решением

большинства — в этом их специфика. Каковы причины этих сдвигов, являются они осознанными или же сам переводчик устранил бы их — сказать трудно. Возможно, они связаны с проявлением особого стиля авторов переводов. Мы поместили такие случаи в промежуточную группу.

2.3.1. Слишком сложные и слишком простые решения

Выше (с. 58) мы привели пример, где синтаксически усложненные (с модуляцией введения наблюдающего субъекта) и синтаксически упрощенные (безглагольные) варианты не попали в нейтральный перевод. Нестандартными среди переводов фрагмента *еще одно последнее сказание* будут синтаксически более сложные решения с безличной конструкцией (*il ne me reste encore...*; *il ne me manque que...*) вместо именной группы (*encore un seul récit...*).

В отношении лексики отсеивание нестандартных вариантов происходит по тому же принципу. Так, при наличии «хорошего» (употребляемого большинством) национального эквивалента некоторые переводчики используют **новые заимствования**, которые обычно не попадают в нейтральный перевод. Часто встречающееся в тексте «Бориса Годунова» слово *князь* практически везде переводится как *prince*, и только в одном из контекстов (перевод Семенова) используется заимствование *kniaz*. Франц. *tamka* есть только у Менье — у всех остальных *nourrice*. Франц. *samozvanets* для русск. *самозванец* встречается только в переводе Тургенева и Виардо, в большинстве переводов используется франц. *imposteur*. При наличии уже интегрированного принимающим языком заимствования в меньшинстве может оказаться именно **национальный эквивалент**. Так, франц. *empereur* для русск. *царь* встречается только в переводе графа де Порри, все остальные используют франц. *tsar (tzar)*¹⁹, которое систематически входит в нейтральный перевод. То же касается пар *tzarevna/princesse*, *tzarevich/prince*, где национальный эквивалент остается в явном меньшинстве²⁰.

К нестандартным вариантам относится также **калька** *Votre Clarté* для русск. *Баюе Сутьельство*, предложенная А. Марковичем (стандартный вариант — *Votre Excellence*), это единичное явление, в целом затрудняющее понимание²¹.

Сюда же можно отнести **устаревшую лексику**, которая при наличии более новых стилистически нейтральных эквивалентов не попадает в нейтральный перевод. Поскольку интересующие нас корпуса формируются из переводов, разбросанных во времени, в некоторых из них присутствуют «естественные» архаизмы. Так, фраза ...*Grand'maman, я к вам с просьбою* (которая, кстати говоря, содержит устаревшую форму русского творительного падежа на -ую) переведена Мериме как ...*C'est une requête que je viens vous porter*. В других переводах чаще всего используются выражения *adresser, faire une demande (J'ai une demande à vous adresser; J'ai une demande à vous faire)* или *J'ai une faveur à vous demander*. Слово *requête* в переводах встречается реже, чем *demande*, в частности, в конструкции *Je viens vous adresser une requête*, у Мериме же видим устаревшее выражение *porter une requête* — оно не войдет в нейтральный перевод ни одной своей лексической составляющей [Razlogova 2011].

Менье использует архаичное сочетание *comme devant* [Caumont 1933] в переводе реплики Шуйского *А там — а там он будет нами править / По-прежнему: Et alors... alors comme devant il nous régentera*. В этом случае архаизм является привнесенным, в нейтральный перевод он также не попадает.

¹⁹ В отличие от *kniaz* франц. *tsar/tzar* появляется в словарях начиная со второй половины XIX в.

²⁰ Проблемы определения и перевода так называемых «реалий» («лингвоспецифической лексики») неоднократно привлекали внимание исследователей, особенно в отечественном переводоведении. Наиболее полное изложение этой проблематики, как нам кажется, можно найти в книге [Влахов, Флорин 1980].

²¹ Возможно, А. Маркович, будучи очень опытным переводчиком, намеренно предпочел «интересную» кальку стандартному варианту.

Распределение переводов во времени в нашем случае незначительно влияет на нейтральный перевод, они расположены достаточно компактно, хотя и неравномерно. Так, пики интереса к «Борису Годунову» во Франции и Бельгии приходятся на двадцатые (пять переводов) и шестидесятые (четыре перевода) годы прошлого столетия. «Пиковая дама» привлекала внимание переводчиков достаточно равномерно в течение всего периода, отделяющего первый перевод (Жюльвекур, 1847) от последнего (Маркович, 2012). Последний известный нам перевод «Бориса Годунова» датирован 2000 г., предыдущий — началом 1970-х гг., и, если новых переводов не будет, то в какой-то (достаточно отдаленный) момент нейтральный перевод в каких-то аспектах устареет.

Разговорные варианты отсеиваются по той же схеме. Трубецкой в своей редакции перевода Нунчинова использует в качестве эквивалента для устар. прост. *молодка* вполне современное разговорное слово *papa*, уходящее корнями во французское арго, где оно означало 'проститутка', и получившее значение 'женщина' сравнительно недавно. Этот вариант не вошел в нейтральный перевод.

Также при наличии хорошего эквивалента в нейтральный перевод часто не попадают варианты, усложненные различными **коннотациями** или с иной **степенью интенсивности**. Отсев нестандартных вариантов²² можно проследить на следующем примере. В переводах фрагмента — *И ты ни разу не соблазнился? ни разу не поставил на руте?.. Твердость твоя для меня удивительна*. Мериме и вслед за ним Менье используют устаревшее выражение *Cela me passe (En vérité ta fermeté me passe)* — оно не войдет в нейтральный перевод²³. Для Мериме это, скорее всего, естественный архаизм, у Менье он привнесен искусственно. Маркович выбирает более современное разговорное *Tu es d'une fermeté qui me dépasse*. Аналогичный вариант у Офмана: *En vérité ta constance me dépasse*. Вот остальные варианты: *Ta fermeté est surprenante pour moi* (Варовски); *J'admire ta fermeté sans la comprendre* (Витме); *J'admire ta fermeté* (Полтавцев); *Ta fermeté m'étonne* (Ке; Сеземан; Саван); *Ta fermeté me confond* (Нике); *Ta constance me confond* (Шиффрин, Жид); *Tant de fermeté d'âme m'étonne chez toi* (Шапиро); *Pour moi (...) c'est phénoménal* (Жюльвекур); *Ta fermeté me paraît étonnante* (Дерама); у Жюбера перевод всей реплики отсутствует. Нейтральным переводом будет: *Ta fermeté m'étonne*.

Таким образом, стандартным здесь является самое «буквальное» решение. Среди предложенных переводов есть варианты с привнесенной положительной (*admirer, phénoménal*) и скорее отрицательной (*confondre, passer, dépasser*) коннотацией. Глагол *surprendre* отличается от *étonner* большей интенсивностью.

Сюда же можно отнести исключение из нейтрального перевода более редких стилистически маркированных вариантов при наличии «хорошего» нейтрального эквивалента. Так, в переводе Сеземана *старуха* во всех контекстах (нейтральный перевод — *la vieille*) систематически передается при помощи франц. *vieille* (старая женщина, старица) — слова более редкого, и поэтому стилистически более отмеченного. Оно ни разу не войдет в нейтральный перевод.

Передача нейтральной лексики более сложными национализирующими вариантами также порождает нестандартные решения: Нике переводит *дом* (графини) в указанном выше контексте как *hôtel* ('особняк', 'резиденция'). Использованное Сеземаном там же франц. *demeure* также осложнено национальной коннотацией. А. Берман подвергал критике подобные варианты с дополнительными «национализирующими» значениями.

Вместе с тем в нейтральный перевод не попадают и упрощенные варианты. Так, во фрагменте *Мне виделась Москва, что муравейник; / Внизу народ на площади кипел / И на меня указывал со смехом* используется глагол *кипеть* в переносном значении. Он передается в переводах следующим образом: ...*le peuple bouillonnait en bas sur la place publique* (Дюпон); *En bas, sur la place, bouillonnait le peuple* (Тургенев, Виардо); *le peuple bouillonnant couvrant*

²² Разговорные варианты не обязательно более поздние.

²³ См. [Саугоу 1933: 648]. Это выражение, как утверждает автор, к моменту написания книги уже давно вышло из употребления.

la place entière (Энгельгардт); *Tout en bas le peuple grouillait* (Гедройц); *En bas, sur la place s'agitait le peuple* (Нунчинов); *En bas, sur la place grouillait le peuple* (Нунчинов, Трубецкой); *En bas sur une place, le peuple s'agitait* (Шиффрин); *En bas, la foule bouillonnait sur la place* (Вивье-Кузнецова); *En bas sur une grande place, le peuple s'agitait* (Семенов); *Le peuple sur la Place, en foule, se pressait* (Лансепе); *Et sur la place, en bas une foule grouillait* (Легра); *Sur une place en bas une foule grouillante riait* (Менье); *Et ça grouillait de monde sur la place* (Ару). Вариант Баранова *En bas, j'apercevais le peuple comme une fourmilière* является контаминацией двух строк оригинала.

Нейтральным переводом будет в этом случае *En bas, sur la place grouillait le peuple*, где глагол *grouiller* выступает в своем прямом значении (в его семантике акцент приходится на 'большое количество' и 'беспорядочность движения'). *Bouillonner* используется в переносном значении (акцент падает скорее на эмоциональную составляющую). Последний имеет семантическое сходство с русск. *кипеть*²⁴. *Grouiller* используется 5 раз, *bouillonner* — 4, *s'agiter* — 3, *se presser* — 1. Последние два глагола лишены уточняющих значений, это гиперонимы, они более абстрактны, чем *bouillonner* и *grouiller*, и в нейтральный перевод не попадают²⁵.

Целенаправленный выбор определенной лексики в переводе может в конечном итоге вырастать в стилистическую или иную особенность переводного текста при том, что эта лексика не будет попадать в нейтральный перевод. Так, систематическая передача слова *старуха* более «мягкими» нестандартными эквивалентами в переводе Мериме (*la vieille dame, la vieille comtesse, elle* и др.) приводит к более позитивному видению этого персонажа.

Некоторые переводческие решения, относящиеся к «упрощению» или «осложнению», больше связаны с внутренним устройством переводного текста, чем с оригиналом. Это касается некоторых нарративных механизмов и, в частности, референциальных (анафорических) рядов, когда конкретная анафорическая замена производится в переводе в определенный, не обязательно совпадающий с оригиналом, момент повествования. Передача в переводе полнозначных составляющих оригинала местоимениями (или другими более абстрактными единицами) обычно остается за пределами нейтрального перевода.

2.3.2. Стилистически осложненные варианты

Осложнение при переходе к переводному тексту может проявляться и в сфере стилистики. Мериме в переводе следующего фрагмента вместо прошедшего времени использует дополнительный стилистический прием, переход к *présent narratif*, такой вариант встречается один раз:

Карета подъехала и остановилась. (...) дом осветился. В спальню вбежали три старые горничные, и графиня, чуть живая, вошла и опустилась в вольтеровы кресла. Германн глядел в щелку.

La voiture approcha rapidement et s'arrêta. (...) tous les appartements s'illuminent, et trois vieilles femmes de chambre entrent à la fois dans la chambre à coucher; enfin paraît la comtesse, momie ambulante, qui se laisse tomber dans un grand fauteuil à la Voltaire. Hermann regardait par une fente.

²⁴ Глагол *bouillir* (полный аналог русск. *кипеть*) не встречается ни в одном переводе, хотя и обладает похожим переносным значением, а именно 'быть во власти сильной эмоции'. Именно он предлагается в качестве эквивалента переносного значения *кипеть* в «Русско-французском словаре» Щербы и Матусевич. Словарь Макарова, однако, дает в этом значении *bouillonner* и *pétiller* — первый эквивалент попадает в нейтральный перевод, второй вообще не встречается в переводах этого фрагмента. Предлагается также эквивалент синтаксически преобразованного аналога пушкинского «внизу» *на площади народ кипел*, а именно: *Площадь кипит народом* / *La place fourmille de peuple* (ср. вариант Баранова).

²⁵ Заметим, что в нейтральный перевод фрагмента *И мальчики кровавые в глазах* попадает именно гипероним *enfant* (см. выше). Каждый фрагмент обладает своей спецификой, и общие закономерности могут быть сформулированы только с учетом множества факторов.

Переход к историческому настоящему можно рассматривать и как фигуру, а именно металепсис, особый тип метонимии, сопровождающийся сдвигом во времени: положение дел в реально обозначенный момент времени заменяется предшествующим (как в данном случае) или последующим состоянием. Мериме также использовал метафору *tomie ambulante* (букв. 'ходячая мумия'), аналога которой нет в оригинале. Эта фигура также не войдет в нейтральный перевод.

Переводы, которые воспринимаются как в высшей степени «художественные», отличаются систематическими стилистически осложненными отклонениями от нейтрального перевода. В них, таким образом, сохраняется или в определенном смысле приумножается стилистическая насыщенность переводного текста по сравнению с оригиналом. Когда Э. Анри [Henry 1997] пишет, что переводы «Пиковой дамы» Мериме и Сеземана обладают особыми литературными достоинствами, то объективно это связано именно с типом и количеством отклонений от нейтрального перевода. Однако сам по себе нейтральный «белый» стиль пушкинской прозы можно рассматривать как достаточно заметный стилистический прием, который изоморфно в этих переводах не воспроизводится, но компенсируется другими стилистическими средствами.

Сложные компенсаторные решения встречаются и в других переводах, и все они оказываются среди нестандартных вариантов. Так, в переводе Жиды и Шиффрина появляется отклонение от нейтрального перевода, связанное с более частым использованием форм *passé simple*, где в стандартном варианте фигурирует *plus-que-parfait*. *Passé simple* несет в себе элемент окончательности, «обрубленности», в каком-то смысле эквивалентный стилистике русской короткой фразы. Форма *passé simple* свойственна в большей степени письменной речи, ее более частое употребление поднимает стилистический статус перевода. Однако это особенность только одного перевода, и его нестандартность иная, чем у переводов Мериме или Сеземана.

Как это ни парадоксально, сюда же в нашем случае следует отнести сознательные попытки привнести в переводы «Бориса Годунова» в той или иной форме поэтическую форму: поскольку в нейтральный перевод попадает прозаический вариант (см. выше), все варианты, связанные с использованием alexandrinского стиха, свободного стиха или десятистопника, остаются вне его. Здесь речь идет не о языковых переходах, а о специфике литературных и стилистических традиций перевода в ту или иную эпоху.

Нестандартные варианты на усложненной стилистической основе обычно характеризуют индивидуальный стиль отдельных переводчиков.

* * *

Сознательные изменения в тексте перевода, не вызванные спецификой языковых переходов, носят чаще всего изолированный характер, что можно сказать и об ошибках, неаккуратных и неточных вариантах. Лексически, синтаксически или стилистически осложненные (или упрощенные) варианты также могут оказаться среди нестандартных. То же самое касается основной массы пропусков и дополнений. Нейтральный перевод, таким образом, исключает, с одной стороны, «плохие» (ошибочные, неудачные, извращающие смысл оригинала) варианты, а с другой — слишком «личные», усложненные или упрощенные решения, мотивированные индивидуальным подходом к интерпретации текста.

Среди нестандартных вариантов оказываются и такие, которые обеспечивают грамматическую (выбор артиклей, временных форм, синтаксических конструкций и др.) и лексическую вариативность в принимающем языке: они представляют особый интерес для лексикографии и сопоставительного языкознания.

3. Нейтральный перевод в лингвистическом аспекте

Выше мы перечислили некоторые аспекты работы с корпусами, содержащими не менее десяти переводов одного текста, опубликованных в разное время и выполненных про-

фессиональными переводчиками. Наше исследование относится к дескриптивному (изучающему существующие переводы), а не предписывающему (содержащему указания для получения «хорошего» перевода) разделу теории перевода (см., например, [Ozéki-Dépré 1999]).

Предлагаемый подход можно использовать и для других сочетаний языков, где переходы могут регулироваться иными закономерностями²⁶.

Наш метод состоит из двух составляющих: анализа корпуса (определения стандартных и нестандартных вариантов) и собственно формирования текста нейтрального перевода. На первом этапе анализа задается конкретный параметр сравнения переводов, затем из наиболее часто встречающихся решений формируется нейтральный перевод. Формирование нейтрального перевода как связного текста — отдельная проблема. Вся методика основана на объективных данных, результаты ее верифицируемы. Подсчеты на первом этапе можно производить и в более дифференцированной форме — все зависит от того, каков выбранный параметр. Возможен и многоступенчатый анализ: можно, например, сначала исключить варианты, остающиеся в меньшинстве по семантическому критерию, а затем среди оставшихся отобрать наиболее частотные по формальному критерию.

Распределение и количество вариантов может быть разным: вариант, попадающий в нейтральный перевод, может победить с большим отрывом (определенный артикль при сущ. *nuit* в переводах *Долгая зимняя ночь пролетела незаметно*) или же с небольшим преимуществом (ср. *sanglant* и *ensanglanté*). Вариантов может быть много (вплоть до случая, когда практически у каждого переводчика есть свой, что делает формирование нейтрального перевода затруднительным²⁷) или же количество альтернатив оказывается незначительным (определенный/неопределенный артикль). Такой подход позволяет построить более тонкие и в большей степени формализованные модели количественного распределения альтернатив, охарактеризовать в этом отношении каждый фрагмент параллельных текстов.

В то же время нейтральный перевод позволяет описать и каждый переводной текст в целом путем фиксации регулярных отклонений, которые ему присущи. Они показательны с точки зрения техники переводчика, его личной манеры передавать те или иные конструкции, ту или иную лексику и т. п.

В литературе неоднократно отмечалось, что множественность переводов позволяет лучше описать индивидуальный стиль конкретного переводчика на основании сравнения с другими. Но только сравнение с нейтральным переводом позволяет уточнить, какие приемы не выходят за рамки «переводческой нормы», а какие являются оригинальными.

В нашем случае нейтральный перевод можно охарактеризовать как умеренно национализирующий, с небольшим количеством нарративных сдвигов. Однако в нем далеко не всегда используются подсказываемые двуязычными словарями или сопоставительными грамматиками решения — в этом отношении некоторые стандартные варианты, не говоря уже о нестандартных, могут послужить материалом для возможного дополнения лексикографических и грамматических источников. Сама по себе методика нейтрального перевода не дает ответа на вопрос, **почему** в данном контексте тот или иной сдвиг является обязательным или же **почему** в том или ином конкретном переводе предлагается именно такой, отличный от стандартного вариант: полученные данные нуждаются в интерпретации.

Вопрос о стилистике перевода в рамках принимающего языка при этом остается открытым. Как утверждают многие исследователи, в частности А. Берман [Berman 1999], в переводных текстах в общем случае нет определенной стилистики как таковой в силу искажений, которые переводчик, чаще всего бессознательно, привносит в свой текст. Считается, что в переводе стираются оригинальные лингвостилистические приемы, присущие исходному

²⁶ Существует мнение, что наиболее изученной с этой точки зрения является пара французский/английский языки, что объясняется активным использованием параллельных текстов в различных областях общественной жизни Канады.

²⁷ Это характерно для переводов фрагментов, насыщенных фигурами речи, которые мы здесь подробно не рассматриваем.

тексту (это утверждение имеет статус переводческой универсалии), происходит нормализация в соответствии со стандартной «литературной нормой» принимающего языка. Нейтральный перевод в этом отношении статистически подтверждает эту гипотезу. Разрушение «исходной» стилистики часто бывает неизбежным: лингвостилистические особенности оригинала не всегда возможно перенести в перевод, и, даже если и удастся их передать, они не всегда воспринимаются так же, как аналогичный прием оригинала. В то же время в конкретных переводах могут появляться новые лингвостилистические характеристики (например, как результат компенсаторных мер), релевантные при стилистической оценке текста в среде принимающего языка — такого рода привнесенная стилистика (см. раздел 2.3.2) относится к области нестандартного и в нейтральный перевод не попадает. Перевод «Пиковой дамы» Мериме, которому свойственна систематическая нестандартность, воспринимается как полностью соответствующий именно его авторскому стилю.

Наше исследование в целом не подтверждает даже в количественном отношении гипотезу «повторного перевода» (*retranslation hypothesis*), в соответствии с которой каждый следующий перевод является менее «национализирующим», чем предыдущий [Mauganen, Kujamäki 2004]. Так, перевод «Пиковой дамы» Сеземана гораздо более индивидуальный и национализирующий, чем предыдущие, а все переводы «Бориса Годунова» 1920-х гг. — умеренно национализирующие по сравнению с некоторыми более поздними (Гедройц, Ару). Что касается самых первых переводов, то в обоих случаях они в значительной степени национализирующие — и это соответствует упомянутой гипотезе. Создается впечатление, что при большом количестве повторных переводов национализирующие тексты появляются достаточно редко, но с определенной регулярностью.

В «человеческом» переводе вариантов может быть много не только за счет синонимического перефразирования, но и в силу задействования более глубоких прагматических и культурных факторов, а также использования языковой эвристики, которая проявляется наиболее ярко при переводе фигур. В связи с этим возникает вопрос о том, какой/какие из этих вариантов целесообразно моделировать, например, в машинном переводе. Заметим, что речь здесь идет о переводе текстов, предполагающих использование языка во всем его объеме, вплоть до его потенциальных возможностей, выходящих за рамки общеязыковой нормы. По-видимому, это должно быть нечто близкое к нейтральному переводу.

Если переводоведение, изучающее «человеческую» переводческую деятельность (возможно, в недостаточно строгой и последовательной форме), исходно было ориентировано на изучение параллельных текстов, то автоматизированный (машинный) перевод, очень быстро завоевавший высокий научный статус²⁸, исходно строился в большей степени на основании специальных словарей и грамматик. Интерес к параллельным текстам проявился в этой области значительно позже. Отметим, что в основу пионерской для теоретического переводоведения работы Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне [Vinay, Darbelnet 1958] были положены именно параллельные тексты на французском и английском языках.

В процессе преподавания иностранного языка (по крайней мере, на начальных стадиях) нейтральность перевода является положительным моментом. Нейтральный перевод более информативен для сопоставительного языкознания, чем единичные переводы, особенности которых в его рамках иногда отождествляются с особенностями языка перевода²⁹.

Для многих других лингвистических дисциплин перевод выступает в роли необходимого инструмента. И в этих случаях хочется видеть близкий аналог нейтрального перевода, рассматривать стандартные варианты. По умолчанию считается, что они таковыми и являются, однако достаточных оснований для этого может и не быть. Исследуя профессиональные переводы, мы видели, сколько встречается нестандартных и среди них очень

²⁸ В основном благодаря тому, что постановка задачи была понятна (и приятна) представителям точных наук.

²⁹ Связь переводоведения с сопоставительным языкознанием неоднократно обсуждалась в лингвистической литературе [Швейцер 1988; Hansen 1985].

индивидуальных, ошибочных или приблизительных решений. Сведения, полученные от непрофессионалов, еще менее надежны³⁰. И это важно иметь в виду при работе с недостаточно изученными языками, в частности в полевых исследованиях, где в качестве информантов, как правило, выступают люди, не имеющие переводческих навыков и часто даже не являющиеся «первичными» носителями. При использовании сомнительных переводов из сомнительных источников степень погрешности может быть очень велика³¹. Это часто является проблемой при изучении древних или редких языков, а также в типологических и формальных исследованиях³². При сопоставительном изучении «картин мира» и специфики национальных культур через призму языков также целесообразно учитывать переводную проблематику в ее полном объеме³³.

В заключение подчеркнем еще раз, что, хотя количество корпусов, содержащих такое большое число переводов, очень ограничено, их изучение представляет определенный интерес как для переводоведения, так и для лингвистики в целом. Именно просмотр большого количества вариантов перевода в рамках фиксированной прагматики позволяет выделить нейтральный вариант, помогает пролить свет на устройство переводческого дискурса во всем его многообразии, усмотреть специфику его связей со словарем, сопоставительными грамматикой и стилистикой. В этом отношении предлагаемая схема может служить вкладом в решение общей проблемы формирования дискурса³⁴.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Влахов, Флорин 1980 — Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. [Vlakhov S., Florin S. *Neperevodimoe v perevode* [The untranslatable in translation]. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 1980.]
- Гаспаров 2001 — Гаспаров М. Л. Подстрочник и мера точности // Гаспаров М. Л. О русской поэзии. Анализ. Интерпретации. Характеристики. М.: Азбука, 2001, С. 361—372. [Gasparov M. L. Literal translation and a measure of accuracy. Gasparov M. L. *O russkoi poezii. Analizy. Interpretatsii. Kharakteristiki*. Moscow: Azbuka, 2001. Pp. 361—372.]
- Клюева 2016 — Клюева Е. В. Особенности подстрочника произведений Франсуа Вийона. Опыт перевода // VIII Международная научная конференция «Романские языки от античности до современности». М.: МАКС Пресс, 2016. С. 183—187. [Klyueva E. V. Characteristics of the literal translation of François Villon's poems. An attempt of translation. *VIII Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Romanskii yazyki ot antichnosti do sovremennosti»*. Moscow: MAKS Press, 2016. Pp. 183—187.]
- Левин 1981 — Левин Ю. Д. К вопросу о переводной множественности // Классическое наследие и современность. Л.: Наука, 1981. С. 365—372. [Levin Yu. D. Translation multiplicity revisited. *Klassicheskoe nasledie i sovremennost'*. Leningrad: Nauka, 1981. Pp. 365—372.]
- Левин 1992 — Левин Ю. Д. Проблема переводной множественности // Литература и перевод: проблемы теории. М.: Прогресс, 1992. С. 213—223. [Levin Yu. D. The problem of translation multiplicity. *Literatura i perevod: problemy teorii*. Moscow: Progress, 1992. Pp. 213—223.]

³⁰ Систематизация таких источников и обсуждение их надежности даются в [Gile 2011].

³¹ В этом отношении показательны дискуссии, которые в течение десятилетий велись (и ведутся) вокруг работ Э. Сепира и Б. Уорфа.

³² Релевантная информация в этих областях часто проходит через призму перевода, выстроенного на основе исключительно словарных данных, и сведений, почерпнутых из грамматик: во многих случаях этого бывает недостаточно. Тем не менее углубленное или просто хорошее знание языков, действовавших в описании, многими считалось и продолжает считаться излишним.

³³ Сопоставления из различных языков в работах А. Вежбицкой, классика в этой области исследований, кажутся весьма упрощенными именно в силу игнорирования переводческой проблематики, связанной, в частности, с синонимическими рядами.

³⁴ Хотелось бы поблагодарить моих дипломников и аспирантов Наталью Березину, Асият Щамхалову, Алину Харисову, Валентину Карапец, Анастасию Богинскую, с которыми я работала над различными переводами, а также Т. Н. Грозову, Анну А. Зализняк и А. П. Бондарева за ценные замечания.

- Настопкене 1981 — Настопкене В. В. Опыт исследования точности перевода количественными методами // Ученые записки вузов Литовской ССР. *Literatūra, Vilnius*. 1981. Vol. XXIII. № 26. С. 53—69. [Nastopkene V. V. A quantitative study of translation accuracy. *Uchenye zapiski vuzov Litovskoi SSR. Literaturā, Vilnius*. 1981. Vol. XXIII. No. 26. Pp. 53—69.]
- Разлогова 2012 — Разлогова Е. Э. «Пиковая дама» в зеркале французских переводов // Вопросы языкознания. 2012. № 6. С. 66—92. [Razlogova E. E. «The queen of spades» in the mirror of its French translations. *Voprosy jazykoznanija*. 2012. No. 6. Pp. 66—92.]
- Разлогова 2013 — Разлогова Е. Э. К проблеме передачи нарративных схем и стилистических фигур в переводе // Вестник Московского университета. Сер. 9. 2013. № 3. С. 101—120. [Razlogova E. E. The problem of rendering narrative patterns and figures of speech in translation. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 9. 2013. No. 3. Pp. 101—120.]
- Разлогова 2016 — Разлогова Е. Э. Об изоморфизме в переводе // Риторика — Лингвистика. Вып. 12. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2016. С. 128—137. [Razlogova E. E. On isomorphism in translation. *Ritorika — Lingvistika*. No. 12. Smolensk: Smolensk State Univ. Publ., 2016. Pp. 128—137.]
- Шерстнева 2008 — Шерстнева Е. С. Переводная множественность как категория переводоведения: история, статус, тенденции // Известия Российского государственного педагогического ун-та им. А. И. Герцена. 2008. № 73. Ч. 1. С. 526—532. [Sherstneva E. S. Translation multiplicity as a category of translantology: History, status, trends. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*. 2008. No. 73. Pt. 1. Pp. 526—532.]
- Швейцер 1988 — Швейцер А. Д. Теория перевода (статус, проблемы, аспекты). М.: Наука, 1988. [Sheviter A. D. *Teoriya perevoda (status, problemy, aspekty)* [Theory of translation (status, problems, aspects)]. Moscow: Nauka, 1988.]
- Эткинд 1963 — Эткинд Е. Г. Поэзия и перевод. Л.: Советский писатель, 1963. [Etkind E. G. *Poeziya i perevod* [Poetry and translation]. Leningrad: Sovetskii Pisatel', 1963.]
- Якобсон 1985 — Якобсон Р. О. Лингвистические аспекты перевода // Якобсон Р. О. Избранные сочинения. М., Прогресс, 1985. С. 361—368. [Jakobson R. O. Linguistic aspects of translation. Jakobson R. O. *Izbrannye sochineniya*. Moscow: Progress, 1985. Pp. 361—368.]
- Яхнина 1997 — Яхнина Ю. Три Камю // Нора Галь: Воспоминания. Статьи. Стихи. Письма. Библиография. М.: Агро-Риск, 1997. С. 13—34. [Yakhnina Yu. The three Camus. *Nora Gal': Vospominaniya. Stat'i. Stikhi. Pis'ma. Bibliografiya*. Moscow: Agro-Risk, 1997. Pp. 13—34.]
- Baker 1995 — Baker M. Corpora in translation studies: An overview and some suggestions for future research. *Target*. 1995. Vol. 7. No. 2. Pp. 223—243.
- Ballard 2013 — Ballard M. *Histoire de la traduction. Repères historiques et culturels*. Bruxelles: De Boeck, 2013.
- Berman 1999 — Berman A. *La traduction et la lettre ou l'auberge du lointain*. Paris: Seuil, 1999.
- Cayrou 1933 — Cayrou G. *Le français classique*. Paris: H. Didier; Toulouse: éd. Privat, 1933.
- Gile 2011 — Gile D. *La traduction. La comprendre, l'apprendre*. Paris: PUF, 2011.
- Eco 2001 — Eco U. L'expérience de la traduction. Eco U. *Le plaisir des formes*. Paris: Seuil, 2001, Pp. 109—145.
- Hansen 1985 — Hansen K. Trends and problems of contrastive linguistics. *Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik*. 1985. Vol. 33. No. 2. Pp. 111—137.
- Henry 1987 — Henry H. Notes sur les traductions en français de *La dame de pique*. *Revue des études slaves*. 1987. Vol. LIX. No. 1—2.
- Henry 1997 — Henry H. Pouchkine en français. *Alexandre Pouchkine*. Paris: Musées, 1997.
- Igalens 2011 — Igalens J.-C. *Cazanova, l'écrivain en ses fictions*. Paris: Classiques Garnier, 2011.
- Karcevski 1946 — Karcevski S. Introduction. *Alexandre Pouchkine. La dame de pique et les récits de Belkine*. Traduction nouvelle et intégrale de Marc Chapiro. Genève: Ch. Grasset Editeur, 1946.
- Looock 2016 — Looock R. *La traductologie de corpus*. Villeneuve d'Ascq: Presses universitaires du Septentrion, 2016.
- Larthomas 1980 — Larthomas P. *Le langage dramatique*. Paris: Presses Universitaires de France, 1980.
- Mauranen, Kujamäki 2004 — Mauranen A., Kujamäki P. (eds.). *Translation universals? Do they exist?* Amsterdam: John Benjamins, 2004.
- Mangault 1987 — Mangault H. La Dame de Pique. Notes. *Pr. Merimee — A. С. Пушкин = Prosper Merimee — Alexandre Pouchkine*. сост. Киринозе З. И. М.: Радуга, 1987. [Pr. Merimee — A. S. Pushkin = Prosper Merimee — Alexandre Pouchkine. Kirnoze Z. I. (comp.). Moscow: Raduga, 1987.]
- Ozéki-Dépré 1999 — Ozéki-Dépré I. *Théories et pratiques de la traduction littéraire*. Paris: Armand Colin, 1999.

- Oustinoff 2003 — Oustinoff M. *La traduction*. Paris: PUF, 2003.
- Razlogova 2011 — Razlogova E. Nouvelles traductions: Motivations et réalisations (Traductions françaises de «La Dame de Pique» et de «Boris Godounov» d'Alexandre Pouchkine). *Langages et signification*. Toulouse: Presses Universitaires du Mirail, 2011. Pp. 93—107.
- Schleiermacher 1995 — Schleiermacher F. *Des différentes méthodes du traduire et autre texte*. Traduits par A. Berman et C. Berner. Paris: Seuil, 1999.
- Vinay, Darbelnet 1958 — Vinay J. P., Darbelnet J. *Stylistique comparée du français et de l'anglais*. Paris: Didier, 1958.
- Zanettin 2012 — Zanettin F. *Translation-driven corpora corpus resources for descriptive and applied translation studies*. Manchester: St. Jerome, 2012.

Получено/received 21.08.2014

Принято/accepted 07.02.2017

ДВЕ АСПЕКТУАЛЬНЫЕ ПОДСИСТЕМЫ В ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ*

© 2017

Татьяна Игоревна Бондаренко

Массачусетский технологический институт, Кембридж, МА 02139, США; tbond@mit.edu

В данной статье рассматривается аспектуальная система грузинского языка — видовые характеристики форм настоящего и будущего времени, имперфекта, кондиционалиса и аориста. Мы утверждаем, что, несмотря на схожесть грузинских превербов со славянскими приставками, грузинская аспектуальная система не может быть полностью описана как система «славянского» типа, в которой перфективные глаголы всегда оказываются предельными за несколькими несущественными для нашего обсуждения исключениями (делimitатив, пердуратив). Мы предлагаем анализ, согласно которому аспектуальная система грузинского языка распадается на две подсистемы с различными аспектуальными операторами, обеспечивающими взаимодействие между (не)предельными дескрипциями и грамматическим видом. В первой подсистеме (настоящее время, будущее время, имперфект, кондиционалис) действует дефолтный аспектуальный оператор, который гарантирует зависимость видовой интерпретации от предельности предиката. Во второй системе (аорист) имеется перфективный оператор, который нечувствителен к предельности тех предикатов, с которыми он вступает во взаимодействие.

Ключевые слова: аспект, аспектуальные операторы, аспектуальные превербы, грузинский язык, дефолтный аспект, перфективность, предельность

TWO ASPECTUAL SUBSYSTEMS OF GEORGIAN

Tatiana I. Bondarenko

Massachusetts Institute of Technology, Cambridge, MA 02139, USA; tbond@mit.edu

In this article, I discuss the aspectual system of the basic verbal forms in Georgian: present and future tenses, imperfect, conditional, and aorist. I argue that despite the similarity of Georgian preverbs and Slavic prefixes Georgian cannot be assumed to have an aspectual system of the “Slavic” type, where perfective verbs are always telic. I suggest that the aspectual system of Georgian is divided into two subsystems with different aspectual operators that provide the interaction between (a)telic descriptions and viewpoint aspect. In the first subsystem (present tense, future tense, imperfect, conditional), a default aspectual operator is at work, which ensures the telicity-dependent aspectual reference. In the second subsystem (aorist), there is a perfective operator, insensitive to the telicity of the predicates with which it interacts.

Keywords: aspect, aspectual operators, aspectual preverbs, default aspect, Georgian, perfectivity, telicity

* Исследование поддержано Российским фондом фундаментальных исследований (проект № 14-06-00435 «Синтаксис и семантика глагола в видовых системах деривационного типа»). Мы благодарим С. Г. Татевосова и анонимных рецензентов журнала «Вопросы языкознания» за ценные комментарии к тексту статьи.

1. Введение

Во многих работах, посвященных виду в грузинском языке [Šaniže 1942; Цибахашвили 1960; Comrie 1976; Saržvelaze 1984; Aronson 1991; Ростовцев-Попель 2012; Tomelleri, Gäumann 2015; Nash (to appear) и др.]¹, отмечается, что современный грузинский язык по крайней мере частично развил аспектуальную систему «славянского» типа [Bybee, Dahl 1989; Dahl 2000]: глагольные префиксы, которые в древнегрузинском имели только дейктическую функцию², стали употребляться для выражения перфективности глагольных форм. Так, в (1) форма с глагольной приставкой *da-xaṭavs* ‘нарисует’ является перфективной и выражает будущее время, в то время как форма без глагольной приставки *xaṭavs* ‘рисует’ в (2) является имперфективной и выражает настоящее время, ср. их эквиваленты в русском языке.

- (1) *šota saxl-s da-xaṭ-av-s*
 Шота.NOM дом-DAT **PVB**-рисовать-TS-PRS.3SG
 ‘Шота нарисует дом’³.
- (2) *šota saxl-s xaṭ-av-s*
 Шота.NOM дом-DAT рисовать-TS-PRS.3SG
 ‘Шота рисует дом’.

Однако, несмотря на наличие префиксов, аспектуальная система грузинского языка имеет ряд отличий от системы русского и других славянских языков [Аркадьев 2015; Tomelleri, Gäumann 2015]. В данной статье мы рассмотрим формы настоящего и будущего времени, имперфекта, кондиционалиса и аориста и постараемся показать, что в грузинском на самом деле сосуществуют две аспектуальные подсистемы, переход между которыми осуществляется с помощью морфологически выраженного аспектуального оператора⁴.

Обсуждение структурировано следующим образом. В разделе 2.1 мы представим морфологическое устройство грузинской глагольной словоформы. Раздел 2.2 посвящен рассмотрению таких характеристик глагольных форм, как перфективность и предельность. Мы покажем, что в грузинском языке, в отличие от традиционной системы «славянского» типа, перфективные предикаты не всегда являются предельными. В разделе 2.3 мы выдвинем гипотезу, согласно которой в грузинском языке существуют две независимые аспектуальные подсистемы, и обсудим механизм перехода от одной системы к другой. В разделе 2.4 будет разработана формальная имплементация нашей идеи в рамках теоретико-модельной семантики. Мы обратимся к понятиям «реализации события» и «дефолтного аспекта», введенным в работе [Bohnenmeyer, Swift 2004], и покажем, как присоединение перфективного и дефолтного операторов к предельным и непредельным глаголам отражается на их аспектуальной интерпретации. В разделе 3 мы обсудим, как предлагаемый нами анализ, исходно сформулированный для переходных глаголов, может быть распространен на большую выборку глаголов, принадлежащих к разным классам. В разделе 4 мы рассмотрим аспектуальные

¹ Основополагающими работами в грузинской аспектологии считаются [Mačavariani 1974] и раздел об аспекте в [Šaniže 1973]. Обсуждению диахронического развития категории аспекта в грузинском языке также посвящены работы [Čumburize 1968; I. Imnaišvili, V. Imnaišvili 1996].

² Грамматикализация показателей глагольной ориентации в аспектуальные показатели — частый путь диахронического развития морфем в языках мира (см., например, [Татевосов 2000; Плунгян 2011] среди прочих). Несмотря на важность понимания диахронических процессов для исследования устройства аспектуальных систем, их рассмотрение выходит за рамки данной статьи.

³ Здесь и далее мы стараемся использовать русский перевод, наиболее близко соответствующий значению предложения на грузинском языке, иногда в ущерб стилистической корректности перевода.

⁴ Весь материал, представленный в данной статье, собран при помощи элицитации с носителями грузинского языка.

противопоставления в отглагольных именах и продемонстрируем, что номинализации предоставляют возможность увидеть «славянскую» аспектуальную подсистему в грузинском языке в чистом виде, без вмешательства временных и модальных компонентов значения. Наконец, в разделе 5 мы подведем итоги и обсудим некоторые вопросы, требующие дальнейшего изучения.

2. Аспектуальная система грузинского языка

Видо-временные формы грузинского глагола принято подразделять на три «серии» — три класса, отличающихся по ряду морфосинтаксических параметров [Aronson 1991]. К I серии относятся формы настоящего времени, имперфекта, конъюнктива настоящего времени, будущего времени, кондиционалиса и конъюнктива будущего времени. Формы аориста, опатива и императива образуют II серию. Наконец, III серия содержит две совершенные формы. Три серии различаются по стратегии оформления основных актантов предиката: в I серии наблюдается номинативно-аккузативная стратегия маркирования, во II серии — активная (внешние аргументы получают эргативное оформление, внутренние — номинативное), в III серии внешние аргументы оформляются дативом, а внутренние — номинативом.

В данной статье мы рассмотрим аспектуальные характеристики основных видо-временных форм грузинского языка: настоящее и будущее время, имперфект и кондиционалис (I серия) и аорист (II серия), а также кратко обсудим форму опатива, принадлежащую к II серии, в разделе 2.3. Мы сосредоточим наше внимание на переходных глаголах, традиционно относимых к I классу [Aronson 1991], но в разделе 3 рассмотрим и глаголы некоторых других классов и обсудим необходимость модификации нашего анализа для учета их аспектуальных характеристик.

2.1. Морфологическое строение грузинского глагола

Глагольная словоформа в грузинском языке имеет агглютинативную организацию. В рамках позиционного подхода к морфологии глагола [Aronson 1991; Ростовцев-Попель 2012] в грузинской словоформе выделяются 12 слотов, которые включают в себя корень, преверб, показатели согласования, актантных альтернатив и различных видо-временных форм. В этой статье мы воспользуемся упрощенной моделью грузинской глагольной словоформы (3), достаточной для иллюстрации интересующих нас явлений.

(3) (PVB) —AGR— (PV) — √ — (TS) — (IPF) —TAM.AGR/AGR

В любой глагольной словоформе присутствует корень (√) и согласовательные показатели (AGR), некоторые из которых могут выражаться кумулятивно с видо-временными характеристиками (TAM.AGR), а некоторые имеют нулевое выражение. Показатель имперфекта (IPF) предшествует согласовательным показателям, расположенным после корня. Глагольная словоформа также может иметь тематический суффикс (TS), отражающий характеристики актантной структуры предкорневой гласный (PV) и преверб (PVB).

Среди рассматриваемых видо-временных форм можно выделить три пары, отличающихся только наличием преверба во втором элементе пары: настоящее — будущее, имперфект — кондиционалис, аорист без преверба — аорист с превербом⁵. Формы настоящего времени, будущего времени, имперфекта и кондиционалиса имеют тематический суффикс (нулевой у некоторых глаголов); в формах аориста тематический суффикс

⁵ Данное противопоставление форм по наличию / отсутствию превербов в полной мере верно только для глаголов I (переходные) и II (пациентивные непереходные) классов. Некоторые глаголы III класса (неэргативные деятельности) [Holisky 1981] и IV (экспериментальные предикаты) не имеют такого противопоставления.

отсутствует. Парадигма спряжения представлена в (4)—(9) на примере глагола *daxaṭva* ('нарисовать').

(4)	<i>ṣota</i>
Шота.NOM	<i>saxl-s</i>
дом-DAT	<i>xat-av-s</i>
рисовать-TS-PRS.3SG	PRS
'Шота рисует дом'.				
(5)	<i>ṣota</i>
Шота.NOM	<i>saxl-s</i>
дом-DAT	<i>da-xat-av-s</i>
PVB -рисовать-TS-PRS.3SG	FUT = PRS + PVB
'Шота нарисует дом'.				
(6)	<i>ṣota</i>
Шота.NOM	<i>saxl-s</i>
дом-DAT	<i>xat-av-d-a</i>
рисовать-TS-IPF-3SG	IPF
'Шота рисовал дом'.				
(7)	<i>ṣota</i>
Шота.NOM	<i>saxl-s</i>
дом-DAT	<i>da-xat-av-d-a</i>
PVB -рисовать-TS-IPF-3SG	COND = IPF + PVB
'Шота нарисовал бы дом'.				
(8)	<i>ṣota-m</i>
Шота-ERG	<i>saxli</i>
дом.NOM	<i>xat-a</i> ⁶
рисовать-AOR.3SG	AOR [-PVB]
'Шота порисовал дом'.				
(9)	<i>ṣota-m</i>
Шота-ERG	<i>saxli</i>
дом.NOM	<i>da-xat-a</i>
PVB -рисовать-AOR.3SG	AOR [+PVB]
'Шота нарисовал дом'.				

Как можно заметить, глагольные формы в (9) и (6), соответствующие русской аспектальной паре *нарисовал* — *рисовал*, отличаются более чем на одну морфему: в форме аориста в (9) присутствует преверб и отсутствует тематический суффикс, в имперфекте же отсутствует преверб, но имеется тематический суффикс. Помимо этого, значение аориста имеет кумулятивное выражение с согласовательным показателем, а значение имперфекта выражается отдельной морфемой (*-d-*). В связи с этим возникает вопрос о том, какие формы в (4)—(9) образуют видовые корреляции и с помощью каких морфологических средств возникают эти аспектуальные оппозиции. Мы постараемся приблизиться к ответу на него в следующем разделе, где будут рассматриваться аспектуальные характеристики представленных в (4)—(9) форм.

2.2. Перфективность и предельность форм с превербами и без превербов

В данном разделе мы рассмотрим возможность видо-временных форм с превербами (будущее время, кондиционалис, аорист с превербом) и без (настоящее время, имперфект, аорист без преверба) получать перфективную и имперфективную интерпретации и сочетаться с модификаторами *ori saati* 'два часа' и *or saatiši* 'за два часа', которые совместимы только с непредельными и предельными предикатами соответственно. Под перфективностью мы понимаем отношение вложения между двумя временными интервалами: временем ассерции и временем ситуации [Klein 1994]. Предельность же, следуя М. Крифке [Krifka 1992], мы отождествляем с квантованностью; квантованность — такое свойство предиката, что если элемент *e* входит в его экстенционал, то никакая несобственная часть *e* не входит в экстенционал этого предиката. См. подробнее раздел 2.4.

⁶ Как справедливо замечает анонимный рецензент, беспревербная форма аориста употребляется редко. Однако обобщения, сделанные нами на основе ее аспектуальных характеристик, подтверждаются, например, для более употребительной беспревербной формы опатива (см. раздел 2.3).

Глагольные формы с превербами всегда предельны⁷. Примеры (10)—(11) иллюстрируют, что формы будущего времени могут сочетаться с модификатором *or saatši* ‘за два часа’, но не могут сочетаться с модификатором *ori saati* ‘два часа’.

- (10) *šota* *çeril-eb-s* *or* *saat-ši* *da-çer-s*
 Шота письмо-PL-DAT два.DAT час.DAT-B PVB-писать-PRS.3SG
 ‘Шота напишет письма за два часа’.

- (11) **šota* *çeril-eb-s* *ori* *saati* *da-çer-s*
 Шота письмо-PL-DAT два.NOM час.NOM PVB-писать-PRS.3SG
 Ожидаемое прочтение: ‘Шота пишет/будет писать письма два часа’.

Аналогичным образом, форму кондиционалиса можно модифицировать только группой *or saatši* ‘за два часа’, но не *ori saati* ‘два часа’:

- (12) *šota* *pap-as* *or* *saat-ši* *še-çam-d-a*
 Шота каша-DAT два.DAT час.DAT-B PVB-есть-IPF.3SG
 ‘Шота съел бы кашу за два часа’.

- (13) **šota* *pap-as* *ori* *saati* *še-çam-d-a*
 Шота каша-DAT два.NOM час.NOM PVB-есть-IPF.3SG
 Ожидаемое прочтение: ‘Шота ел бы кашу два часа’.

Те же свойства демонстрирует аорист с превербом: он совместим с предельной (14) и не совместим с неопредельной (15) интерпретацией.

- (14) *šota-m* *gazet-eb-i* *or* *saat-ši* *ça-i-kitx-a*
 Шота-ERG газета-PL-NOM два.DAT час.DAT-B PVB-PV-читать-AOR.3SG
 ‘Шота прочитал газеты за два часа’.

- (15) **šota-m* *gazet-eb-i* *ori* *saati* *ça-i-kitx-a*
 Шота-ERG газета-PL-NOM два.NOM час.NOM PVB-PV-читать-AOR.3SG
 Ожидаемое прочтение: ‘Шота читал газеты два часа’.

Глагольные формы без превербов, наоборот, всегда совместимы с неопредельной интерпретацией: модификация *ori saati* ‘два часа’ возможна для форм настоящего времени (16), имперфекта (17) и аориста без преверба (18)—(19).

- (16) *šota* *çeril-s* *ori* *saati* *çer-s*
 Шота письмо-DAT два.NOM час.NOM писать-PRS.3SG
 ‘Шота пишет письмо два часа’.

- (17) *šota* *çign-s* *ori* *saati* *kitx-ul-ob-d-a*
 Шота книга-DAT два.NOM час.NOM читать-TS-TS-IPF.3SG
 ‘Шота читал книгу два часа’.

- (18) *šota-m* *çerili* *ori* *saati* *çer-a*
 Шота-ERG письмо.NOM два.NOM час.NOM писать-AOR.3SG
 ‘Шота пописал письмо два часа’.

⁷ Анонимный рецензент приводит исключение к нашему обобщению:

- (i) *çven* *moɣvaçeoba-s* *mimo-ixil-av-s*
 IPL.GEN деятельность-DAT PVB-обозревать-TS-PRS.3SG
 ‘Он обозревает/будет обозревать нашу деятельность’.

Мы полагаем, что отличающиеся аспектуальные свойства данного глагола могут быть связаны с употреблением глагольной приставки *mimo-*, но оставляем этот вопрос открытым.

- (19) *šota-m çigni ori saati i-kiṭx-a*
 Шота-ERG книга.NOM два.NOM час.NOM PV-читать-AOR.3SG
 ‘Шота почитал книгу два часа’.

Формы настоящего времени и имперфекта совместимы с модификацией *or saatši* ‘за два часа’ только при хабитуальном прочтении, при котором хабитуальный оператор имеет сферу действия над модификатором:

- (20) *šota ḱar-s or saat-ši a-γ-eb-s*
 Шота дверь-DAT два.DAT час.DAT-В PV-открывать-TS-PRS.3SG
 ‘Шота (обычно) открывает дверь за два часа’.

- (21) *šota pap-as or saat-ši çam-d-a*
 Шота каша-DAT два.DAT час.DAT-В есть-IPF-3SG
 ‘Шота ранее имел обыкновение есть кашу за два часа’.

Аорист без преверба имеет только эпизодическое прочтение и не может сочетаться с модификатором *or saatši* ‘за два часа’:

- (22) **šota-m çigni or saat-ši i-kiṭx-a*
 Шота-ERG книга.NOM два.DAT час.DAT-В PV-читать-AOR.3SG

Таким образом, при эпизодическом прочтении глагольных форм без превербов всегда возникает неопределяемая интерпретация.

Формы с глагольными приставками не могут иметь имперфективное прочтение. В связи с этим время ассерции [Klein 1994], также известное как «окно наблюдения» [Плунгян 2011], вводимое временным придаточным, не может интерпретироваться как подынтервал времени ситуации, обозначаемой глаголом матричной клаузы. Так, в предложениях (23)—(24) интервал, соответствующий времени, когда зайдет Мераб, не может интерпретироваться как вложенный в интервал, соответствующий времени чтения Шотой книги/открывания Шотой двери. Возможно только такое прочтение, при котором два интервала расположены последовательно: сначала зайдет Мераб, затем Шота прочтает книгу/откроет дверь.

- (23) *roca merabi šemo-va šota çign-s ç-a-i-kiṭx-av-s*
 когда Мераб.NOM PVB-идти.FUT.3SG Шота.NOM книга-DAT PVB-PV-читать-TS-PRS.3SG
 а. *‘Когда Мераб зайдет, Шота будет читать книгу’.
 б. ?‘К моменту, когда Мераб зайдет, Шота (уже) прочтает книгу’.
 в. ОК‘После того как Мераб зайдет, Шота прочтает книгу’.
- (24) *roca merabi šemo-va šota ḱar-s ga-a-γ-eb-s*
 когда Мераб.NOM PVB-идти.FUT.3SG Шота.NOM дверь-DAT PVB-PV-открыть-TS-PRS.3SG
 а. *‘Когда Мераб зайдет, Шота будет открывать дверь’.
 б. *‘К моменту, когда Мераб зайдет, Шота (уже) откроет дверь’.
 в. ОК‘После того как Мераб зайдет, Шота откроет дверь’.

В грузинском языке не существует ни особой формы имперфективного будущего, ни специальной аналитической конструкции, выражающей соответствующее значение (см. обсуждение в [Гецадзе 1984: 262; Ростовцев-Попель 2012: 300—301; Tomelleri, Gäumann 2015: 58—59]). Для передачи этого смысла может использоваться настоящее время:

- (25) *xval me v-çer mteli dye çeril-eb-s*
 завтра 1SG 1SG-писать.PRS.1SG весь.NOM день.NOM письмо-PL-DAT
 ‘Завтра я буду писать письма целый день’ [Lafon 1959: 15], цитируется по [Tomelleri, Gäumann 2015].

При присоединении временного придаточного к матричной клаузе с предикатом в кондиционалисе возникает хабиутальная интерпретация в прошедшем времени (26)⁸. При этом глагол в придаточной клаузе также обязан выражаться формой кондиционалиса.

- (26) *roca merabi šemo-vidoda / *šemo-vida*
когда Мераб.НОМ PVB-идти.COND.3SG / PVB-идти.AOR.3SG

šota qar-s ga-a-γ-eb-d-a
Шота.НОМ дверь-DAT PVB-PV-открыть-TS-IPF-3SG

‘Когда/Если Мераб приходил, Шота открывал дверь’.

В данном случае время ассерции также не может быть вложено во время ситуации: предложение (26) не может описывать такое положение вещей, при котором ранее имела бытование следующая ситуация: Мераб приходит и застаёт Шоту за открытием двери. Предложение (26) совместимо только с такой интерпретацией, при которой ранее часто случалась последовательность двух действий: приход Мераба, а затем открытие двери Шотой. Таким образом, форма кондиционалиса не допускается в имперфективном контексте.

Наконец, аорист с превербом также несовместим с имперфективной интерпретацией. Как можно увидеть в (27), время ситуации, описываемой глаголом главной клаузы, не может включать в себя время ассерции, задаваемое временным придаточным.

- (27) *roca merabi šemo-vida šota-m pap-a še-čam-a*
когда Мераб.НОМ PVB-идти.AOR.3SG Шота-ERG каша-НОМ PVB-есть-AOR.3SG

а. *‘Когда Мераб зашел, Шота ел кашу’.

б. ^{ок/?} ‘После того как Мераб зашел, Шота съел кашу’.

Таким образом, глагольные формы с превербами всегда оказываются перфективными: они могут обозначать такие события, время ситуации которых вложено во время ассерции, но не наоборот.

Бесприставочные формы ведут себя иначе с точки зрения выражения (им)перфективности. Формы настоящего времени (28) и имперфекта (29) могут сочетаться с имперфективным контекстом:

- (28) *roca merabi šemo-dis šota qar-s a-γ-eb-s*
когда Мераб.НОМ PVB-идти.PRS.3SG Шота.НОМ дверь-DAT PV-открывать-TS-PRS.3SG

‘Когда Мераб заходит, Шота открывает дверь’ (обычно Шота находится в процессе открывания двери, когда Мераб заходит).

- (29) *roca merabi šemo-vida šota qar-s a-γ-eb-d-a*
когда Мераб.НОМ PVB-идти.AOR.3SG Шота.НОМ дверь-DAT PV-открыть-TS-IPF-3SG

‘Когда Мераб зашел, Шота открывал дверь’.

В этом случае время ассерции (время прихода Мераба) вложено во временной интервал, соответствующий времени события, выраженного предикатом главной клаузы.

Бесприставочная форма аориста, однако, не может употребляться в имперфективном контексте. В (30) временной интервал, соответствующий времени приезда Мераба, пред-

⁸ Хабиутальная интерпретация прошедшего времени также появляется при сочетании кондиционалиса с частицей *xolme* (‘обычно’):

- (i) *adre zvel šenob-eb-s da-šl-i-d-nen,*
ранний старый здание-PL-DAT PRV-разбирать-TS-IPF-3PL
da-a-ngr-ev-d-nen da axal-s a-a-šen-eb-d-nen xolme
PVB-PV-разрушать-TS-IPF-3PL CONJ новый-DAT PVB-PV-строить-TS-IPF-3PL обычно

‘Ранее (они) обычно сносили и разрушали старые здания и строили новые’ [Kurtsikize 2006: 130], цитируется по [Tomelleri, Gäumann 2015].

шествует временному интервалу, соответствующему времени события, выраженного матричным глаголом, и не может интерпретироваться как вложенный в него.

- (30) *roca merabi kalak-ši čamo-vida šota-m čerili čer-a*
 когда Мераб город-в PVB-идти.AOR.3SG Шота-ERG письмо.NOM писать-AOR.3SG

а. * ‘Когда Мераб приехал в город, Шота занимался написанием письма’.

б. ‘После того как Мераб приехал в город, Шота пописал письмо’.

Это означает, что, несмотря на отсутствие преверба, данная форма является перфективной.

Обобщенные сведения о перфективности и предельности рассматриваемых видо-временных форм представлены в таблице.

Таблица

Перфективность и предельность форм с превербами и без превербов

✓	PRS		IPF		AOR	
Преверб	–PVB	+PVB	–PVB	+PVB	–PVB	+PVB
Форма	настоящее время	будущее время	имперфект	кондиционалис	аорист без прев.	аорист с превербом
(Им)перф.	имперф.	перф.	имперф.	перф.	перф.	
Предельн.	+	+	+	+	–	+
	(хабит.)		(хабит.)			
Непредел.	+	–	+	–	+	–
Тематич. суффикс	+	+	+	+	–	–

Если рассматривать только эпизодические интерпретации, то можно заметить, что наличие преверба явным образом коррелирует с предельностью предиката: глаголы с приставками (формы будущего времени, кондиционалиса, аориста с превербом) всегда предельны, глаголы без приставок (настоящее время, имперфект, аорист без преверба) — непредельны. Перфективность же формы в общем случае не связана с наличием преверба: в то время как не имеющие превербов настоящее время и имперфект действительно интерпретируются имперфективно, форма бесприставочного аориста может иметь только перфективную интерпретацию, несмотря на отсутствие преверба. В связи с этим возникает вопрос о том, каким образом в клаузах с аористом без приставки возникает перфективная интерпретация. Играет ли в ее обязательности роль отсутствие тематического суффикса у глаголов в аористе? Мы постараемся ответить на этот вопрос в следующем разделе.

2.3. Две подсистемы внутри одного языка: роль тематического суффикса

Грузинский язык иногда относят к таким языкам, в которых «превербный аспект “славянского” типа сосуществует в глагольной системе со словоизменительными аспектуальными категориями “романского” типа» [Аркадьев 2015: 166], см. также [Tomelleri 2009; Tomelleri, Gäumann 2015]. Как именно сосуществуют «романские» и «славянские» черты в аспектуальной системе грузинского глагола? Мы предлагаем такой взгляд, согласно которому «славянский» и «романский» типы аспекта образуют внутри грузинского языка две отдельные подсистемы: первая, «романская», подсистема включает в себя форму аориста, а также опатива (см. раздел 2.3); во вторую, «славянскую», входят формы настоящего

времени, будущего времени, имперфекта и кондиционалиса. В подсистеме «романского» типа аспектуальный оператор не чувствителен к акциональности глагола, с которым он соединяется: соединение с предельной дескрипцией дает предельную перфективную интерпретацию, а соединение с неопредельной дескрипцией — неопредельную перфективную. В подсистеме «славянского» типа оператор обеспечивает зависимость аспектуальной интерпретации клаузы от акциональной характеристики предиката: предельные предикаты получают перфективную интерпретацию, а неопредельные — имперфективную.

Прежде чем перейти к обсуждению механизмов построения различных аспектуальных интерпретаций глагольных словоформ, остановимся на вопросе о роли превербов в аспектуальной системе. Играют ли превербы одну и ту же роль в «славянской» и «романской» подсистемах в грузинском языке? Мы считаем, что да: присоединение преверба всегда выполняет одну функцию — преобразует неопредельный предикат в предельный. Это происходит на той стадии деривации, когда глагол еще не «знает», в какой аспектуальной подсистеме он окажется. Преверб всегда присоединяется внутри глагольной группы и обеспечивает ее предельную интерпретацию.

После построения глагольной группы деривация клаузы может пойти по двум сценариям. Во-первых, глагольная группа может соединиться с перфективным оператором, имеющим нулевое выражение, который обеспечивает вложенность времени ситуации во время ассерции. Тогда глагольная группа попадает в «романскую» подсистему: перфективный оператор может соединяться как с предельными предикатами, так и с неопредельными, образуя две возможные интерпретации аориста — предельный перфектив (аорист с приставкой) и неопредельный перфектив (аорист без приставки).

Во-вторых, глагольная группа может соединиться с оператором дефолтного аспекта [Bohnenmeyer, Swift 2004], «переводящим» глагол в подсистему «славянского» типа. Оператор дефолтного аспекта обеспечивает следующую зависимость перфективности от предельности: он делает клаузу перфективной, соединяясь с предельными предикатами, и никак не ограничивает аспектуальную интерпретацию клаузы, соединяясь с неопредельными предикатами (см. техническую имплементацию этой идеи в следующем разделе). Почему же неопредельные предикаты обычно получают имперфективную интерпретацию? Мы связываем это с действием Грайсовской максимы информативности [Grice 1975], которая обязывает говорящего быть настолько информативным, насколько это возможно. Если говорящий, будучи кооперативным участником речевого акта, использует форму, которая обязательно является перфективной, при существовании заведомо перфективной формы, то значит, ему необходимо было передать имперфективное значение. Таким образом, присоединение оператора дефолтного аспекта к предельным предикатам может образовать перфективные формы (будущего времени и кондиционалиса), а присоединение к неопредельным предикатам — имперфективные формы (настоящего времени и имперфекта).

В то время как перфективный оператор имеет нулевое выражение, мы выдвигаем гипотезу, согласно которой оператор дефолтного аспекта морфологически выражен в грузинском языке: ему соответствует морфема тематического суффикса. Конкретное выражение оператора дефолтного аспекта обусловлено лексически и может иметь следующие алломорфы: *-eb-*, *-av-*, *-i-*, *-ob-*, *-am-*, *-op-*, *-Ø-*. Несложно заметить (см. таблицу выше), что тематический суффикс присутствует как раз в тех видо-временных формах, которые образуют «славянскую» аспектуальную подсистему, и отсутствует в аористе, который представляет собой «романскую» подсистему. Отметим, что аорист не единственный представитель «романской» подсистемы в грузинском языке: к ней также можно отнести форму опатива, которая не имеет тематического суффикса. Опатив в грузинском языке может употребляться как с превербами, так и без них, причем формы с превербами являются предельными (31) — (32), а формы без превербов⁹ — неопредельными (33) — (34).

⁹ Формы без превербов помимо эпизодической могут иметь хабитуальную интерпретацию, которую мы не будем рассматривать в данной статье.

- (31) *es çerili or saat-ši unda da-v-çer-o*
 это письмо два часа-в нужно PVB-1SG-писать-OPT.1SG
 ‘Я должен написать это письмо за два часа’.

- (32) **es çerili ori saati unda da-v-çer-o*¹⁰
 это письмо два часа нужно PVB-1SG-писать-OPT.1SG
 Ожидаемое прочтение: ‘Я должен писать это письмо два часа’.

- (33) **xval es çerili or saat-ši unda v-çer-o*
 завтра это письмо два часа-в нужно 1SG-писать-OPT.1SG
 Ожидаемое прочтение: ‘Я должен завтра написать это письмо за два часа’.

- (34) *xval es çerili ori saati unda v-çer-o*
 завтра это письмо два часа нужно 1SG-писать-OPT.1SG
 ‘Я должен завтра писать это письмо два часа’.

Вне зависимости от предельности, форма опатива всегда перфективна. Примеры (35)—(36) показывают, что вне зависимости от наличия преверб опатив несовместим с интерпретацией, при которой время ассерции вложено во время события.

- (35) *roca merabi şemo-va, es çerili unda da-v-çer-o*
 когда Мераб PVB-идти.FUT.3SG это письмо нужно PVB-1SG-писать-OPT.1SG
 а. ‘После того как Мераб придет, я должен написать это письмо’.
 б. *‘Когда Мераб придет, я должен писать это письмо’.

- (36) *roca merabi şemo-va, es çerili unda v-çer-o*
 когда Мераб PVB-идти.FUT.3SG это письмо нужно 1SG-писать-OPT.1SG
 а. ‘После того как Мераб придет, я должен пописать это письмо’.
 б. *‘Когда Мераб придет, я должен писать это письмо’.

Таким образом, аспектуальные свойства опатива подтверждают нашу гипотезу, согласно которой именно тематические суффиксы играют ключевую роль «переключателя» типа аспектуальной системы. Опатив не имеет тематического суффикса, а значит, не соединяет оператор дефолтного аспекта, допускающий имперфективную интерпретацию неопределенных дескрипций.

Представленный выше анализ делает как минимум два предсказания. Во-первых, он предсказывает, что глагольные формы с тематическим суффиксом образуют видовые оппозиции, свойственные системам «славянского» типа. В то время как исчерпывающая оценка этого предсказания выходит за рамки нашей статьи, в разделе 3 мы проверим его на материале отглагольных существительных, которые сохраняют глагольный тематический суффикс. Во-вторых, в связи с тем, что следствия, выводимые при помощи максим Грайса, имеют статус импликатур и могут отменяться, данный анализ позволяет ожидать, что бесприставочные формы настоящего времени и имперфекта в принципе могут получать перфективную интерпретацию при некоторых условиях. Как кажется, это предсказание подтверждается. Так, неопределенные предикаты, выраженные бесприставочной формой настоящего времени, могут обозначать перфективные неопределенные ситуации в будущем времени. Мы покажем это на примере глагола *targmna* ‘переводить’. В (37) форма настоящего времени от этого глагола может употребляться для описания имперфективной эпизодической ситуации или хабитуальной ситуации в настоящем времени.

- (37) *şota targmn-i-s am çign-s*
 Шота.NOM переводить-TS-PRS.3SG этот.DAT книга-DAT

¹⁰ Некоторые носители могут интерпретировать (32) как ‘Мне нужно два часа, чтобы написать это письмо’. Как можно заметить, такое прочтение подразумевает предельную интерпретацию.

axla / *qovel* *oršabat* *saγamo-s*
сейчас / каждый понедельник.ДАТ вечер-ДАТ

‘Шота переводит эту книгу сейчас/каждый вечер понедельника’.

Эта же форма в примере (38) имеет неопредельную перфективную интерпретацию в будущем времени: событие перевода будет завершено, но его кульминация не будет достигнута.

- (38) *šota xval saxl-ši mova, coṭas / coṭa xans*
Шота.НОМ завтра дом-в ПVB-идти.PRS.3SG немного-ДАТ / немного время-ДАТ
targmn-i-s da mere da-čv-eb-a
переводить-TS-PRS.3SG CONJ потом ПVB-лечь-TS-PRS.3SG

‘Завтра Шота придет домой, попереводит немного/некоторое время и потом ляжет (спать)’.

Возможность перфективной интерпретации бесприставочной формы в (38) получает объяснение, если мы предполагаем наличие оператора дефолтного аспекта, который позволяет аспектуальной интерпретации неопредельных дескрипций оставаться недоспецифицированной. Заметим, что перфективная интерпретация бесприставочного аориста не может быть объяснена с помощью оператора дефолтного аспекта аналогичным образом: аорист без приставки, в отличие от формы настоящего времени, не может иметь имперфективного прочтения, а значит, его аспектуальная интерпретация не может возникать как результат применения оператора дефолтного аспекта к неопредельной дескрипции.

Наконец, отметим одно интересное отличие грузинского имперфекта от имперфекта в языках «романского» типа. В то время как, например, во французском имперфект не совместим с модификаторами типа *два часа* / *три раза*, в грузинском языке, как мы уже видели в разделе 2.2, такая модификация возможна:

- (39) ФРАНЦУЗСКИЙ [Borik, Reinhart 2004]
*Jean dansa / *dansait trois fois*
Жан танцевал.PERF / *танцевал.IMP три раза

‘Жан танцевал три раза’.

- (40) *šota gazet-eb-s ori saati kitx-ul-ob-d-a*
Шота газета-PL-ДАТ два.НОМ час.НОМ читать-TS-TS-IPF-3SG
‘Шота читал газеты два часа’.

Это подтверждает нашу гипотезу, что имперфект в грузинском языке является частью «славянской» аспектуальной подсистемы, не обладая теми свойствами, которые присущи имперфекту в романских языках.

В заключение данного раздела сделаем небольшое замечание относительно диахронического изменения аспектуальной системы в грузинском языке. Как пишет Ростовцев-Попель [2012: 302], «противопоставление между имперфективом и перфективом кодировалось в древнегрузинском при помощи так называемого тематического суффикса». Если наш анализ аспектуальной системы верен, то в современном грузинском языке произошло переосмысление тематического суффикса, ранее использовавшегося в имперфективирующей функции, как показателя оператора дефолтного аспекта. В следующем разделе мы предложим более формальную характеристику семантического содержания данного оператора.

2.4. Формальный анализ двух аспектуальных подсистем: перфективный оператор и оператор дефолтного аспекта

В данном разделе мы представим формальный анализ двух аспектуальных подсистем, представленных в грузинском языке, опираясь на понятия «реализации события» и «дефолтного аспекта», введенных в [Bohnmeyer, Swift 2004].

Мы предполагаем, что в подсистеме «романского» типа действует перфективный оператор, обеспечивающий вложенность времени события, для которого верен некоторый предикат, во время ассерции [Klein 1994]:

(41) Перфективный оператор

$$\text{PFV} := \lambda P \lambda t_{\text{TOP}} \exists e [P(e) \wedge \tau(e) \leq_T t_{\text{TOP}}],$$

где P — предикат, t_{TOP} — время ассерции, e — событие, τ — функция временного следа, $\leq_T$ — отношение временного предшествования. Интерпретация, полученная в ходе присоединения данного оператора, всегда перфективна независимо от предельности событийной дескрипции. Так, например, при соединении перфективного оператора с глагольной группой *saxli daxat* — ‘нарисова- дом’ образуется предельная перфективная интерпретация: интервал, соответствующий времени события, когда был нарисован дом, вложен во время ассерции (42).

$$\begin{aligned} (42) \quad \text{PFV}(saxli \text{ daxat}) &= \lambda P \lambda t_{\text{TOP}} \exists e [P(e) \wedge \tau(e) \leq_T t_{\text{TOP}}] (saxli \text{ daxat}) = \\ &= \lambda t_{\text{TOP}} \exists e [saxli \text{ daxat}(e) \wedge \tau(e) \leq_T t_{\text{TOP}}] \end{aligned}$$

При соединении этого же оператора с глагольной группой *saxli xat* — ‘рисова- дом’ образуется непредельная перфективная интерпретация: в данном случае во время ассерции вложен интервал, соответствующий времени события ‘порисовал дом’ (43). Кульминация события изображения дома в данный интервал не входит.

$$\begin{aligned} (43) \quad \text{PFV}(saxli \text{ xat}) &= \lambda P \lambda t_{\text{TOP}} \exists e [P(e) \wedge \tau(e) \leq_T t_{\text{TOP}}] (saxli \text{ xat}) = \\ &= \lambda t_{\text{TOP}} \exists e [saxli \text{ xat}(e) \wedge \tau(e) \leq_T t_{\text{TOP}}] \end{aligned}$$

В подсистеме «славянского» типа действует оператор дефолтного аспекта, который обеспечивает реализацию событий [Bohnenmeyer, Swift 2004]. Рассмотрим его семантическое содержание более подробно. В отличие от перфективирующего оператора, оператор дефолтного аспекта чувствителен к предельности предиката, с которым он соединяется. Повторим, что предельные предикаты квантованы [Krifka 1992]: если они верны для двух различных событий, то ни одно из них не является подсобытием другого (44). Иными словами, никакая часть события, обозначаемого дескрипцией *написать письмо*, не является событием написания письма.

(44) Предельность [Bohnenmeyer, Swift 2004: 281]

$$\forall P \subseteq U_E [\text{TEL}_E(P) \leftrightarrow \forall e, e' \in U_E [P(e) \wedge P(e') \rightarrow \neg e' <_E e]],$$

где E — структура событий, включающая в себя множество событий U_E и временную структуру T_E , на множестве событий U_E определены отношения $\leq_E$ ‘являться подсобытием’ и $<_E$ ‘являться собственным подсобытием’, аналогичные отношения $\leq_T$ и $<_T$ определены на множестве временных интервалов U_T . Под непредельными предикатами мы понимаем такие свойства событий, что если некоторое событие e обладает таким свойством, то для любого его подсобытия e' верно, что оно обладает этим же свойством (45). Например, если некоторое событие можно обозначить дескрипцией *гулять*, то любое его подсобытие также можно обозначить дескрипцией *гулять*. В данном случае мы следуем за традицией определения предельных предикатов как квантованных, а непредельных — как кумулятивных [Krifka 1992; 1998].

(45) Непредельность (адаптировано из [Bohnenmeyer, Swift 2004: 282])

$$\forall P \subseteq U_E [\text{ATEL}_E(P) \leftrightarrow \forall e \in U_E [P(e) \rightarrow \forall e' \in U_E [e' \leq_E e \rightarrow P(e')]]]$$

Оператор дефолтного аспекта в (47) накладывает следующее ограничение на аспектуальную интерпретацию предиката: у события e , для которого верен некоторый предикат, должно иметься такое подсобытие e' , для которого также верен этот предикат, а временной интервал, соответствующий этому подсобытию e' , вложен во время ассерции. Это требование оператора называется требованием «реализации события» [Bohnenmeyer, Swift 2004] (46).

- (46) **Реализация события** [Bohnenmeyer, Swift 2004: 286]
 $\forall P, t_{TOP}, e \subseteq E [REAL_E(P, t_{TOP}, e) \leftrightarrow \exists e' [P(e') \wedge e' \leq_E e \wedge \tau(e') \leq_T t_{TOP}]]$
- (47) **Дефолтный аспект** [Bohnenmeyer, Swift 2004: 286]
 $DASP := \lambda P \lambda t_{TOP} \exists e [REAL_E(P, t_{TOP}, e)]$

Ограничение (46) приводит к различной аспектуальной интерпретации в зависимости от того, соединяется ли оператор дефолтного аспекта с предельными или непредельными предикатами. Рассмотрим случай, при котором оператор соединяется с предельной дескрипцией типа *saxls daxat*- ‘нарисова- дом’. Так как дескрипция предельна, то если предикат *saxls daxat*- верен для некоторого события e , то не существует никаких подсобытий кроме самого e , для которых предикат был бы верен. Из этого следует, что при присоединении оператора дефолтного аспекта в качестве подсобытия e' будет выбрано событие e , и ограничение будет состоять в том, что событие e должно быть вложено во время ассерции. Иными словами, соединившись с предельной дескрипцией, оператор дефолтного аспекта обеспечит перфективную интерпретацию предиката. Деривация перфективного значения предельной дескрипции *saxls daxat*- с помощью оператора дефолтного аспекта представлена в (48).

- (48) **Деривация перфективного значения предельных предикатов с помощью DASP**
- $DASP(saxls daxat) = \lambda P \lambda t_{TOP} \exists e [REAL_E(P, t_{TOP}, e)] (saxls daxat) =$
 $= \lambda t_{TOP} \exists e [\exists e' [saxls daxat(e') \wedge e' \leq_E e \wedge \tau(e') \leq_T t_{TOP}]]$.
 - Так как *saxls daxat*- ‘нарисова- дом’ предельен, то:
 $\forall e'', e''' \in U_E [saxls daxat(e'') \wedge saxls daxat(e''') \rightarrow \neg e''' <_E e'']$.
 - Из двух предыдущих пунктов следует, что выполнения условия $e' \leq_E e$ в (а), необходимо, чтобы $e' = e$.
 - Это значит, что $DASP(saxls daxat) =$
 $= \lambda t_{TOP} \exists e [\exists e' [saxls daxat(e') \wedge e' = e \wedge \tau(e') \leq_T t_{TOP}]] =$
 $= \lambda t_{TOP} \exists e [saxls daxat(e) \wedge \tau(e) \leq_T t_{TOP}] = PFV(saxls daxat)$.

Теперь рассмотрим сценарий, при котором оператор дефолтного аспекта соединится с не-предельной дескрипцией типа *saxls xat*- ‘рисова- дом’. Так как данный предикат является не-предельным, то при условии, что он верен для некоторого события e , существует некоторое множество подсобытий $e'_1, \dots, e'_n$, для которых он также будет верен. Можно выделить два случая, релевантных для рассмотрения: $e' = e$ и $e' \neq e$. Если $e' = e$, то, как и в случае с предельным глаголом, оператор дефолтного аспекта обеспечивает вложенность времени ситуации во время ассерции, то есть перфективную интерпретацию (49).

- (49) **Возможность перфективного значения не-предельных предикатов при DASP**
- $DASP(saxls xat) = \lambda P \lambda t_{TOP} \exists e [REAL_E(P, t_{TOP}, e)] (saxls xat) =$
 $= \lambda t_{TOP} \exists e [\exists e' [saxls xat(e') \wedge e' \leq_E e \wedge \tau(e') \leq_T t_{TOP}]]$.
 - Так как *saxls xat*- ‘рисова- дом’ не-предельен, то:
 $\forall e'' \in U_E [P(e'') \rightarrow \forall e''' \in U_E [e''' \leq_E e'' \rightarrow P(e''')]]$.
 - Если $e''' = e''$, то условие $e' \leq_E e$ в (а) выглядит как $e' = e$.
 - Это значит, что $DASP(saxls xat) =$
 $= \lambda t_{TOP} \exists e [\exists e' [saxls xat(e') \wedge e' = e \wedge \tau(e') \leq_T t_{TOP}]] =$
 $= \lambda t_{TOP} \exists e [saxls xat(e) \wedge \tau(e) \leq_T t_{TOP}] = PFV(saxls xat)$.

Если же $e' \neq e$, то требование, накладываемое оператором дефолтного аспекта, состоит только в том, чтобы время подсобытия e' было вложено во время ассерции. Из этого следует, что все событие может образовывать больший интервал, чем время ассерции. Таким образом, оказывается возможной имперфективная интерпретация (50).

(50) **Возможность имперфективного значения неопределенных предикатов при DASP**

- а. $DASP(saxls\ xat) = \lambda P\ \lambda t_{TOP}\ \exists e\ [REAL_E(P, t_{TOP}, e)]\ (saxls\ xat) =$
 $= \lambda t_{TOP}\ \exists e\ [\exists e' [saxls\ xat\ (e') \wedge e' \leq_E e \wedge \tau(e') \leq_T t_{TOP}]].$
- б. Так как *saxls xat*- 'рисова- дом' неопределен, то:
 $\forall e'' \in U_E [P(e'') \rightarrow \forall e''' \in U_E [e''' \leq_E e'' \rightarrow P(e''')]].$
- в. Если $e''' \neq e''$, то условие в (а) выглядит как $e' <_E e$.
- г. Это значит, что $DASP(saxls\ xat) = \lambda P\ \lambda t_{TOP}\ \exists e\ [REAL_E(P, t_{TOP}, e)]\ (saxls\ xat) =$
 $= \lambda t_{TOP}\ \exists e\ [\exists e' [saxls\ xat\ (e') \wedge e' <_E e \wedge \tau(e') \leq_T t_{TOP}]].$
- д. Полученная интерпретация совместима со сценарием, когда $t_{TOP} <_T \tau(e) \rightarrow$ возможна имперфективная интерпретация.

Подводя итог, можно сказать, что дефолтный оператор обеспечивает перфективную интерпретацию предельных предикатов и никак не ограничивает интерпретацию неопределенных предикатов: они могут быть как имперфективными, так и перфективными. Как мы увидели в предыдущем разделе, это следствие данного анализа позволяет предсказать существование перфективных прочтений у форм настоящего времени (38).

Вернемся к общей картине аспектуальной системы в грузинском языке (51). Согласно нашему анализу, глагольные формы с предельной перфективной интерпретацией могут на самом деле иметь различную деривационную историю. Перфективная интерпретация может быть обусловлена как присоединением перфективного оператора (42), так и присоединением оператора дефолтного аспекта (48) к глагольной группе. Различить эти две возможности позволяет наличие тематического суффикса: если в глагольной словоформе присутствует тематический суффикс, то деривация перфективной интерпретации произошла в связи с присоединением оператора дефолтного аспекта; если же тематический суффикс отсутствует, то форма получила перфективную интерпретацию непосредственно благодаря перфективному оператору. Если тематический суффикс у глагола нулевой, то две деривационные истории становятся неразличимыми.

(51) **Аспектуальная система в грузинском языке**

- а. $[\emptyset_{PFV} \dots [_{VP}\ V + PVB\ (\text{предельный})]] \rightarrow$ предельный перфектив
- б. $[\emptyset_{PFV} \dots [_{VP}\ V\ (\text{непредельный})]] \rightarrow$ непредельный перфектив
- в. $[TS_{DASP} \dots [_{VP}\ V + PVB\ (\text{предельный})]] \rightarrow$ предельный перфектив
- г. $[TS_{DASP} \dots [_{VP}\ V\ (\text{непредельный})]] \rightarrow$ непредельный имперфектив/перфектив

3. Аспект в финитных клаузах с глаголами других классов

Основанием для нашего анализа, изложенного в предыдущем разделе, послужили аспектуальные характеристики переходных глаголов (глаголы I класса по [Aronson 1991]). В данном разделе мы рассмотрим применимость данного анализа к глаголам двух других классов: пациентивных непереходных глаголов (II класс по [Aronson 1991]) и агентивных непереходных глаголов (III класс по [Aronson 1991], медиальные глаголы по [Šaniže 1973; Holisky 1981] и др.).

Пациентивные непереходные глаголы (II класс) не отличаются по своим аспектуальным свойствам от уже рассмотренных нами переходных глаголов, поэтому предложенный нами анализ может быть без изменений перенесен на эти глаголы¹¹. Мы проиллюстрируем это

¹¹ Единственным отличием от глаголов I класса является отсутствие форм беспревербного аориста у большинства глаголов II класса. Отсутствие некоторой формы не имеет последствий для нашего

на нескольких формах глагола *daixaṭeba* ‘будет нарисованным’: настоящем и будущем времени (из «славянской» аспектуальной подсистемы) и беспревербном и превербном оптативе (из «романской» аспектуальной подсистемы).

Настоящее и будущее время глаголов II класса, как и другие формы «славянской» подсистемы, имеют тематический суффикс (в случае глагола *daixaṭeba* ‘будет нарисованным’ это суффикс *-eb-*), который мы считаем показателем оператора дефолтного аспекта. Эти две формы различаются наличием преверба в будущем времени и его отсутствием в настоящем. Наш анализ, разработанный на глаголах переходного (I) класса предсказывает, что форма настоящего времени может сочетаться с модификатором *ori saati* ‘два часа’ (непредельная интерпретация) и с модификатором *or saatši* ‘за два часа’ при хабитуальном прочтении, в то время как превербная форма будущего времени должна быть совместима только с модификатором *or saatši* ‘за два часа’ (предельная интерпретация). Как можно увидеть из примеров (52)–(55), наши предсказания подтверждаются.

- (52) *es surati or saat-ši i-xaṭ-eb-a*
эта картина.НОМ два час-в PV-рисовать-TS-PRS.3SG
‘(Обычно) эту картину рисуют за два часа’.

- (53) *es surati or saati i-xaṭ-eb-a*
эта картина.НОМ два часа PV-рисовать-TS-PRS.3SG
‘Эту картину рисуют два часа’.

- (54) *es surati or saat-ši da-i-xaṭ-eb-a*
эта картина.НОМ два час-в PVB-PV-рисовать-TS-PRS.3SG
‘Эту картину нарисуют за два часа’.

- (55) **es surati or saati da-i-xaṭ-eb-a*
эта картина.НОМ два часа PVB-PV-рисовать-TS-PRS.3SG
Ожидаемое прочтение: ‘Эту картину будут рисовать два часа’.

Так как формы настоящего и будущего времени имеют тематический суффикс, мы ожидаем, что возможность их (им)перфективной интерпретации будет зависеть от (не)предельности. Это также подтверждается: беспревербная непредельная форма настоящего времени имеет имперфективную интерпретацию, превербная предельная форма будущего времени — перфективную (56)–(57).

- (56) *roca merabi šemo-dis, es surati i-xaṭ-eb-a*
когда Мераб.НОМ PVB-идти.PRS.3SG эта картина.НОМ PV-рисовать-TS-PRS.3SG
‘(Обычно) когда Мераб заходит, эту картину рисуют’.

- (57) *roca merabi šemo-va, es surati da-i-xaṭ-eb-a*
когда Мераб.НОМ PVB-идти.FUT.3SG эта картина.НОМ PVB-PV-рисовать-TS-PRS.3SG
а. ‘После того как Мераб зайдет, эту картину нарисуют’.
б. *‘Когда Мераб зайдет, эту картину будут рисовать’.

Формы беспревербного и превербного оптатива от глаголов II класса не имеют тематического суффикса так же, как и данные формы от глаголов I класса. Согласно нашему анализу, это означает, что такие формы принадлежат к «романской» части системы, в которой к глагольным дескрипциям присоединяется перфективизирующий оператор вне зависимости от их (не)предельности. Как можно наблюдать в примерах (58)–(61), предельность форм

анализа, так как он делает предсказания о возможных аспектуальных характеристиках существующих форм, но не о существовании самих форм. Так как форма беспревербного аориста от глаголов второго класса практически не употребляема, мы обращаемся к форме оптатива для иллюстрации «романской» части аспектуальной системы с глаголами II класса.

оптатива от глаголов II класса коррелирует с наличием преверба: беспревербная форма является неопределенной, превербная — предельной.

- (58) **es surati or saat-ši unda i-xaṭ-os*
эта картина.НОМ два час-в нужно PV-рисовать-ОПТ.3SG

Ожидаемое прочтение: ‘Эту картину нужно нарисовать за два часа’.

- (59) *es surati ori saati unda i-xaṭ-os*¹²
эта картина.НОМ два часа нужно PV-рисовать-ОПТ.3SG

‘Эту картину нужно порисовать два часа’.

- (60) *es surati or saat-ši unda da-i-xaṭ-os*
эта картина.НОМ два час-в нужно PVB-PV-рисовать-ОПТ.3SG

‘Эту картину нужно нарисовать за два часа’.

- (61) **es surati ori saati unda da-i-xaṭ-os*
эта картина.НОМ два часа нужно PVB-PV-рисовать-ОПТ.3SG

Ожидаемое прочтение: ‘Эту картину нужно порисовать два часа’.

Примеры (62)—(63) иллюстрируют, что как превербный (предельный), так и беспревербный (неопределенный) оптатив имеют только перфективную интерпретацию, что хорошо согласуется с нашим анализом.

- (62) *roca merabi šemo-va, es surati unda i-xaṭ-os*¹³
когда Мераб.НОМ PVB-идти.FUT.3SG эта картина.НОМ нужно PV-рисовать-ОПТ.3SG

а. *‘Когда Мераб придет, нужно, чтобы эту картину рисовали’.

б. ‘После того как Мераб придет, нужно, чтобы эту картину порисовали’.

- (63) *roca merabi šemo-va, es surati unda da-i-xaṭ-os*
когда Мераб.НОМ PVB-идти.FUT.3SG эта картина.НОМ нужно PVB-PV-рисовать-ОПТ.3SG

а. *‘Когда Мераб придет, нужно, чтобы эту картину рисовали’.

б. ‘После того как Мераб придет, нужно, чтобы эту картину нарисовали’.

Таким образом, предложенный нами анализ может быть без изменений применен к глаголам II класса: для них так же верно подразделение на «славянскую» и «романскую» подсистемы.

Более интересную картину демонстрируют глаголы III класса — медиальные глаголы ([Šanize 1973; Holisky 1981] среди прочих). В общем случае эти глаголы образуют формы будущего времени, кондиционалиса, аориста и оптатива беспревербным способом, однако имеется ряд медиальных глаголов, которые могут присоединять превербы в вышеперечисленных формах¹⁴. Мы рассмотрим аспектуальные характеристики различных форм медиальных глаголов на примере глагола *buzubeb* ‘ворчит’, который имеет как превербные, так и беспревербные варианты будущего времени, кондиционалиса, аориста и оптатива.

¹² Это предложение также имеет хабитуальную интерпретацию: ‘Эту картину нужно (регулярно, каждый день) рисовать два часа’.

¹³ Кроме эпизодической данной предложение также может иметь хабитуальную интерпретацию: ‘(Регулярно, каждый раз) после того как Мераб будет приходить, нужно рисовать эту картину’.

¹⁴ При образовании данных форм глагол присоединяет предкорневой гласный *-i-* и тематический суффикс *-eb-*, после чего присоединяются окончания настоящего (= будущего) времени, имперфекта (= кондиционалиса), аориста и оптатива соответственно. Многие глаголы этого класса в принципе не совместимы ни с одним из существующих превербов; см. более подробное обсуждение в [Holisky 1981].

Для начала обратимся к беспревербным употреблениям этого глагола и покажем, что все беспревербные формы не требуют модификации нашего анализа. Наш анализ предсказывает, что все беспревербные формы будут совместимы только с неопределенной интерпретацией. Это подтверждается следующими примерами: настоящее время (64), будущее время (65)—(66), имперфект (67)—(68), кондиционалис (69)—(70), аорист (71)—(72), оптатив (73)—(74).

- (64) *šota ori saati / *or saat-ši buẓyun-eb-s*
Шота два часа.НОМ / два час-в ворчать-TS-PRS.3SG

‘Шота ворчит два часа’.

- (65) *šota ori saati i-buẓyun-eb-s*
Шота два часа.НОМ PV-ворчать-TS-PRS.3SG

‘Шота будет ворчать два часа’.

- (66) *šota or saat-ši i-buẓyun-eb-s*
Шота два час-в PV-ворчать-TS-PRS.3SG

а. ‘Через два часа Шота будет ворчать’.

б. *‘Шота проворчит за два часа’.

- (67) *šota ori saati buẓyun-eb-d-a*
Шота два часа.НОМ ворчать-TS-IPF-3SG

‘Шота ворчал два часа’.

- (68) *šota or saat-ši buẓyun-eb-d-a*
Шота два час-в ворчать-TS-IPF-3SG

а. ?‘Через два часа (после некоторого момента в прошлом) Шота ворчал’.

б. *‘Шота проворчал за два часа’.

- (69) *šota ori saati i-buẓyun-eb-d-a*
Шота два часа.НОМ PV-ворчать-TS-IPF-3SG

‘Шота ворчал бы два часа’.

- (70) *šota or saat-ši i-buẓyun-eb-d-a*
Шота два час-в PV-ворчать-TS-IPF-3SG

а. ?‘Через два часа (после некоторого момента) Шота бы ворчал’.

б. *‘Шота проворчал бы за два часа’.

- (71) *šota-m ori saati i-buẓyun-a*
Шота-ERG два часа.НОМ PV-ворчать-AOR.3SG

‘Шота поворчал два часа’.

- (72) *šota-m or saat-ši i-buẓyun-a*
Шота-ERG два час-в PV-ворчать-AOR.3SG

а. ?‘Через два часа (после некоторого момента в прошлом) Шота поворчал’.

б. *‘Шота проворчал за два часа’.

- (73) *šota-m ori saati unda i-buẓyun-os*
Шота-ERG два часа.НОМ нужно PV-ворчать-OPT.3SG

‘Шоте нужно ворчать два часа’.

- (74) *šota-m or saat-ši unda i-buẓyun-os*
Шота-ERG два час-в нужно PV-ворчать-OPT.3SG

а. ‘Через два часа Шоте нужно начать ворчать’.

б. *‘Шота проворчал за два часа’.

Как показывают примеры (64)—(74), модификатор *or saatiši* ‘за два часа’ либо вообще не может присоединяться к беспревербным формам, либо, присоединяясь, меняет свое значение (‘через, спустя два часа’) и не подразумевает кульминации события.

Те беспревербные формы, которые не имеют тематического суффикса (аорист, оптатив), могут иметь только перфективную интерпретацию, несмотря на то что являются непредельными:

- (75) *roca merabi šemo-vida šota-m i-buzyun-a*
 когда Мераб.НОМ PVB-идти.АОР.3SG Шота-ЕРГ PV-ворчать-АОР.3SG
 а. ‘После того как Мераб пришел, Шота поворчал’.
 б. *‘Когда Мераб пришел, Шота ворчал’.
- (76) *šota-m unda i-buzyun-os roca merabi šemo-va*
 Шота-ЕРГ нужно PV-ворчать-ОПТ.3SG когда Мераб.НОМ PVB-идти.ФУТ.3SG
 а. ‘После того как Мераб придет, Шоте нужно поворчать’.
 б. *‘Когда Мераб придет, (в это время) Шоте нужно ворчать’.

Бспревербная форма имперфекта имеет имперфективную интерпретацию (77), беспревербные формы настоящего времени (при хабитуальном прочтении), будущего времени и кондиционалиса могут иметь как имперфективную, так и перфективную интерпретацию (78)—(80):

- (77) *roca merabi šemo-vida šota buzyun-eb-d-a*
 когда Мераб.НОМ PVB-идти.АОР.3SG Шота ворчать-TS-IPF-3SG
 а. *‘После того как Мераб пришел, Шота поворчал’.
 б. ‘Когда Мераб пришел, Шота ворчал’.
- (78) *roca merabi šemo-dis šota buzyun-eb-s*
 когда Мераб.НОМ PVB-идти.ПРС.3SG Шота ворчать-TS-ПРС.3SG
 а. ‘(Каждый раз) после того, как Мераб приходит, Шота ворчит’.
 б. ‘(Каждый раз,) когда Мераб приходит, Шота ворчит’.
- (79) *roca merabi šemo-va šota i-buzyun-eb-s*
 когда Мераб.НОМ PVB-идти.ФУТ.3SG Шота PV-ворчать-TS-ПРС.3SG
 а. ‘После того как Мераб придет, Шота поворчит’.
 б. ‘Когда Мераб придет, Шота будет ворчать’.
- (80) *roca merabi šemo-vidoda šota i-buzyun-eb-d-a*
 когда Мераб.НОМ PVB-идти.КОНД.3SG Шота PV-ворчать-TS-IPF-3SG
 а. *‘После того как Мераб пришел бы, Шота поворчал бы’.
 б. ‘Когда Мераб пришел бы, Шота бы ворчал’.

Такие интерпретации ожидаемы при нашем анализе: данные формы присоединяют оператор дефолтного аспекта, который не ограничивает интерпретации непредельных дескрипций, позволяя им быть как имперфективными, так и перфективными. Невозможность перфективной интерпретации у формы имперфекта обусловлена действием максимы информативности Грайса [Grice 1975]: форма имперфекта находится в конкуренции с перфективной формой аориста, поэтому ее использование в перфективном контексте невозможно.

Перейдем к рассмотрению превербных форм медиальных глаголов. Согласно нашим диагностикам они являются непредельными дескрипциями (могут сочетаться с модификатором *ori saati* ‘два часа’ и не могут сочетаться с модификатором *or saatiši* в значении ‘за два часа’), см. (81)—(88), с перфективной интерпретацией (89)—(92).

- (81) *šota ori saati ца-и-бузун-еб-с*
Шота два часа PVB-PV-ворчать-TS-PRS.3SG
'Шота (немного) поворчит два часа'.
- (82) *šota ori saat-ši ца-и-бузун-еб-с*
Шота два часа-в PVB-PV-ворчать-TS-PRS.3SG
а. 'Через два часа Шота (немного) поворчит'.
б. *'Шота проворчит за два часа'.
- (83) *šota ori saati ца-и-бузун-еб-д-а*
Шота два часа PVB-PV-ворчать-TS-IPF-3SG
'Шота (немного) поворчал бы два часа'.
- (84) *šota ori saat-ši ца-и-бузун-еб-д-а*
Шота два часа-в PVB-PV-ворчать-TS-IPF-3SG
а. 'Через два часа Шота (немного) поворчал бы'.
б. *'Шота проворчал бы за два часа'.
- (85) *šota-m ori saati ца-и-бузун-а*
Шота-ERG два часа PVB-PV-ворчать-AOR.3SG
'Шота (немного) поворчал два часа'.
- (86) *šota-m ori saat-ši ца-и-бузун-а*
Шота-ERG два часа-в PVB-PV-ворчать-AOR.3SG
а. 'Через два часа Шота (немного) поворчал'.
б. *'Шота проворчал за два часа'.
- (87) *šota-m ori saati unda ца-и-бузун-ос*
Шота-ERG два часа нужно PVB-PV-ворчать-OPT.3SG
'Шоте нужно (немного) поворчать два часа'.
- (88) *šota-m ori saat-ši unda ца-и-бузун-ос*
Шота-ERG два часа-в нужно PVB-PV-ворчать-OPT.3SG
а. 'Через два часа Шоте нужно (немного) поворчать'.
б. *'Шоте нужно проворчать за два часа'.
- (89) *roca merabi šemo-va, šota ца-и-бузун-еб-с*
когда Мераб.НОМ PVB-идти.FUT.3SG Шота PVB-PV-ворчать-TS-PRS.3SG
а. 'После того как Мераб придет, Шота (немного) поворчит'.
б. *'Когда Мераб придет, Шота будет (немного) ворчать'.
- (90) *roca merabi šemo-vidoda, šota ца-и-бузун-еб-д-а*
когда Мераб.НОМ PVB-идти.COND.3SG Шота PVB-PV-ворчать-TS-IPF-3SG
а. 'После того как Мераб пришел бы, Шота бы (немного) поворчал'.
б. *'Когда Мераб пришел бы, Шота бы (немного) ворчал'.
- (91) *roca merabi šemo-vida, šota-m ца-и-бузун-а*
когда Мераб.НОМ PVB-идти.AOR.3SG Шота-ERG PVB-PV-ворчать-AOR.3SG
а. 'После того как Мераб пришел, Шота (немного) поворчал'.
б. *'Когда Мераб пришел, Шота (немного) ворчал'.
- (92) *šota-m unda ца-и-бузун-ос, roca merabi šemo-va*
Шота-ERG нужно PVB-PV-ворчать-OPT.3SG когда Мераб.НОМ PVB-идти.FUT.3SG
а. 'После того как Мераб придет, Шоте нужно (немного) поворчать'.
б. *'Когда Мераб придет, Шоте нужно (немного) ворчать'.

Таким образом, превербные формы III класса ведут себя иначе, нежели превербные формы I и II классов: они не делают предикат предельным, но делают его перфективным.

Чтобы встроить превербные медиальные глаголы в нашу систему, нам необходимо слегка модифицировать наши представления о вкладе превербов в аспектуальную интерпретацию. Мы обрисуем общее направление требуемой модификации, оставив ее техническую имплементацию для дальнейших исследований.

Ранее мы говорили о том, что наличие преверба связано непосредственно с предельностью предиката. Учитывая вышеизложенные особенности аспектуальной интерпретации превербных глаголов III класса, мы должны уточнить, что наличие преверба связано напрямую не с понятием предельности, но с понятием квантованности. Для достижений и свершений (глаголы I и II класса) быть квантованным значит быть предельным. Для деятельности (глаголы III класса) быть квантованным значит быть перфективным. Мы предполагаем, что те превербы, которые могут присоединяться к медиальным глаголам, вносят такой же вклад в аспектуальную характеристику предиката, как, например, делимитативный префикс *po-* в польском и русском языках. В этой связи интересен анализ польского делимитатива, представленный в [Piñón 1994]. Автор считает, что данный префикс является наречием длительности (как ‘два часа’) без спецификации самой длительности: он вносит информацию о том, что время деятельности меньше ожидаемого времени, заданного контекстом. В [Piñón 1994] показано, что если за префиксом стоит такая семантика, то глагольная дескрипция получается непредельной, но квантованной (и, как следствие, перфективной). Можно предположить, что те грузинские превербы, которые могут присоединяться к медиальным глаголам, вносят такой же вклад в аспектуальную характеристику дескрипции, что и польское *po-*. Однако, в отличие от польского, в грузинском языке такую семантику может иметь не один префикс, а некоторое подмножество префиксов, существующих в языке.

4. Аспект в нефинитных клаузах: подсистема «славянского» типа в чистом виде

Любая попытка описать аспектуальные значения глагольных словоформ сталкивается с проблемой непрямого доступа [Zucchi 1999; Kratzer 2003; Татевосов 2008; 2015; 2016]: мы всегда наблюдаем глаголы в употреблении, в составе полноценных клауз, в которых помимо аспектуальных значений выражаются и другие грамматические категории (времени, модальности и др.). Номинализации, обладающие аргументной структурой, но имеющие только часть глагольных проекций, предоставляют возможность увидеть аспектуальную характеристику глагольной словоформы на некотором промежуточном этапе ее деривации [Татевосов 2008]. В этом разделе мы обратимся к отглагольному существительному (масдару) в грузинском языке и постараемся показать, что данная форма демонстрирует «славянскую» аспектуальную подсистему в чистом виде.

При образовании номинализации в грузинском языке к глагольному корню и тематическому суффиксу присоединяются падежные окончания. Как и в глагольной словоформе, в составе номинализации могут появляться превербы (93).

(93) (PVB) — √ — TS — CASE

В составе номинализаций невозможны показатели актантных дериваций, согласовательные показатели и морфемы, связанные с временной интерпретацией глагольной словоформы.

Аргументы номинализации не могут получать такое же выражение, как и в финитной клаузе. Если номинализация образована от переходного глагола, внутренний аргумент оформляется генитивом, а внешний аргумент может быть выражен только послеложной группой (94). Если номинализация образована от непереходного глагола, то его единственный аргумент вне зависимости от семантической роли получает генитивное оформление (95).

(94) *ivane-s mier kalak-is dangrev-a*
Иван-GEN BY город-GEN разрушить-VN.NOM
‘разрушение города Иваном’

- (95) *sopiḱo-s* *mosvl-a*
 Софи́ко-GEN при́йти-VN.NOM
 ‘приход Софи́ко’

Несмотря на невозможность выразить актанты так же, как в финитной клаузе, номинализации обладают рядом свойств, позволяющих заключить, что они наследуют аргументную структуру глагола. Например, они сохраняют актантные альтернативы, свойственные глаголам, от которых они образованы (96)—(97).

- (96) а. *ṣota-m* *pap-a* *tepš-ze* *gatitxn-a*
 Шота-ERG каша-NOM тарелка.DAT-на размазать.AOR-3SG
 ‘Шота размазал кашу по тарелке’.
- б. (*ṣota-s* *mier*) *pap-is* *gatitxn-a* *tepš-ze*
 Шота-GEN ВY каша-GEN размазать-VN.NOM тарелка.DAT-на
 ‘размазывание каши по тарелке (Шотой)’
- (97) а. *ṣota-m* *tepš-i* *pap-it* *gatitxn-a*
 Шота-ERG тарелка-NOM каша-INS размазать.AOR-3SG
 ‘Шота размазал тарелку кашей’.
- б. (*ṣota-s* *mier*) *tepš-is* *gatitxn-a* *pap-it*
 Шота-GEN ВY тарелка-GEN размазать-VN.NOM каша-INS
 ‘размазывание тарелки кашей (Шотой)’

Кроме того, номинализации допускают модификацию наречиями образа действия (98) и агентивными наречиями (99).

- (98) *çign-is* *sçrap-ad* *kitxv-a*
 книга-GEN быстро-ADV читать.VN-NOM
 ‘быстрое чтение книги’ (букв. ‘чтение книги быстро’)
- (99) *sakm-is* *ganzraxul-ad* *gaçianureb-a*
 дело-GEN намеренно-ADV затягивать.VN-NOM
 ‘намеренное затягивание дела’ (букв. ‘затягивание дела намеренно’)

Наконец, в отличие от прочих существительных, номинализации не могут присоединять показатели множественного числа (100), что свидетельствует о наличии достаточно большого количества глагольных проекций в их структуре согласно [Alexiadou et al. 2010].

- (100) *ori* *çign-is* *ça-kitx-v>(*eb)-a*
 два книга-GEN PVB-прочитать-TS.VN-PL-NOM
- xut* *ḱvira-s* *grzeld-eb-od-a* / **grzeld-eb-od-nen*
 пять неделя-DAT длиться-TS-IPF-3SG длиться-TS-IPF-3PL
- ‘Прочтение двух книг длилось пять недель’.

Поскольку номинализации делят с глаголом, от которого они образованы, некоторое количество общей глагольной структуры, можно обратиться к вопросу о содержании аспектуальных противопоставлений в номинализациях¹⁵. Так как в номинализациях присутствует тематический суффикс, наш анализ предсказывает, что в них должны наблюдаться такие же аспектуальные различия, что и в «славянской» подсистеме: мы ожидаем, что номинализации с провербами должны получать предельную перфективную интерпретацию, номинализации без провербов — неопределенную имперфективную.

¹⁵ Другие глагольные и именные свойства грузинских номинализаций рассматриваются в [Harris 1981; Koptjevskaja-Tamm 1993].

Сначала попробуем ответить на вопрос, сохраняются ли свойства предельности в номинализациях. Как показывают примеры (101)—(102), номинализации с превербными могут сочетаться с модификатором *or saatši* ‘за два часа’ и не могут сочетаться с неопределенными модификаторами *ori saati* ‘два часа’/*orsaatianani* ‘двухчасовой’¹⁶.

- (101) *šota-m givi-s mier çeril-is or saat-ši / *orsaatianani / *ori saati*
 Шота-ERG Гиви-GEN BY письмо-GEN два час-в двухчасовой два час.NOM
da-čer-is šesaxeb icis
 PVB-писать-VN.GEN o знать.PRS.3SG
 букв. ‘Шота знает о написании Гиви письма за два часа’.

- (102) *šota-m givi-s mier kac-is or saat-ši / *ori saati*
 Шота-ERG Гиви-GEN BY человек-GEN два час-в два час.NOM
mo-ḱvl-is šesaxeb icis
 PVB-убить-VN.GEN o знать.PRS.3SG
 букв. ‘Шота знает об убийстве Гиви человека за два часа’.

Номинализации без превербов, наоборот, не допускают модификацию *or saatši* ‘за два часа’, но могут сочетаться с модификаторами *ori saati* ‘два часа’/*orsaatianani* ‘двухчасовой’¹⁷:

- (103) *šota-m givi-s mier çeril-is ?ori saati / orsaatianani /*
 Шота-ERG Гиви-GEN BY письмо-GEN два час.NOM двухчасовой
**or saat-ši çer-is šesaxeb icis*
 два час-в писать-VN.GEN o знать.PRS.3SG
 букв. ‘Шота знает о писании Гиви письма два часа/двухчасовом писании Гиви письма’.

- (104) *šota-m givi-s mier kac-is ori saati /*
 Шота-ERG Гиви-GEN BY человек-GEN два час.NOM
**or saat-ši ḱvl-is šesaxeb icis*
 два час-в убить-VN.GEN o знать.PRS.3SG
 букв. ‘Шота знает об убийстве Гиви человека два часа’.

Таким образом, превербные могут выражать предельность в номинализациях точно так же, как они это делают в финитных клаузах¹⁸.

Теперь перейдем к рассмотрению перфективных и имперфективных интерпретаций номинализаций. Мы обсудим возможность номинализаций с превербными и без в трех имперфективных контекстах и в одном перфективном. Первым имперфективным контекстом для номинализации является позиция комплемента существительного *dro* ‘время’ в дательном падеже (‘во время некоторой деятельности’) (105) или аналогичная конструкция

¹⁶ Некоторые носители находят модификатор *ori saati* ‘два часа’ в составе номинализации не вполне приемлемым и предпочитают *orsaatianani* ‘двухчасовой’ в качестве модификатора неопределенных номинализаций.

¹⁷ Возможность хабитуальных прочтений номинализаций в сочетании с модификатором *ori saati* ‘два часа’ нами не проверялась.

¹⁸ Некоторые номинализации с превербными не имеют бесприставочной пары. Примером такой номинализации является отглагольное существительное *gayeba* ‘открытие’ — формы без приставки **yebe* не существует. В таком случае номинализация с превербом все равно является предельной и не может употребляться с неопределенными модификаторами:

- (i) *šota-m givi-s mier ḱar-is or saat-ši / *orsaatianani / *ori saati*
 Шота-ERG Гиви-GEN BY дверь-GEN два час-в двухчасовой два час.NOM
ga-ḱeb-is šesaxeb icis
 PVB-открыть-TS-VN.GEN o знать.PRS.3SG
 букв. ‘Шота знает об открытии Гиви двери за два часа’.

с номинализацией, присоединяющей дативный показатель поверх генитивного (106). В обеих конструкциях возможны номинализации без превербов и невозможны приставочные номинализации.

- (105) *šota šemo-vida giv-is mier çeril-is (*da)-çer-is dro-s*
 Шота PVB-идти.AOR.3SG Гиви-GEN BY письмо-GEN PVB-писать-VN.GEN время-DAT
 букв. 'Шота зашел во время писания Гиви письма'.

- (106) *šota šemo-vida giv-is mier pap-is (*še)-çam-is-as*
 Шота PVB-идти.AOR.3SG Гиви-GEN BY каша-GEN PVB-есть-GEN-DAT
 букв. 'Шота зашел во время поедания Гиви каши'.

Вторым имперфективным контекстом для номинализаций является позиция компонента существительного *proces* 'процесс' с послелогом *ši* 'в' ('в процессе осуществления некоторой деятельности'). В этой позиции также возможны только номинализации без превербов, тогда как употребление в данном контексте номинализаций с приставками ведет к неграмматичности¹⁹:

- (107) *roza šemo-v-edi šota çign-is (*ça)-kitx-v-is*
 когда PVB-1SG-идти.AOR.3SG Шота.NOM книга-GEN PVB-читать-TS-VN.GEN
proces-ši iço
 процесс-в быть.AOR.3SG
 'Когда я зашел, Шота был в процессе чтения книги'.

- (108) *roza šemo-v-edi šota çeril-is (*da)-çer-is*
 когда PVB-1SG-идти.AOR.3SG Шота.NOM письмо-GEN PVB-писать-VN.GEN
proces-ši iço
 процесс-в быть.AOR.3SG
 'Когда я зашел, Шота был в процессе писания письма'.

Наконец, только номинализации без преверба могут обозначать действие, которое еще не закончилось (109)—(110). В то время как бесприставочные номинализации могут обозначать событие, которое длится некоторое время, но еще не завершилось, номинализации с приставкой не могут обозначать ситуацию, которая не достигла кульминации на момент речи.

- (109) *giv-is mier çign-is (ç)a-kitx-v-a ori kvira*
 Гиви-GEN BY книга-GEN PVB-читать-TS-VN.NOM два неделя.NOM
grzeldeba da džer ar damtavrebul-a
 продолжаться.PRS.3SG но еще не законченный-быть.PRS.3SG
 букв. 'Чтение Гиви книги продолжается две недели, но еще не закончено'.

- (110) *giv-is mier çeril-is (ç)*da)-çer-a ori saati*
 Гиви-GEN BY письмо-GEN PVB-писать-VN.NOM два час.NOM

¹⁹ Исключение из данного правила составляют такие приставочные номинализации, которые не имеют пары без приставки, например *proektis šekmna* 'осуществление проекта' (**proektis kmna*), *karis gayeba* 'открытие двери' (**karis yeba*). Такие номинализации могут употребляться в имперфективных контекстах, несмотря на наличие преверба:

- (i) *roza šemo-v-edi šota proekt-is še-kmn-is proces-ši iço*
 когда PVB-1SG-идти.AOR.3SG Шота проект-GEN PVB-создать-VN.GEN процесс-в быть.AOR.3SG
 'Когда я зашел, Шота был в процессе создания проекта'.

Как кажется, в данном случае действует механизм нейтрализации, позволяющий приписывать имперфективную интерпретацию форме с превербом, когда нет альтернативного способа выразить данное значение (ср. наблюдения Е. В. Падучевой [2015] о видовых характеристиках русских номинализаций).

grzeldeba da džer ar damtavrebul-a
 продолжаться.PRS.3SG но еще не законченный-быть.PRS.3SG
 букв. 'Писание Гиви письма продолжается два часа, но еще не закончено'.

Мы увидели, что номинализации с превербами не могут появляться в имперфективных контекстах. Верно и обратное: номинализации без превербов не могут употребляться в перфективном контексте — в качестве комплемента последого *šemdeg* 'после':

- (111) *giv-is mier čign-is *(ča)-kitx-v-is šemdeg*
 Гиви-GEN BY книга-GEN PVB-читать-TS-VN.GEN после
me da-v-i-čqe televizor-is qur-eb-a
 1SG PVB-1SG-PV-начать.AOR.1SG телевизор-GEN смотреть-TS-VN.NOM
 букв. 'После прочтения Гиви книги я начал смотреть телевизор'.

- (112) *giv-is mier čeril-is *(da)-čer-is šemdeg*
 Гиви-GEN BY письмо-GEN PVB-писать-VN.GEN после
čven da-v-i-čqet televizor-is qur-eb-a
 1PL PVB-1-PV-начать.AOR.1PL телевизор-GEN смотреть-TS-VN.NOM
 букв. 'После написания Гиви письма мы начали смотреть телевизор'.

Таким образом, номинализации сохраняют аспектуальные противопоставления, которые мы находим в глаголе, и демонстрируют «славянскую» аспектуальную подсистему: предельные предикаты получают перфективную интерпретацию, а неопредельные — имперфективную. Такой результат ожидаем, поскольку номинализации имеют в своей структуре тематический суффикс, который, согласно нашему анализу, является показателем оператора дефолтного аспекта, обеспечивающего переход от «романской» аспектуальной системы к «славянской»²⁰.

5. Заключение

В данной статье мы рассмотрели аспектуальные характеристики таких видо-временных форм переходных глаголов в грузинском языке, как настоящее время, будущее время, имперфект, кондиционалис, приставочный и бесприставочный аорист. Мы предположили, что аспектуальная система грузинского языка распадается на две подсистемы: подсистему «славянского» (настоящее и будущее время, имперфект и кондиционалис) и «романского» типа (две формы аориста и две формы опатива). Согласно предложенному нами анализу, глагольные превербы присоединяются внутри глагольной группы и определяют предельность предиката на той стадии деривации, когда выбор между двумя аспектуальными подсистемами еще не сделан. После построения глагольной группы к ней присоединяется один из аспектуальных операторов, который определяет тип аспектуальной подсистемы. Если к глагольной группе присоединился нулевой перфективный оператор, нечувствительный к предельности глагола, то результирующая форма входит в аспектуальную подсистему «романского» типа. Так происходит деривация форм бесприставочного и приставочного аориста и бесприставочного и приставочного опатива. Если же к глагольной группе присоединяется оператор дефолтного аспекта, выраженный тематическим суффиксом, то форма образуется по правилам «славянской» аспектуальной подсистемы: предельные предикаты всегда становятся перфективными, а неопредельные склонны интерпретироваться имперфективно

²⁰ В связи с наличием этого оператора в структуре номинализаций возникает вопрос о существовании таких контекстов, в которых неопредельные (беспрефиксальные) номинализации могли бы интерпретироваться перфективно, как в примере (38). Сконструировать аналогичный (38) контекст для номинализации представляется затруднительным, поэтому вопрос о существовании аналогичных прочтений для номинализаций мы оставляем открытым.

в связи с действием Грайсовской максимы информативности, но в подходящем контексте могут получать перфективную интерпретацию.

Предложенный анализ позволяет верно предсказать возможность перфективных интерпретаций у форм настоящего времени в некоторых контекстах, а также действие «славянской» аспектуальной подсистемы в структуре отглагольных существительных. Так как в структуре номинализаций присутствует тематический суффикс, мы ожидаем увидеть в этих формах действие оператора дефолтного аспекта. Наши ожидания оправдываются: номинализации от предельных предикатов получают перфективную интерпретацию, номинализации от непредельных предикатов — имперфективную.

Устройство аспектуальной системы в грузинском языке оставляет еще множество вопросов, требующих дальнейшего исследования. Во-первых, необходимо модифицировать определение предельности и предложить более детальный анализ превербных форм глаголов III класса. Во-вторых, интересно было бы выяснить, как экспериенциальные глаголы (IV класс) ведут себя с точки зрения предельности и перфективности в различных видо-временных формах: присоединяют ли они перфективный оператор и оператор дефолтного аспекта так же, как это делают глаголы других классов? В-третьих, важным представляется вопрос о связи типа аспектуальной подсистемы с эргативной кодировкой актантов в грузинском языке (см., например, анализ, предложенный в [Nash (to appear)]). Наконец, исследование способности непредельных предикатов иметь перфективные прочтения при соединении с оператором дефолтного аспекта кажется важным направлением дальнейшего изучения аспектуальной системы грузинского языка.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо	OPT — опатив
ADV — наречие	PFV — перфектив
AGR — согласование	PL — множественное число
AOR — аорист	PRS — настоящее время
COND — кондиционалис	PV — предкорневой гласный (preradical vowel)
CONJ — сочинительный союз	PVB — преверб
DAT — датив	SG — единственное число
ERG — эргатив	TAM — показатели времени, аспекта и модальности
FUT — будущее время	TS — тематический суффикс
GEN — генитив	VN — отглагольное существительное
INS — инструменталис	√ — корень
IPF — имперфект	
NOM — номинатив	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аркадьев 2015 — Аркадьев П. М. *Ареальная типология префиксального перфектива (на материале языков Европы и Кавказа)*. М.: Языки славянской культуры, 2015. [Arkad'ev P. M. *Areal'naya tipologiya prefiksaln'nogo perfektiva (na materiale yazykov Evropy i Kavkaza)* [Areal typology of prefixal perfective (a case study of European and Caucasian languages)]. Moscow: Yazyki Slavyanskoy Kul'tury, 2015.
- Гецадзе 1984 — Гецадзе И. О. Категория глагольного вида и аспектуальности в грузинском языке // Бондарко А. В. (ред.). *Теория грамматического значения и аспектологические исследования*. Л.: Наука, 1984. С. 260—268. [Getsadze I. O. The category of verbal aspect and aspectuality in Georgian. *Teoriya grammaticheskogo znacheniya i aspektologicheskie issledovaniya*. Bondarko A. V. (ed.). Leningrad: Nauka, 1984. Pp. 260—268.]
- Падучева 2015 — Падучева Е. В. Славянский тип аспектуальности и видовое значение отглагольного имени в русском языке // *Русский язык в научном освещении*. 2015. Т. 29. № 1. С. 9—27. [Paducheva E. V. The Slavic type of aspectuality and the aspectual meaning of deverbal nouns in Russian. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*. Vol. 29. No. 1. Pp. 9—27.]

- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku. Grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics. Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Ростовцев-Попель 2012 — Ростовцев-Попель А. А. Становление категории аспекта в грузинском языке // Головкин Е. В., Даниэль М. А., Плунгян В. А., Семенова Кс. П. (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 6: Типология аспектуальных систем и категорий. СПб: Наука, 2012. С. 290—310. [Rostovtsev-Popel' A. A. Formation of the category of aspect in Georgian. *Issledovaniya po teorii grammatiki. Vyp. 6: Tipologiya aspektual'nykh sistem i kategoriy*. Golovko E. V., Daniel M. A., Plungian V. A., Semenova K. P. (eds.). St. Petersburg: Nauka, 2012. Pp. 290—310.]
- Татевосов 2000 — Татевосов С. Г. Метафизика движения в грамматике естественного языка: глагольная префиксация в северо-кавказских языках // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2000. №6. С. 14—29. [Tatevosov S. G. Metaphysics of movement in the grammar of the natural language: Verbal prefixation in the North Caucasian languages. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*. 2000. No. 6. Pp. 14—29.]
- Татевосов 2008 — Татевосов С. Г. Номинализация и проблема непрямого доступа // Розина Р. И., Кустова Г. И. (ред.). Динамические модели. Слово. Предложение. Текст. Сборник статей в честь Е. В. Падучевой. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 750—772. [Tatevosov S. G. Nominalization and the problem of indirect access. *Dinamicheskie modeli. Slovo. Predlozhenie. Tekst. Sbornik statey v chest' E. V. Paduchevoy*. Rozina R. I., Kustova G. I. (eds.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2008. Pp. 750—772.]
- Татевосов 2015 — Татевосов С. Г. Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события. М.: Языки славянской культуры, 2015. [Tatevosov S. G. *AktSIONal'nost' v leksike i grammatike. Glagol i struktura sobytiya* [Actionality in lexicon and grammar. The verb and the event structure]. Moscow: Yazyki Slavyanskoy Kul'tury, 2015.]
- Татевосов 2016 — Татевосов С. Г. Глагольные классы и типология акциональности. М.: Языки славянской культуры, 2016. [Tatevosov S. G. *Glagol'nye klassy i tipologiya aktSIONal'nosti* [Verbal classes and actionality typology]. Moscow: Yazyki Slavyanskoy Kul'tury, 2016.]
- Цибакхашвили 1960 — Цибакхашвили Г. Глагольные приставки в русском и грузинском языках. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси: Издательство Тбилисского государственного университета имени Сталина, 1960. [Tsbakhashvili G. *Glagol'nye pristavki v russkom i gruzinskom yazykakh. Avtoref. kand. diss.* [Verbal prefixes in Russian and Georgian. Author's abstract of the cand. diss.]. Tbilisi: Tbilisi State Univ. Publ., 1960.]
- Alexiadou et al. 2010 — Alexiadou A., Iordachioia G., Soare E. Number/aspect interactions in the syntax of nominalizations: A Distributed approach. *Journal of Linguistics*. 2010. Vol. 46. No. 3. Pp. 537—574.
- Aronson 1991 — Aronson H. I. *Georgian: A reading grammar*. Corr. ed. Bloomington (IN): Slavica Publishers, 1991.
- Bohnenmeyer, Swift 2004 — Bohnenmeyer J., Swift M. Event realization and default aspect. *Linguistics and Philosophy*. 2004. Vol. 27. No. 3. Pp. 263—296.
- Borik, Reinhart 2004 — Borik O., Reinhart T. Telicity and perfectivity: Two independent systems. *Proceedings of LOLA 8 (Symposium on logic and language)*. Hunyadi L., Rakosi G., Toth E. (eds.). Debrecen, 2004. Pp. 13—34.
- Bybee, Dahl 1989 — Bybee J. L., Dahl Ö. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world. *Studies in Language*. 1989. Vol. 13. No. 1. Pp. 51—103.
- Comrie 1976 — Comrie B. *Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1976.
- Čumburize 1968 — Čumburize Z. *Mq'opadis čarmokmnis istoriatvis kartulši* [On the history of the future tense in Georgian]. *Žveli kartuli enis katedris šromebi* [Proceedings of the Department of Old Georgian] 11. Tbilisi: TSU, 1968.
- Dahl 2000 — Dahl Ö. The tense-aspect systems of European languages in a typological perspective. *Tense and aspect in the languages of Europe*. Dahl Ö. (ed.). (Empirical Approaches to Language Typology, Eurotyp 20-6.) Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. Pp. 3—25.
- Grice 1975 — Grice H. P. Logic and conversation. *Speech acts*. Cole P., Morgan J. L. (eds.). New York: Academic Press, 1975. Pp. 41—58.
- Harris 1981 — Harris A. *Georgian syntax*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1981.
- Holisky 1981 — Holisky D. A. *Aspect and Georgian medial verbs*. Delmar (NY): Caravan Books, 1981.

- I. Imnaišvili, V. Imnaišvili 1996 — Imnaišvili I., Imnaišvili V. *Zmna zvel kartulši* [Old Georgian verb]. Frankfurt am Main, 1996.
- Klein 1994 — Klein W. *Time in language*. New York: Routledge, 1994.
- Koptjevskaja-Tamm 1993 — Koptjevskaja-Tamm M. *Nominalizations*. London: Routledge, 1993.
- Kratzer 2003 — Kratzer A. *The event argument and the semantics of verbs*. Ms. Amherst (MA): UMass-Amherst, 2003.
- Krifka 1992 — Krifka M. Thematic relations as links between nominal reference and temporal constitution. *Lexical matters*. Sag I. A., Szabolcsi A. (eds.). Menlo Park (CA): CSLI/SRI International, 1992. Pp. 29—54.
- Krifka 1998 — Krifka M. The origins of telicity. *Events and grammar*. Rothstein S. (ed.). Dordrecht: Kluwer, 1998. Pp. 197—235.
- Kurtsikiže 2006 — Kurtsikiže S. *Essentials of Georgian grammar. With conjugations tables of 250 most commonly used verbs*. (Lincom Student Grammars 2.) München: Lincom Europa, 2006.
- Lafon 1959 — Lafon R. Pour faire mieux connaître la langue géorgienne (suite). Constitution du verbe avec son sujet et son ou ses compléments. *Bedi kartlisa*. 1959. Vol. 32—33. No. 6—7I. Pp. 7—19.
- Mačavariani 1974 — Mačavariani G. Aspektis kategoria kartvelur enebši [Aspect in Kartvelian]. *Kartvelur enata strukturis šakitxebi*. 1974. Vol. IV.
- Nash (to appear) — Nash L. The structural source of split ergativity and ergative case in Georgian. To appear in *The Oxford Handbook of Ergativity*. Coon J., Massam D., Travis L. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press.
- Picyn 1994 — Picyn Ch. Aspectual composition and the Polish pfective. *Formal Approaches to Slavic Linguistics 2*. Avrutin S. et al. (eds.). Ann Arbor: Michigan Slavic, 1994. Pp. 341—373.
- Saržvelaze 1984 — Saržvelaze Z. *Kartuli saliteraturo enis istoriis šesavali* [Introduction to the history of literary Georgian]. Tbilisi: Ganatleba, 1984.
- Šaniže 1942 — Šaniže A. Изменение системы глагольной категории вида в грузинском и его последствия. *Sakartvelos mecnierebata akademiis moambe*. 1942. Vol. 9. No. III. P. 258.
- Šaniže 1973 — Šaniže A. *Kartuli enis gramatikis sapudzvebi* [Foundations of Georgian grammar]. Tbilisi: Tbilisi State Univ. Press, 1973.
- Tomelleri 2009 — Tomelleri V. S. The category of aspect in Georgian, Ossetic and Russian. Some areal and typological observations. *Faits des langues*. 2009. No. 1. Pp. 245—272.
- Tomelleri, Gäumann 2015 — Tomelleri V. S., Gäumann M. T. Aspectual pairs in Georgian: Some questions. *STUF — Language Typology and Universals*. 2015. Vol. 68. No. 1. Pp. 49—85.
- Zucchi 1999 — Zucchi A. Incomplete events, intensionality and imperfective aspect. *Natural Language Semantics*. 1999. Vol. 7. Pp. 179—215.

Получено/received 15.11.2016

Принято/accepted 07.02.2017

ОБЗОРЫ / OVERVIEWS

TONE IN GRAMMAR:
WHAT WE ALREADY KNOW AND WHAT WE STILL DON'T*

© 2017

Maria B. Konoshenko

Russian State University for the Humanities, Moscow, 125993, Russian Federation; Moscow State University of Education, Moscow, 119991, Russian Federation; eleiteria@gmail.com

In this paper, I provide an overview of tone encoding grammatical meanings, a phenomenon which to date has not been sufficiently studied either by typologists, or by theoretical morphologists. A starting point for the present discussion is the newly published volume “Tone and inflection” edited by Enrique L. Palancar and Jean Léo Léonard, a collection of papers focusing on inflectional tone in various languages, mainly Oto-Manguean. I discuss basic formal and semantic properties of tone in grammar, illustrating my claims with examples from “Tone and inflection” as well as with cases from various African languages. I propose and justify several implicational hypotheses concerning typological patterning of grammatical tones; these generalizations should be tested in a balanced survey in the future.

Keywords: derivation, implicational universals, inflection, morphology, morphosyntax, number, person, phonology, tone, typology

ГРАММАТИЧЕСКИЙ ТОН:
ЧТО УЖЕ ИЗВЕСТНО, И ЧЕГО МЫ ЕЩЕ НЕ ЗНАЕМ?

Мария Борисовна Коношенко

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, 125993, Российская Федерация; Московский педагогический государственный университет, Москва, 119991, Российская Федерация; eleiteria@gmail.com

В статье обсуждается феномен грамматических тонов, которые до последнего времени почти не рассматривались в теоретической и типологической литературе. Отправной точкой для настоящего обзора послужил недавно вышедший под общей редакцией Э. Л. Паланкара и Ж. Л. Леонара сборник «Тон и словоизменение», посвященный словоизменительным тонам в различных языках, преимущественно ото-мангских. В статье рассматриваются основные формальные и семантические свойства грамматических тонов; в качестве иллюстративного материала приводятся примеры из сборника «Тон и словоизменение», а также из различных африканских языков. Для описания типологического распределения грамматических тонов предлагаются и обосновываются обобщения в виде гипотетических имплицативных утверждений, которые в будущем нужно будет проверить на сбалансированном материале.

Ключевые слова: имплицативные универсалии, лицо, морфология, морфосинтаксис, словоизменение, словообразование, типология, тон, фонология, число

* This paper is written with financial support from the Russian Humanitarian Science Foundation, project 15-34-01237 «Morphosyntax of Kwa languages in areal context». The overview is based on the book: *Palancar E. L., Léonard J. L. (eds.). Tone and inflection. New facts and new perspectives.* Berlin: Mouton de Gruyter, 2016. vi, 342 p. ISBN: 978-3-11-045275-4.

I am very grateful to Larry M. Hyman, Anton Kukhto, Alexander Piperski, Nicholas Rolle, Andrey Shluinsky, and an anonymous reviewer for their extremely valuable comments on the previous versions of this paper.

1. Introduction

We already know that tonal morphemes can do everything segmental morphemes can do — and even more [Hyman 2011]. However, tone in grammar is still a *terra incognita* for both tonal and grammatical studies. On the one hand, phonologists who study tonal languages usually delve into various aspects of surface rules and the phonetics of tone, paying less attention to the ways tones function in grammar. On the other hand, grammarians seldom consider tone as a means of conveying morphological and morphosyntactic meanings. For example, rather ironically, proponents of Prosodic Morphology [McCarthy 1981; McCarthy, Prince 1990] adopted the formal apparatus of Autosegmental Phonology originally devised for describing tone [Goldsmith 1979] and studied various instances of non-concatenative morphology, e.g. alternations or reduplication, but did not address morphologically assigned tone.¹

In the history of linguistics, after Pike's prominent study of tone in Mixtec and Mazatec [Pike 1948], it was mainly work on African languages that shaped our understanding of the way tone can function in grammar, e.g. [Welmers 1973: 126—158]. However, studies of grammatical tone remain largely “areal” rather than typological. Until recently, the most extensive work that viewed tonal morphology as an independent domain of morphological theory and typology was a brief paper [Hyman, Leben 2000]; cf. an overview of earlier discussion of suprasegmental morphology therein and in [Hyman 2011].

In their paper, Hyman and Leben present an introduction to tone in morphology. They demonstrate that, like segmental markers, tonal morphology can be realized at word and phrase level, and the analytical problems pertaining to segmental and tonal morphemes are generally the same, e.g. whether to consider tonal or segmental marker a specific “item” or a “process” [Hyman, Leben 2000: 589]. The study [Hyman 2011] largely focuses on phonological properties of tone as opposed to segments, but the author also gives some examples of tone bearing morphological function. What he generally claims is that tone is no different from segmental items. Contrastive segments and segmental strings encode lexical as well as grammatical meanings and, similarly, tone can be used for lexical and grammatical contrasts.

In 2016, a volume “Tone and inflection” edited by Enrique L. Palancar and Jean Léo Léonard, explicitly focusing on inflectional tone, was published. As the editors state in the introduction, grammatical tones are “the orphans of tone studies” (p. 4), since tonologists are much more interested in tonal phonetics and phonotactics than in the ways tones encode grammatical meanings. To redress the balance, contributions to the volume study “possible and sometimes very complex ways in which the melodies of a given language engage in the expression of grammatical meaning” (p. 1).

Indeed, the volume provides lucid illustrations of the trickiest ways grammar can involve tone in various parts of the world. Some contributions clearly demonstrate that typological study of grammatical tone is highly relevant for linguistic theory, because tones may contradict our expectations based on evidence from sole segmental morphology and thus prove to be a test case for grammatical theory.

For example, in Kikuria (Bantu, Benue-Congo), as demonstrated in [Marlo et al. 2015] and discussed by Hyman in the volume (p. 15—39), H tone is assigned to the fourth mora of the verbal stem to mark inceptive and then spreads up to the penultimate mora. In (1)—(5) below, the mora to which H is primarily assigned is underlined for clarity.

KIKURIA (Bantu, Benue-Congo)

(1) *to-ra-[hootóǵér-a]*

1PL-TNS-reassure-FV

‘we are about to reassure’ [Marlo et al. 2015: 253]

¹ Moreover, Prosodic Morphology is sometimes viewed as a framework which reduces apparently non-concatenative inflection to affixal inflection [Lieber 1992: 165] rather than treating non-affixal inflection as an independent phenomenon.

Crucially, when the verb is non-final, mora count continues on the next word:

- (2) *to-ra-[karaaŋg-á] éyétóóke*
'we are about to fry a banana'
- (3) *to-ra-[sukur-a] éyétóóke*
'we are about to rub a banana'
- (4) *to-ra-[βun-a] eyétóóke*
'we are about to break a banana'
- (5) *to-ra-[ry-a] eyetóóke*
'we are about to eat a banana' [Marlo et al. 2015: 259]

As can be seen in (1)–(5), H is assigned to the fourth mora of the verbal stem **or** to the object noun, if the verbal stem has less than four morae. This is remarkable, given that H tone encodes a specific aspectual meaning (inceptive) and is expected to be a stem-level or a word-level marker. We see that verbal H is calculated at the phrase level in Kikuria, thus violating the basic principle of canonical morphology — namely, that a morphological marker should be phonetically realized within the same word as the lexical stem it modifies [Corbett 2007].

At the same time, “Tone and inflection” has rather severe limitations. First, it is strongly biased towards depicting very intricate systems, e.g. the unruly Haya (Bantu, Benue-Congo; pp. 17, 25–32) or the chaotic Yaitepec Chatino (Zapotecan, Oto-Manguean; pp. 130–133). Most contributions focus on Oto-Manguean languages, which have notoriously complex segmental and tonal morphology. Languages from other parts of the world are underrepresented; they are discussed in four papers out of eleven in total, cf. Hyman on grammatical tone in African languages (pp. 15–39), Jacques on Khaling (Kiranti) (pp. 41–66), Fedden on Mian (Ok) (pp. 67–82), Vydrin on Bamana (Manding, Mande) and Dan-Gweetaa (Southern, Mande) (pp. 83–105). In a way, the collection follows the existing tradition of areal approach to tone studies, this time concentrating on languages of Mesoamerica rather than Africa or Asia.

Though the editors explicitly intend to “identify universal trends” of inflectional tone (p. 2), there are few typological generalizations in the volume. The editors admit that “[a] cross-linguistically representative survey of inflectional tone in the world’s languages remains an ideal goal” (p. 4), and so a neat typology of tonal inflection is left for the future. Two papers — by Hyman and Palancar — take an explicitly typological perspective, but they only show what is attested in tonal languages, saying almost nothing about what is typical and what is not; see section 5.1 for further discussion of Palancar’s paper.

Hence, “Tone and inflection” provides a very detailed survey of what is **possible** for tone in grammar, and that is, well, everything! The nice tonal bestiary collected in the volume leaves the readers thrilled and makes them feel just like 19th century typologists fascinated by the diversity of morphological structures in the languages of the world. But our understanding of inflectional tone remains unrestricted. However exciting the borderline cases may be, we still don’t know what is common for grammatical tone and what is peripheral, what is frequent and what is rare. Universals of grammatical tone are yet to be discovered and tested.

In this paper, I provide an overview of tone as a grammatical means in typological perspective, taking the findings of “Tone and inflection” as my starting point. Because a typological study of tone in grammar based on a balanced sample is still a task for the future, this paper is a collection of questions about various aspects of grammatical tone rather than a neat account of answers.

Ideally, a typological study of grammatical tone should have a dual nature. On the one hand, the need for general morphological predictions is to be tested, e.g. that inflectional tones are expected to be formally less complex than lexical ones, cf. a general morphological asymmetry between lexical roots and affixes [McCarthy, Prince 1995; Plungian 2003; Haspelmath, Sims 2010 among many others]. On the other hand, some specific properties of tonal morphemes should be investigated, e.g. how common are polarizing tonal morphemes, as in Haya (Bantu; p. 27).

Here I focus on the first type of phenomena, placing the discussion of tone in the context of general morphological patterns in human languages. I consider various types of asymmetries between lexical, inflectional, and derivational tones and among the existing structural types of tones as grammatical markers, as well as in mapping between tones, segments, and grammatical meanings. I put forward six implicational hypotheses capturing various aspects of grammatical tones. These proposed universals should be tested in a representative and genetically balanced survey in the future. I mainly illustrate my hypotheses with the examples from “Tone and inflection” and from Mande languages, which are my main area of expertise.

Finally, a note on terminology and abbreviations should be made. In what follows, the term “grammatical tone” is used to cover inflectional and derivational tone. It also covers both “morphosyntactic” and “morphological” subtypes of inflectional tone in Palancar’s typology discussed in section 5.1. The symbol “H” stands for high tone, “M” for mid, “L” for low. Word level tones are given in slashes, e.g. /M/. Where tone is marked by figures, 1 and 5 indicate the lowest and the highest tonal levels respectively.

The paper is organized as follows. The relationship between lexical and grammatical tones is discussed in section 2; section 3 focuses on inflectional and derivational tones as the two semantic types of grammatical tones. Section 4 elaborates on additive and replacive tones as the two formal types of grammatical tones. The relationship between inflectional tones, segments, and meaning is discussed in section 5. Section 6 summarizes the results.

2. Lexical and inflectional tones

In this section, I focus on the distinction between lexical and inflectional tones, which is of primary importance for the typology of tone. In 2.1 the basic distinction is introduced. In 2.2 our expectations concerning the cross-linguistic distribution of lexical and inflectional tones are summarized. In 2.3 I consider structural asymmetries between lexical and inflectional tones in a given language.

2.1. Distinguishing between lexical and inflectional tone

First of all, lexical tones are phonologically unpredictable, i.e. they cannot be calculated on the basis of other aspects of the phonological specification of the lexical stem, nor do they appear in a specific grammatical context. Rather, one and the same lexical tone is consistently linked to various forms of the same lexeme. Inflectional tones, on the other hand, usually characterize a specific form of a given lexeme and are consistently linked to a certain morphosyntactic meaning.² For example, in Mwan (Southern, Mande) verbal lexemes bear /H/, /M/ and /L/ lexical tones, but this distinction is neutralized in the imperfective form, where all verbs are marked with replacive /M/ tone [Perekhvalskaya 2006: 305]; see section 4 for the discussion of replacive tones.

Table 1

Tone in some Mwan (Southern, Mande) verbs

Lexical	Imperfective
/H/ <i>kú</i> ‘grasp’	/M/ <i>kū</i>
/M/ <i>gɔ̃</i> ‘sell’	/M/ <i>gɔ̃</i>
/L/ <i>gb̃</i> ‘catch’	/M/ <i>gb̃</i>

² This definition covers the so called “morphosyntactic tone”, a term used by Palancar in his contribution, which I assume to be a prototypical example of inflectional tone. However, tones alternating in inflectional paradigms may also be unpredictable and inconsistent across lexemes and the forms of a given lexeme. Such tonal markers are sometimes referred to as “morphological”, as opposed to lexical or morphosyntactic; see section 5.

A prototypical inflectional tone should (a) be directly linked to a lexical stem rather than to a function word or an affix and (b) encode a meaning which is grammatical rather than lexical (for this type of content words). A deviating case is worth mentioning.³ One possibly controversial phenomenon is the tone that differentiates meanings of function words. Such tones may be linked to abstract meanings, but at the same time they may surface on function morphemes rather than lexical stems, which makes them diverge from the prototypical case.

In his morphological typology of inflectional tone, Palancar (pp. 112–113) discusses tone as a lexical property of grammatical markers (function words or affixal morphemes). He notes that “[i]n many tone languages with relatively complex inflectional morphology, tone may be simply a property of the lexical phonology of the inflectional affixes, just as it is associated with the phonology of other words with lexical content”. I will illustrate his point with an example from Aghem (Grassfields, Benue-Congo), where three prepositions contrast only in tone: *á* (locative, instrumental), *â* (recipient, benefactive), *à* (comitative).

AGHEM (Grassfields, Benue-Congo)

- (6) *á* *ndúghó*
 LOC house
 ‘in the house’

- (7) *â* *bvɛ́* *tɔ́*
 RECIP dogs DET
 ‘to the dogs’

- (8) *à* *bvɛ́* *tɔ́*
 COM dogs DET
 ‘with the dogs’ [Hyman 2010: 107]

It may be argued that in (6)–(8) H, HL, and L linked to the prepositions (a) are lexical, i.e. idiosyncratic properties of each preposition, or (b) are inflectional, i.e. encoding locative, recipient, and comitative meanings respectively. Because there is no regular pattern, e.g. L marking comitative on other parts of speech, lexical interpretation is preferable. Still, such cases are important, because function morphemes consisting of both segments and tones are a common source of inflectional tones, once segmental markers are lost; see 2.2 and 4.1. On the other hand, they are peripheral for a synchronic typology of inflectional tone, as long as segmental material is still present.

2.2. Cross-linguistic distribution of lexical and inflectional tones

Once we have defined lexical and inflectional tones and taken into account some problematic cases in 2.1, it is now possible to focus on the cross-linguistic distribution of lexical and grammatical tones. The following implicational hypothesis is suggested:

Hypothesis 1:

If a given language has inflectional tones, it also has lexical tones.

Languages with tone encoding lexical but not inflectional meanings are characteristic of South-east Asia. The reverse pattern, i.e. a language with exclusively inflectional tone, is not unknown either, e.g. Chimwiini (Bantu, Benue-Congo) as discussed by Hyman (p. 34). We can expect that the two types may be unequally distributed typologically, the former being more common than the latter, even with areal and genetic biases eliminated.

There are at least two possible sources of inflectional tones. First, as the contributors of “Tone and inflection” show in numerous cases (see papers by Vydrin, p. 92, Feist and Palancar, p. 292),

³ Lexical tones are not unproblematic either, e.g. there is a problem of choice between tonal vs. accentual analysis in languages with highly restricted prosodic systems, see [Hyman 2009]; this controversy is commonly discussed in tone literature, so I put it aside.

inflectional tones tend to originate from morphemes with both segmental and tonal exponents, once segments are lost and tone is preserved, e.g. article *-ò > suffix -L in Bamana (Manding, Mande). This means that such languages must employ tone for at least some function words or morphemes. Given that function words originate from content words, the latter must have lexical tone as well. Under this scenario, the emergence of inflectional tone implies that tone is — or was at some point — also employed for lexical roots. A language with exclusively inflectional tone is then possible if lexical tone was lost at some point.

Second, tone, be it lexical or inflectional, may appear *de novo* after the rephonologization of laryngeal articulation, e.g. “directly” from segmental /h/ or glottal stop [Kingston 2011; Hyman 2013]. Thus, a laryngeal affix may be transformed into a tonal marker in a language with no lexical tone whatsoever. However, tonal phonologization tends to be systematic, so it is likely to affect most — if not all — morphological exponents with relevant phonological properties. A purely inflectional tone is then expected in a language with segmental and/or positional asymmetries between roots and affixes, e.g. only affixal morphemes having prepausal /h/, which seems rather unlikely if not impossible.

The diachronic scenarios outlined above suggest that languages with tone encoding exclusively inflectional but not lexical meanings are possible, though the probability of such systems to appear is restricted to some very specific circumstances, e.g. when lexical tones have been lost for whatever reason. Hypothesis 1 is then expected to hold statistically rather than universally.

2.3. Formal properties of lexical and inflectional tones

Here I discuss formal properties of lexical and inflectional tones in languages where tone participates in both lexical and inflectional contrasts.

Hypothesis 2:

Inflectional tones should not be formally more complex than lexical tones.

Generally, root morphemes tend to have more complex phonological structure than affixal morphemes, e.g. the former are longer than the latter [Plungian 2003: 81; Haspelmath, Sims 2010: 19], hence we may expect that a similar difference exists between lexical and inflectional tones. Two more concrete hypotheses pertaining to paradigmatic and syntagmatic properties of tone can be tested:

Hypothesis 2a (paradigmatic):

In a given language, there should not be more level contrasts for inflectional tones than for lexical tones.

Hypothesis 2b (syntagmatic):

In a given language, sequences of tones encoding inflectional meanings should not be more complex than sequences encoding lexical meanings.⁴

It follows from Hypothesis 2a that we do not expect to find a three-way tonal contrast for grammatical tones, if there is just a binary distinction in lexical tones. Mande languages, having various types of lexical contrasts, provide a nice illustration of this hypothesis. Thus, in Mende (Southwestern, Mande), there is binary lexical H vs. L contrast, and there is replacive /L/ tonal morpheme marking possessed nouns and verbs in some TAM constructions [Innes 1971]. In Vai (Vai-Kono, Mande), there is also a binary lexical contrast, but both H and L function as grammatical tones marking the rightmost stem in compounds [Welmers 1976]. We do not expect to find

⁴ I ignore here the difference between phonologically simplex non-segmentable tonal contours, e.g. of Oto-Manguean type, and contours functioning as sequences of level tones of African type, covering both cases by Hypothesis 2b.

grammatical M tone in languages with lexical binary contrast, like Mende and Vai. At the same time, Mwan (Southern, Mande) does have replacive /M/ tone marking verbs in imperfective construction as shown in Table 1, but there is also a three-way distinction for lexical tones in Mwan [Perekhval'skaya 2006]. Hence, all the three languages adhere to Hypothesis 2a.⁵

Hypothesis 2b captures the idea that the linear structure of grammatical tonal morphemes is expected to be generally simpler than that of lexical tonal patterns. For example, in Guinean Kpelle (Southwestern, Mande), there are five major word-level tonal melodies: /H/, /LH/, /LHL/, /HL/, /L/. All of these melodies can be lexical, but only /LH/ and /L/ function as grammatical replacive markers as well [Konoshenko 2014b]. Similarly, we do not expect to find /LHL/ grammatical tone in a language with only /H/ and /LH/ lexical patterns.

It should be noted that it is quite common for lexical and grammatical tones to function differently in various subsystems of a given language. For example, in many Bantu languages tone is lexical for nouns and inflectional for verbs [Odden 1989; Marlo 2013; Marlo, Odden (to appear)], e.g. in Kikuria discussed in section 1. Another example comes from a New Guinean language Iau (Lakes Plain), where an inventory of eight tonal melodies behave as lexical in nouns, but as inflectional in verbs [Bateman 1990]. Still, we do not expect (verbal) inflectional tones to be paradigmatically and syntagmatically more complex than (nominal) lexical tones in such languages. Both Kikuria and Iau data do not contradict Hypotheses 2a and 2b.

Another common complication arises in cases when grammatically assigned melodies are different from lexical ones. For example, in Tommo So (Dogon), nouns have lexical /LH/, /H/, and /HL/ melodies replaced by grammatical /L/ in certain syntactic environments, e.g. before adjectives [McPherson 2014: 6]. However, Hypothesis 2a holds here, because the “independent” grammatical /L/ melody does not add new level contrasts, the H and L tonal elements being part of lexical melodies as well. Hypothesis 2b is also corroborated, since /L/ is a level melody as opposed to lexical /LH/ and /HL/ contours, so it is syntagmatically simpler.⁶

3. Inflectional and derivational tones

The distinction between inflection and derivation is a notorious issue in morphology, which is relevant for tonal morphemes no less than for segmental ones (but see [Spencer 2013] arguing against the general validity of this distinction). Nevertheless, I will not elaborate on this problem here, as I know of no evidence particularly relevant for differentiating between inflectional and derivational tone.

In section 3.1, I question if there may be any implicational relationship between inflectional and derivational use of tone in a given language and conclude that we don't expect any such correlation. In 3.2 the formal patterning of inflectional and derivational tones in morphological structure is considered.

⁵ There is, however, some evidence contradicting Hypothesis 2a. For example, in Fe'fe'-Bamileke (Grassfields, Benue-Congo), there is a L/M/H contrast, but H tones only result from grammatical processes, i.e. they are never lexical [Hyman 1972; p.c.]. The question is how common such systems are and whether they are genetically and/or areally biased, and I leave it for the future.

⁶ As pointed out by an anonymous reviewer, inflectional tones are expected to be simpler than lexical ones only if the former develop in a replacive or additive manner, i.e. if they either completely replace lexical tone or are additively combined with it, see also section 4.1. However, in some languages, e.g. in Shilluk (Nilotic), a process of fusion between lexical and grammatical tones must have operated, resulting in the complication of the tonal inventory. Thus, in Shilluk there is a three-way L/M/H level contrast as well as four falling contours — Low Fall, High Fall, Late Fall, and High Fall to Mid. The last two contours are only found in specific grammatical forms [Remijsen, Ayoker 2014; Remijsen 2016]. Similarly to the case of Fe'fe'-Bamileke (footnote 5), the question here is whether tonal compression is common enough to question the general validity of Hypotheses 2a and 2b. I expect the answer to be negative, but this has to be checked in the future.

3.1. Cross-linguistic distribution of inflectional and derivational tones

As I write in the introduction, inflectional tone is underrepresented in the typologists' agenda, but the situation is even worse for derivational tone and, indeed, for derivation in general as opposed to inflection [Lieber, Štekauer 2009]. Note that "Tone and inflection" specifically focuses on inflectional tone rather than on both types of grammatical tones. The typology of tonal derivation and its relationship with inflectional tone is yet another topic to pursue in the future.

The first question one is likely to address when studying derivational and inflectional tones is their distribution in a given language. Recall Greenberg's Universal 29: "If a language has inflection, it always has derivation" [Greenberg 1963: 93]. Does this hold for exclusively suprasegmental morphemes? For example, we know that there was tonal derivation but apparently no inflection in Classical Chinese [Downer 1959]. Or take the Mande family, where there seem to be languages with both inflectional and derivational tone, e.g. Guinean Kpelle (Southwestern), or just inflectional tone and no tonal derivation, e.g. Guinean Looma (Southwestern; Daria Mishchenko, p.c.). No systematic study has been carried out so far to establish the distribution of language types. A priori, there should be no reason for any correlation, because tonal morphemes evolve independently from inflectional and derivational segmental morphemes, hence a language which has developed inflectional but not derivational tone is not unexpected.

3.2. Inflectional and derivational tones in morphological structure

Hypothesis 3:

When both inflectional and derivational tones apply to the same word root, inflectional tones may override derivational tones, but not vice versa.

This subsection concerns the interaction of inflectional and derivational tone in morphological structure. For example, as Hyman (pp. 20—22) shows, despite some superficial differences, in both Dinka (Nilotic) and Hausa (Chadic) "inflectional tone overrides derivational tone which in turn overrides base tone". In Dinka, the derivation of the form *wēc* 'kick it hither' from the stem /wêc/ 'kick' proceeds as shown below [Andersen 1992—1994]:

(9) DINKA (Nilotic)

lexical /HL/ *wêc* → derivational /L/ *wēc* → inflectional /H/ *wēc*

In (9), the root /wêc/ with lexical /HL/ gets breathiness, long vowel, and /L/ under centripetal derivation, which is in turn replaced by /H/ marking 2SG subject of the imperative.

Interestingly, in Shilluk (Nilotic), which is closely related to Dinka, lexical and derivational layers remain distinct [Remijsen 2016]. Crucially, we do not expect to find a language where derivational tones suppress inflectional ones.

The dominance of inflectional over derivational tone is likely to be universal. It nicely parallels Bybee's Relevance Hierarchy devised for segmental marking: grammatical meanings which are more relevant to lexical meaning are encoded closer to the stem [Bybee 1985], cf. also Greenberg's Universal 28: "If both the derivation and inflection follow the root, or they both precede the root, the derivation is always between the root and the inflection" [Greenberg 1963: 93]; this generalization proved to be typologically very robust [Lieber, Štekauer 2009]. The only difference between segmental and tonal morphemes is that the former are arranged horizontally, whereas the latter are better modelled as vertically organized — hence Hyman's wording that "uppermost" morphological marking wins (p. 22).

4. The structure of grammatical tones

In this section, I discuss formal types of tonal morphemes, which are characteristic of both inflectional and derivational tones. In 4.1 the two basic types of tonal morphemes are introduced,

and their diachronic properties are highlighted. In 4.2 I consider the potentially asymmetric typological distribution of suffixal and prefixal tones.

4.1. Replacive and additive tones

There are two formal types of tonal morphemes — **replacive** [Welmers 1973: 132—133; McPherson 2014], see Feist and Palancar as well (p. 281), also labelled **suppletive** by Palancar (p. 115) or **melodic** in [Jenks, Rose 2015], and **additive**.

Replacive tone overwrites lexical tone either completely, i.e. it fully deletes lexical tone, see Table 1 from Mwan and (9) from Dinka, or partially, e.g. only deleting lexical tone on the first mora of the stem. For example, in Yoloxóchitl Mixtec (Mixtecan, Oto-Manguean), rising /14/ tone replaces the lexical tone on the first mora of the verb in negative irrealis: *choʔ³ma⁴ → cho¹⁴ma⁴* ‘squash’ (pp. 319—320). Additive tone is added to lexical tone either preceding or following it, cf. L tonal suffix marking nominal referentiality in Bamana (Manding, Mande; pp. 89—92).

Additive tones can usually be traced back to segmental markers rather easily, e.g. high toned diminutive suffix *-i > -H* in Cantonese [Hyman, Leben 2000: 589], referential article **-ò > -L* in Bamana (p. 92). The origin of replacive tones is usually more blurred, unless they are argued to originate from additive tones and ultimately from segmental markers, e.g. neutral aspect marker in Dan Gwætaa (Southern, Mande; p. 98) or aspectual markers in Cuicatec (Mixtecan, Oto-Manguean; p. 292).

4.2. Prefixal and suffixal tones

Hypothesis 4:

Additive tones are prefixal or suffixal.

This generalization was stated by Hyman and Leben: “there is apparently no known case of a tonal infix, say a L tone, which interrupts the lexical tones of the base to which it is attached. There also are no clear cases of tonal transfixes” [Hyman, Leben 2000: 590]. Hence, additive tones may only be either prefixal or suffixal.

Hypothesis 5:

Suffixal tones are more common than prefixal ones.

Segmental suffixal markers are more common than prefixal ones, e.g. Greenberg’s generalization, “[a]s between prefixing and suffixing, there is a general predominance of suffixing” [Greenberg 1963: 92]; see also [Himmelman 2014] for an up-to-date discussion of suffixing preference. Because tonal morphemes originate from segmental morphemes, we may expect that a similar distributional asymmetry may hold for additive tones.

5. Tones, segments and meaning

In section 5.1, I focus on the recurrent patterns of mapping between tone and meaning as suggested in Palancar’s morphological typology of tonal markers. Semantic asymmetries between tonal and segmental morphemes are introduced in 5.2.

5.1. Morphosyntactic and morphological tone

In Palancar’s contribution to “Tone and inflection”, a typology of mapping between tone and inflection is provided from a morphological perspective in the sense of [Aronoff 1994]; see also [Corbett 2012] for a similar distinction between morphological and morphosyntactic features. Palancar discusses three basic types of tone, which I summarize as follows:

- (a) LEXICAL tone is linked to a given lexical stem or a segmental grammatical marker. For each lexeme, there is a specific tone, which is phonologically unpredictable but consistently appearing on its forms encoding different meanings;
- (b) MORPHOSYNTACTIC tone is posited when there is a consistent mapping between tone and a specific grammatical meaning. For all lexemes, a form carrying a specific meaning must be marked by a specific tone, which is interpreted as being directly linked to this meaning, cf. imperfective tone in Mwan (Table 1);
- (c) MORPHOLOGICAL tone is postulated when there is no consistent mapping between tone and meaning. Various lexemes and, crucially, forms of those lexemes pattern differently in their tonal behavior, to the point that it is not possible to link their tone to a specific grammatical or lexical meaning.⁷

I will illustrate morphological tone with just one example from Palancar's paper (with simplifications, as I put aside stem alternations). Consider the paradigms of six verbs from Chichimec (Oto-Pamean, Oto-Manguen). For each verb, its stem tone is given in three TAM forms (present, future and potential) for 1SG and 2SG values.

Table 2

Verbal inflection in Chichimec

TAM	P/N	<i>pór</i> 'remove'	<i>ɔ̀r</i> 'appear'	<i>sá</i> 'win'	<i>ʔi</i> 'want'	<i>mé</i> 'defend'	<i>tsà</i> 'hurt'
Present	1SG	H	L	H	L	H	L
	2SG	H	L	L	L	H	L
Future	1SG	H	L	H	L	H	H
	2SG	H	L	L	H	L	L
Potential	1SG	H	L	H	H	L	L
	2SG	H	L	L	H	L	L

The tones of all the six verbs in Table 2 cannot be inferred from segmental structure. The tones of *pór* 'remove' and *ɔ̀r* 'appear' are consistent throughout the paradigm, hence they are interpreted as lexical for these verbs. The verb *sá* 'win' gets L in 2SG regardless of its TAM meaning, but this does not hold for the other three verbs with variable tone. The verb *ʔi* 'want' gets H in the potential form. The last two verbs *mé* 'defend' and *tsà* 'hurt' both get L in the potential form, but the tones in their present form are again different. Hence, for the four verbs with variable tone, there is no way to link any specific tone to any specific morphosyntactic meaning. The only recurrent pattern here is that their 1SG and 2SG forms should have different tones in the future.

In his paper, Palancar further distinguishes between various subtypes of morphological tone depending on the predictability of tone and segment patterning in the same paradigm. Unfortunately,

⁷ Although Palancar does not elaborate on this, one may wonder how these types relate to each other in theory and in reality. A common case is morphosyntactic tone marking a specific meaning combined with lexical tone elsewhere. The other two pairs are more problematic. One can think of morphological tone irregularly marking a set of paradigmatic cells with lexical tone appearing elsewhere. However, in a language where all or most tone marking is unpredictable, there will be no reasonable distinction between lexical, i.e. default, and morphological tone. The coexistence of morphosyntactic and morphological tone in the same language is also rather controversial. For example, in Kabiye (Gur, Atlantic-Congo) imperfective present and aorist are consistently marked by high tone, but the distribution of H and L is weakly predictable for other verbal meanings (pp. 117–120). Palancar notes that we could posit morphosyntactic high tone linked to imperfective present and aorist in Kabiye, but this does not explain why it also appears in other cells of the paradigm. Although a split interpretation with both morphosyntactic and morphological tones is possible, the author contends that tone in Kabiye is generally morphological. Accordingly, the answer to the question whether all the three types can coexist in the same language depends on how we treat cases like Kabiye.

he does not make any statements about the diachronic relationship between the proposed types and their areal distribution, not even within the Oto-Manguean family, which is the author's main focus. It seems that very complex systems with lexical idiosyncrasies in tonal inflection of the Chichimec type may be a genetic property of the Oto-Manguean family, since they are not commonly attested in other parts of the world. Still, to my knowledge, verbal inflection with moderately complex tonal classes is also typical of Southern Mande, Kwa, and Kru families in West Africa.

5.2. Semantics of tonal and segmental morphemes

In this subsection, I compare tonal and segmental markers occurring in the same paradigm.

Hypothesis 6:

Within a given paradigm with both tonal and segmental marking, typologically less marked features are encoded by tone.

The notion “typological markedness” refers to asymmetric relationships between two or more values of the same conceptual feature, e.g. singular and plural values of the number category [Croft 2003]. Less marked elements tend to be coded by zero or shorter morphemes, they have less syncretism in coding other categories than more marked elements do, e.g. English *he*, *she*, *it* vs. *they* with gender distinctions neutralized in the plural as opposed to singular pronouns [Croft 2003: 87 ff.].

To illustrate how tonal morphology may be related to markedness asymmetries, I will focus on person-number paradigms, more specifically on the asymmetry between singular and plural person markers. Cross-linguistically, singular markers show much less syncretism of person values, i.e. when the three person values (‘speaker’, ‘addressee’, and ‘other’) are marked by less than three different morphemes, cf. 9.5% languages with syncretism in the singular against 20.8% with syncretic plural marking [Cysouw 2009]. Singular forms are also much more textually frequent.⁸ Hence, it may be argued that singular forms are less marked than plural forms.

A recurrent pattern can be traced throughout “Tone and inflection”. When there is tonal marking of person, it is always in the singular. In Chimwiini (Bantu, Benue-Congo), subject person is encoded by verbal prefixes, but in the present and past tenses 2SG and 3SG subjects are differentiated by tone only (p. 34). In Zenzontepec Chatino (Zapotecan, Oto-Manguean), pronouns for all person-number categories are enclitics except for 2SG, which is realized by tone change on the basic stem (pp. 150—162). In Yoloxóchitl Mixtec (Mixtecan, Oto-Manguean), 1st person has four phonologically conditioned allomorphs, one of them is purely tonal (p. 312). In Amuzgo (Eastern, Oto-Manguean), all person values are marked by tone (2PL and 3PL are zero marked, as their tone is arguably lexical), but plural inflectional tones are much more regular and predictable than the singular ones (pp. 213—214). I can add another example to this collection — in all Southwestern Mande languages, there is a paradigm of person markers, where 1SG and 3SG meanings are marked by initial consonant alternation and a tonal prefix, cf. [Welmers 1973: 128—132].

I myself know of no language with tone marking person-number values in plural but not in singular. A typologically balanced survey will show whether this gap is accidental. For now, we can formulate a minor hypothesis for person marking:

Hypothesis 6a:

In a given language, if at least some plural person-number values are marked by tone, (at least some) singular person forms are also marked by tone.

If this asymmetry proves valid, the diachronic explanation behind it would be relatively straightforward. Singular person markers are more frequent, they tend to have less phonological material and are likely to undergo formal erosion faster than plural markers. One of the possible

⁸ For example, in spoken corpora of both American English and Russian, singular person markers are more than twice as frequent as plural ones (data from [COCA; RNC], accessed on November 12th, 2016).

outcomes of such erosion would be the loss of segments, whereby morphological markers could become only tonal.

6. Conclusion

Above I provided an up-to-date overview of tone in grammar. Benefiting from the discussion in the newly published volume “Tone and inflection”, I addressed the essential distinctions relevant to tone in grammar, i. e. the distinctions between lexical and grammatical tone, inflectional and derivational tone, additive and replacive tone, morphosyntactic and morphological tone. I then suggested that members of these pairs may show asymmetric properties in their typological patterning and formulated 6 implicational hypotheses, which should be tested in a balanced survey in the future.

As I have already said, the typology of tone in grammar should cover two aspects. On the one hand, general morphological predictions should be verified, and I have generally focused on this type of inquiries in my overview. On the other hand, some very specific properties of tone are to be investigated. For space limits, this topic is not covered in this paper, but many questions could in principle be put into our research agenda. How common are specific tones that only function as grammatical markers but do not participate in lexical contrasts, as H in Fe’Fe’ mentioned in footnote 5? How common are scalar tone shifts as discussed in [Fedotov 2016] for Gban (Southern, Mande) and in [Sande 2016] for Guébie (Kru)? Is there any relationship between the number of lexical contrasts and the preference of a language to have inflectional tones? For example, as shown in [Konoshenko 2014a] for Mande, languages with more complex contrasts have more tonal morphemes. The list of specific questions can be easily continued.

ABBREVIATIONS

1, 2, 3 — 1 st , 2 nd , 3 ^d person	L — low	RECIP — recipient
COM — comitative	LOC — locative	TAM — tense, aspect, mood
DET — determiner	M — mid	TNS — tense
FV — final vowel	NEG — negative	
H — high	IRR — irrealis	

REFERENCES

- Andersen 1992—1994 — Andersen T. Morphological stratification in Dinka: On the alternations of voice quality, vowel length and tone in the morphology of transitive verbal roots in a monosyllabic language. *Studies in African Linguistics*. 1992—1994. Vol. 23. No. 1. Pp. 1—63.
- Aronoff 1994 — Aronoff M. *Morphology by itself: Stems and inflectional classes*. Cambridge (MA): MIT Press, 1994.
- Bateman 1990 — Bateman J. Iau segmental and tonal phonology. *Miscellaneous Studies of Indonesian and Other Languages in Indonesia*. 1990. Vol. 10. Pp. 29—42.
- Bybee 1985 — Bybee J. *Morphology: A study of the relation between meaning and form*. Amsterdam: John Benjamins, 1985.
- COCA — *Corpus of Contemporary American English (COCA)*. Available at: <http://corpus.byu.edu/coca/>.
- Corbett 2007 — Corbett G. G. Canonical typology, suppletion and possible words. *Language*. 2007. Vol. 83. No. 1. Pp. 8—42.
- Corbett 2012 — Corbett G. G. *Features*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2012.
- Croft 2003 — Croft W. *Typology and universals*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003.
- Cysouw 2009 — Cysouw M. *The paradigmatic structure of person marking*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2009.
- Downer 1959 — Downer G. B. Derivation by tone-change in Classical Chinese. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1959. Vol. 22. No. 1/3. Pp. 258—290.
- Fedotov 2016 — Fedotov M. The Gban language. *Jazyki mira: Jazyki mande* [Languages of the world. The Mande languages]. Vydrin V. F., Mazurova Ju. X., Kibrik A. A., Markus E. X. (eds.). St. Petersburg: Nestor-Istoria, 2016.

- Goldsmith 1979 — Goldsmith J. A. *Autosegmental phonology*. New York: Garland, 1979.
- Greenberg 1963 — Greenberg J. H. Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements. *Universals of human language*. Greenberg J. H. (ed.). Cambridge (MA): MIT Press, 1963. Pp. 73—113.
- Haspelmath, Sims 2010 — Haspelmath M., Sims A. D. *Understanding morphology*. 2nd ed. London: Hodder Education, 2010.
- Himmelman 2014 — Himmelman N. P. Asymmetries in the prosodic phrasing of function words: Another look at the suffixing preference. *Language*. 2014. Vol. 90. No. 4. Pp. 927—960.
- Hyman 1972 — Hyman L. M. *A phonological study of Fe'fe'-Bamileke*. Los Angeles: Univ. of California, 1972.
- Hyman 2009 — Hyman L. M. How (not) to do phonological typology: The case of pitch-accent. *Language Sciences*. 2009. Vol. 31. No. 2—3. Pp. 213—238.
- Hyman 2010 — Hyman L. M. Focus marking in Aghem: Syntax or semantics? *The expression of information structure: A documentation of its diversity across Africa*. Fiedler I., Schwarz A. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2010. Pp. 95—116.
- Hyman 2011 — Hyman L. M. Tone: Is it different? *Handbook of phonological theory*. Goldsmith J. A., Riggle J., Yu A. C. L. (eds.). 2nd ed. London: Blackwell, 2011. Pp. 197—239.
- Hyman 2013 — Hyman L. M. Enlarging the scope of phonologization. *Origins of sound change: Approaches to phonologization*. Yu A. C. L. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. Pp. 3—28.
- Hyman, Leben 2000 — Hyman L. M., Leben W. R. Suprasegmental processes. *Handbook on inflection and word formation*. Booij G., Lehman Ch., Mugdan J. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2000. Pp. 587—594.
- Jenks, Rose 2015 — Jenks P., Rose Sh. Mobile object markers in Moro: The role of tone. *Language*. 2015. Vol. 92. No. 2. Pp. 269—307.
- Innes 1971 — Innes G. *A practical introduction to Mende*. London: SOAS, 1971.
- Kingston 2011 — Kingston J. Tonogenesis. *The Blackwell companion to phonology*. Van Oostendorp M., Ewen C. J., Hume E., Rice K. (eds.). London: Blackwell, 2011. Pp. 2304—2333.
- Konoshenko 2014a — Konoshenko M. B. Studying tonal complexity, with a special reference to Mande languages. *Language Documentation & Conservation*. 2014. Vol. 8. Pp. 563—586.
- Konoshenko 2014b — Konoshenko M. B. The syntax of tone in Guinean Kpelle. *Proceedings of the 40th annual meeting of the Berkeley Linguistics Society (BLS 40)*. Leung H. et al. (eds.). Berkeley (CA): Berkeley Linguistics Society, 2014. Pp. 233—252.
- Lieber 1992 — Lieber R. *Deconstructing morphology*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1992.
- Lieber, Štekauer 2009 — Lieber R., Štekauer P. Universals in derivation. *The Oxford handbook of derivational morphology*. Lieber R., Štekauer P. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2009. Pp. 777—786.
- Marlo 2013 — Marlo M. R. Verb tone in Bantu languages: Micro-typological patterns and research methods. *Africana Linguistica*. 2013. Vol. 19. Pp. 137—234.
- Marlo, Odden (to appear) — Marlo M. R., Odden D. Tone. To appear in *The Bantu languages*. Van de Velde M., Bostoen K. (eds.). 2nd ed. London: Routledge.
- Marlo et al. 2015 — Marlo M. R., Mwita L. Ch., Paster M. Problems in Kuria H tone assignment. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2015. Vol. 33. Pp. 251—265.
- McCarthy 1981 — McCarthy J. J. A prosodic theory of nonconcatenative morphology. *Linguistic Inquiry*. 1981. Vol. 12. No. 3. Pp. 373—418.
- McCarthy, Prince 1990 — McCarthy J. J., Prince A. Foot and word in Prosodic Morphology: The Arabic broken plural. *Natural Language and Linguistic Theory*. 1990. Vol. 8. No. 2. Pp. 209—283.
- McCarthy, Prince 1995 — McCarthy J. J., Prince A. Faithfulness and reduplicative identity. *Papers in Optimality Theory. University of Massachusetts Occasional Papers 18*. Beckman J., Dickey L. W., Urbanczyk S. (eds.). Amherst (MA): Graduate Linguistic Student Association, 1995. Pp. 249—384.
- McPherson 2014 — McPherson L. E. *Replacive grammatical tone in the Dogon languages*. PhD dissertation. Los Angeles: Univ. of California, 2014.
- Odden 1989 — Odden D. Predictable tone systems in Bantu. *Autosegmental studies on pitch accent systems*. Van der Hulst H., Smith N. (eds.). Dordrecht: Foris, 1989. Pp. 225—251.
- Perekhvalskaya 2006 — Perekhvalskaya E. V. Verbal morphonology of the Mwan language. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2006. Vol. 2. No. 2. St. Petersburg: Nauka. Pp. 296—322.
- Pike 1948 — Pike K. *Tone languages: A technique for determining the number and type of pitch contrasts in a language*. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1948.
- Plungian 2003 — Plungian V. A. *Obshchaya morfologiya: vvedenie v problematiku* [General morphology. Introduction to problematics]. 2nd ed. Moscow: Editorial URSS, 2003.

- Remijsen 2016 — Remijsen B. 2016. Tone. *Oxford Research Encyclopedia in Linguistics*. Available online at: <http://linguistics.oxfordre.com/view/10.1093/acrefore/9780199384655.001.0001/acrefore-9780199384655-e-109>.
- Remijsen, Ayoker 2014 — Remijsen B., Ayoker O. G. Contrastive tonal alignment in falling contours in Shiluk. *Phonology*. 2014. Vol. 31. No. 3. Pp. 435—462.
- RNC — *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.
- Sande 2016 — Sande H. Process morphology in a realizational theory. Paper presented at NELS 2016. Available at: http://linguistics.berkeley.edu/~hsande/documents/NELS_2016.pdf.
- Spencer 2013 — Spencer A. *Lexical relatedness*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2013.
- Welmers 1973 — Welmers W. E. *African language structures*. Berkeley: Univ. of California Press, 1973.
- Welmers 1976 — Welmers W. E. *A grammar of Vai*. Berkeley: Univ. of California Press, 1976.

Received/получено 03.01.2017

Accepted/принято 07.02.2017

МЕТОДЫ ОБНАРУЖЕНИЯ И ИСПРАВЛЕНИЯ ОПЕЧАТОК: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР

© 2017

Татьяна Олеговна Шаврина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, 101000, Российская Федерация; rybolos@gmail.com

В данной работе рассматривается развитие систем автоматического обнаружения и исправления опечаток и требования к таким системам на разных исторических этапах развития. Несмотря на то, что с 1960-х гг. качество исправления неуклонно растет, остаются актуальными основные технологические проблемы: обнаружение слов с опечатками и выбор оптимального кандидата на исправление. Детальный анализ контекстных признаков, таких как символический контекст, морфологические и синтаксические характеристики, для задач, требующих автоматической коррекции орфографии, может быть полезен для улучшения качества работы систем в сфере обеих проблем.

Ключевые слова: автоматическое исправление опечаток, исправление опечаток, исторический обзор, коррекция орфографии, нормализация текста, словарные опечатки

METHODS OF MISSPELLING DETECTION AND CORRECTION: A HISTORICAL OVERVIEW

Tatiana O. Shavrina

National Research University Higher School of Economics, Moscow, 101000, Russian Federation;
rybolos@gmail.com

This paper discusses the history of methods of automatic spelling correction and the requirements faced by systems implementing such methods at different historical stages. Despite the fact that, since 1960s, the quality of correction has been steadily increasing, two basic technological problems remain: detection of a misspelled word and selection of the optimal candidate for correction. A detailed analysis of contextual features (such as symbolic context, morphological and syntactic characteristics) for NLP-applications utilizing automatic spelling correction can be useful for further improvement of performance in both problematic areas.

Keywords: automatic spelling correction, historical overview, real-word errors, Russian spellchecking, spelling correction, text normalization

1. Вводные замечания

1.1. Проблематика дисциплины

Автоматическая коррекция орфографии — одна из самых сложных проблем в области автоматической обработки естественного языка (natural language processing). Универсального решения для нее до сих пор не существует, однако на протяжении всей своей истории коррекция орфографии отражала актуальные задачи прикладной лингвистики и вбирала в себя самые новые вычислительные методы.

Развитие этой дисциплины определяется двумя основными технологическими потребностями: 1) удобством дальнейшей автоматической обработки текста, подвергнувшегося корректуре (системы по извлечению фактов, оптимизация поисковой выдачи) и 2) удобством

набора для пользователя (мобильная коррекция орфографии, автоматическая проверка орфографии в текстовых редакторах). Так, в 1960-х гг. в инженерной среде возникла потребность в автоматической коррекции текстов, полученных после процедуры оптического распознавания (optical character recognition). Быстро получив подтверждение полезности такой обработки даже самыми простыми способами, исследователи стали применять автоматическую коррекцию орфографии уже для более широкого спектра задач, и к 1970-м гг. работы и по машинному переводу, и по определению авторства, и по исправлению машинного кода содержали в себе соответствующий модуль. К 1980-м гг. к ним добавились и такие задачи, как распознавание написанных от руки текстов, синтез речи. К этому времени первые коммерческие продукты для редактирования текстов (в частности, электронных писем) стали включать в себя полноценные модули проверки и исправления орфографии. За следующие 10 лет с появлением больших корпусов, доступных для обучения, системы по обработке текста на разных уровнях (морфологический и синтаксический парсинг, снятие семантической омонимии, извлечение мнений, фактов) включили в себя модуль исправления опечаток. К началу 2000-х гг. новая технологическая потребность, связанная с набором текста на мобильных устройствах и предсказывающим вводом текста, спровоцировала появление большого числа самостоятельных продуктов по коррекции орфографии. Современные модели, несомненно, сильно выигрывают по степени универсальности предлагаемых ими решений, так как обучены на значительно большем объеме данных, с более универсальным набором контекстных признаков и отбирают кандидатов на исправление, основываясь на вероятностных моделях, а не на правилах — однако для русского языка качество их работы еще во многом можно улучшить, особенно принимая во внимание растущее число текстов в социальных медиа (блогах, социальных сетях, форумах), далеких от нормативного языка.

Такие особенности этих текстов, как потенциально неограниченный круг создающих их пользователей, отсутствие проверки при наборе и его быстрота, зачастую ведут к следующим проблемам в ходе стандартной цепочки обработки текстов (краулер — токенизатор — морфоанализатор — лемматизатор — синтаксический анализатор — извлечение именованных сущностей и фактов¹):

- 1) неправильная расстановка дефисов и тире, а также неверная обработка сокращений приводят к ошибкам на стадии токенизации;
- 2) буквенные опечатки приводят к ошибкам при автоматическом морфологическом анализе (далее — морфоанализе) и лемматизации текста, а также к ошибкам при синтаксическом анализе, если в результате этих опечаток изменяется окончание слова;
- 3) неправильное использование заглавных букв препятствует автоматическому извлечению именованных сущностей и фактов.

Все ошибки типов 1—3 подпадают под определение опечатки, принятое в данной работе: **опечатка** — это любая ошибка набора в тексте, связанная с символами или написанием заглавных/строчных букв.

По отношению к опечаткам системы их автоматической обработки делятся на два типа: первые, программы обнаружения опечаток (spell-checkers), лишь обнаруживают опечатки и сообщают о них пользователю (автопроверка орфографии в браузерах или в текстовых редакторах, например «Microsoft Word»), а вторые, программы исправления опечаток (spell-suggestors), самостоятельно принимают решение об исправлении найденных ими ошибок (например, автоматическое исправление в поисковых запросах «Яндекса» [Байтин 2008] и «Google» [Norvig 2010]). Хотя системы второго типа являются логическим продолжением и развитием первых, между ними лежит фундаментальное отличие в сфере их применения: так, если программы обнаружения осуществляют интерактивную проверку набираемого текста и ориентированы на непосредственный контакт с пользователем, то системы исправления

¹ Подробнее об этапах автоматической обработки текста см. [Schäfer, Bildhauer 2013; McEnery, Hardie 2011].

осуществляют проверку и исправление опечаток без такого контакта. В рамках работы с текстовыми корпусами и Рунетом нам, конечно же, более интересен второй тип систем.

Автоматическая коррекция орфографии зачастую понимается более широко, и в расширенном понимании не только опечатки и ошибки подлежат автоматическому обнаружению и исправлению, но и, например, унифицируются различные типы кавычек и тире, происходит контекстное развертывание сокращений [Han et al. 2012], расстановка пробелов после знаков препинания, ликвидация последствий неправильной постановки дефисов и тех же пробелов и т. д. Такая универсальная коррекция используется при создании корпусов [Popescu, Vo 2014] и даже может встраиваться внутрь цепочки обработки текста: например, в работе [Han et al. 2012] описанный модуль применяется на этапе сразу после токенизации для исправления сленга и искажений типа *ууеееее*, то есть технологическая цепочка принимает вид «токенизация — коррекция — морфологический анализ». В работе [Шаврина, Сорокин 2015] соответствующая задача названа «расширенной лемматизацией».

подавляющее большинство моделей коррекции орфографии опираются на словари, содержащие списки всех нормативных словоформ. Вопросы использования словарей будут подробнее рассмотрены далее.

1.2. Принятая терминология

Все слова по отношению к словарю (здесь и далее под словарем понимается список словоформ языка, по выбору — с морфологическими характеристиками и леммами) делятся на следующие группы:

- 1) словарные — нормативные слова языка, входящие в словарь. При коррекции орфографии рассматриваются как основные кандидаты на исправление слова;
- 2) несловарные — слова, не входящие в словарь. Их подмножество составляют слова *out-of-vocabulary* (OOV) — принятый с начала 60-х гг. термин [Kukich 1992] для нормативного слова², по каким-либо причинам не включенного в словарь (сленг, неологизм, окказионализм и т. д.). Так, например, слово *привет* в любом словаре русского языка считается словарным, слова *пирвет* и *превед* будут считаться несловарными (см. [Ушаков] и др.), при этом *превед* можно отнести к словам *out-of-vocabulary*, так как это слово закрепилося и имеет собственную дистрибуцию, отличную от дистрибуции слова *привет*.

Слова, содержащие опечатки, не всегда оказываются несловарными. Часто (по оценкам [Peterson 1986] — от 2 до 16% всех случаев, по данным [Mitton 1987] — до 40%) опечатка ведет к тому, что графический вид слова изменяется от словарного к другому словарному.

(1) *Падал прошлогодний нег.*

Согласно работе [Kukich 1992], по отношению к словарю опечатки делятся на:

- 1) *non-word errors* (несловарные опечатки) — опечатки, приводящие графический вид слова к несловарной форме (*конец* — *кноец*; *лидер* — *дидер* и т. п.);
- 2) *real-word errors* (словарные опечатки) — опечатки, приводящие графический вид слова к другому словарному слову или другой форме того же слова (*орел* — *осел*; *спел* — *слеп* и т. п.).

Опечатки также принято [Damerau 1964; Левенштейн 1965] различать по форме: 1) замена (*конь* — *еонь*), 2) вставка (*конь* — *конгь*), 3) удаление (*конь* — *коь*), 4) перестановка (*конь* — *кноь*).

Как показывают результаты корпусных исследований [Han et al. 2012; Шаврина, Сорокин 2015], в зависимости от источника текстов разнится и доля, и распределение типов

² В данном случае под нормативностью не имеется в виду кодифицированность словоупотребления или его стилистическая оценка, речь идет только о включенности слова в стандартный уzus.

опечаток. Особо стоит отметить, что вопрос распределения опечаток по типам текстов прежде не рассматривался подробно — ошибки оптического распознавания символов и любой другой технической природы могут присутствовать даже у самых «надежных» в плане корректуры изданий. Машинные ошибки, в отличие от человеческих, редко бывают распределены случайным образом, а значит, представляют опасность для корпусных лингвистов, доверяющих результатам автоматической разметки материалов таких изданий без модуля коррекции. Наиболее значимые контекстные признаки для универсальной системы коррекции орфографии еще только предстоит выявить и изучить.

2. Ранние попытки автоматической коррекции

Как сообщает С. Осовцев [1999: 6], у московского библиофила В. Лаврова есть раритет: «Первый альманах», отпечатанный в Смоленске в 1930 г. На обложке размашистым почерком написано:

Просьба не замечать опечаток и не сердиться. А. Твардовский. 12.IX.30. Смоленск. Р. S. Господа читатели! О всех замеченных в данной статье опечатках просим сообщить в редакцию или автору. Вознаграждение гарантируется.

Со времен первопечатника Иоганна Гутенберга, который, к слову, и сделал первую задокументированную опечатку в истории (в 1460 г. в латинской грамматике «Католикон» вместо слова *quos* было напечатано *qnos*: к ошибке привела случайно перевернутая буква *u* [Шерих 2004]), появление опечаток в печатных изданиях и их последующее исправление в следующих выпусках стало привычным для читателей. Однако с ходом технического прогресса изменились и условия работы издателей и корректоров.

Первые попытки исправлять опечатки в тексте автоматически относятся к началу 1960-х гг. Эта задача решалась на втором поколении компьютеров, однако не то что исправить — найти опечатку оказалось труднее, чем ожидалось.

Решение оказалось тесно связано с качеством распознавания текста. Оптическое распознавание символов развивалось параллельно и не обладало требуемым уровнем качества — чем хуже оказывалось качество распознавания текста, тем ниже было и качество обнаружения ошибки [Hanson et al. 1976]. Ученые попали в ловушку: даже если бы на тот момент качество распознавания символов достигло 99-процентной точности (одна ошибка на 100 символов), то точность распознавания слов при этом не превысила бы 95-процентного потолка [Kukich 1992], если брать в расчет язык типа русского или английского, в которых средняя длина слова равна пяти буквам.

Постепенно появлялись первые интерфейсы для рукописного ввода текста, а также устройства для голосового ввода команд. Распознавание текста стало каждодневной реальностью, однако оно оставалось несамостоятельным без систем автоматической коррекции [Ibid.]. Программная проверка орфографии стала ключевой проблемой в большинстве актуальных задач, связанных с оцифрованными текстами, таких как машинный перевод, определение авторства, автоматическое исправление кода и др., важной частью архитектуры всевозможных программ для изучения языков, приложений с голосовым вводом и выводом. Будучи в положении ключевой дисциплины, проверка орфографии разделилась на два основных направления работы: обнаружение опечаток (error detection) и их автоматическое исправление (error correction). Исследователи фокусировались на трех основных группах проблем: 1) обнаружение несловарных опечаток (non-word error detection) — первые попытки решения относятся к 1970—1980-м гг.; 2) исправление опечаток в отдельных словах (isolated-word error correction) — с 1960-х гг. и 3) исправление опечаток в зависимости от контекста (context-dependent word correction) — с 1980-х гг.

Основным методом на начальном этапе вплоть до 80-х гг. был *n*-граммный метод: на некотором словаре или корпусе текстов считались вероятности буквенных *n*-грамм (обычно

2- или 3-буквенные), и несловарные слова исправлялись на словарные варианты согласно этим вероятностям и наименьшему расстоянию Левенштейна.

Со временем, применяя помимо *n*-граммных вероятностей позиционные правила (фонетические ограничения на начало слова, конец слова, сочетания согласных и гласных, характерные для каждого конкретного языка), исследователи смогли повысить точность исправления английских слов до 98% (на выборке из 8000 шестибуквенных слов, не связанных синтаксически; каждое из которых содержало одну ошибку [Hanson et al. 1976]).

В итоге к середине 1970-х гг. на рынке появились первые коммерческие системы, способные достаточно хорошо исправлять простые опечатки. Основной проблемой остались словарные опечатки и ошибки, неисправимые без учета контекста: примеры вида англ. *see you in five minuets* (букв. ‘увидимся через пять менуэтов’) регулярно просачивались в тексты. Многие редакторы считали, что использование программ для коррекции орфографии только увеличивает количество сбивающих с толку ошибок, ср. также цитату из письма Сергея Довлатова (как известно, в своих отпечатанных текстах писатель из принципа исправлял опечатки чернилами и приносил обратно издателю): «Гранки получил, спасибо. Заметил несколько мелких опечаток. Почти все они перешли из книжки “Компромисс”, которая в свою очередь — репринт с Гришиного альманаха. И какие-то две-три добавили вы сами. Но мама и Лена еще не читали. Они, я уверен, еще что-нибудь найдут» (из письма к Игорю Ефимову, 17 августа 1984 г.).

Так или иначе, даже освободившись от проблемы оцифровки текста, автоматическая коррекция не приобрела статуса «панацеи корректора».

3. От системы правил к машинному обучению

Исследование *n*-граммных буквенных моделей продолжалось и после 1970-х гг., но привело исследователей в тупик: заманчивая идея, что можно построить биграммную или триграммную модель языка, добавить ограничения на структуру слога, начало и конец слова и отказаться от использования словаря, привела к тому, что вместо обнаружения ошибок такие алгоритмы плодили новые опечатки. С тех пор большинство методов автоматической коррекции орфографии основываются на использовании словарей. Точку в вопросе эффективности символьных *n*-грамм для обнаружения опечаток поставила работа [Zamora et al. 1981]: на большом корпусе опечаток была построена отдельная языковая модель и было доказано, что значимой статистической разницы между триграммами нормативных слов и опечаток нет.

Новая методика, однако, принесла и новые сложности — ученые попали в положение, при котором сложности создавала уже не модель, но словарь: оказалось неясным, способна ли простая сверка со словарем решить проблемы обнаружения слов с опечатками (error detection). Дополнительной задачей оказалась оценка требуемого объема лексикона: как правило, большое количество слов на конце частотного списка составляли длинный «хвост», который существенно усложнял выбор правильного кандидата на исправление опечатки. Так, по результатам исследования [Peterson 1986] при объеме словаря больше 350000 слов каждая сотая опечатка совпадает со словарным словом, поэтому не может быть обнаружена простым сравнением со словарем. С увеличением объема словаря количество таких ошибок вырастает до 16%. К 1990-м гг. исследователи стали придерживаться мнения, что для словаря должен содержать только самые частотные лексемы.

В [Kukich 1992] выделено три типа опечаток: 1) типографские (вызванные близостью клавиш друг к другу); 2) фонетические (омофоны); 3) когнитивные (чаще всего в этот тип попадают паронимы). Впрочем, проблемы классификации опечаток отходят на второй план, когда есть несовершенства в системе их поиска и выбора кандидата на исправление. В конце 1980-х гг. доминирующими в рассматриваемом направлении окончательно стали вероятностные методы. В период 1980—1990-х гг. обычно все типы ошибок обрабатывают одинаково, основываясь на одной вероятностной модели; исключением можно назвать работу

[Toutanova, Moore 2002], где строится две модели поиска кандидатов — для типографских и фонетических опечаток.

Во-первых, буквенные n-граммы, показывавшие неплохое качество исправления опечаток (но не их обнаружения), стали зачастую дополняться моделями, учитывающими в том или ином виде ошибки (учитывались вероятности различных перестановок, замен, вставок и удалений, иногда в зависимости от контекста). Во-вторых, лучшие кандидаты на исправление (обычно использовалось расстояние Левенштейна не более 3) начали выбирать, используя скрытые марковские модели [Oshika et al. 1988]. Для обучения и получения вероятностей слов и n-грамм использовалось обычно два разных корпуса: корпус обычных текстов (для обучения n-граммной модели, language model) и корпус слов с опечатками (для настройки модели опечаток, error model).

Полученные в результате модели оказались достаточно плодотворными и стали применяться и для других целей: так, в работе [Oshika et al. 1988] при помощи скрытой марковской модели удалось создать классификатор имен собственных для пяти языков, см. также работу [Hanson et al. 1976]. Проверка орфографии снова стала смежной задачей с оптическим распознаванием образов, существенно повысив его качество.

В 1980-х гг. для исправления опечаток впервые, и весьма успешно, были использованы нейронные сети, обученные с помощью метода обратного распространения ошибки (backward propagation) [Rumelhart et al. 1986]. Их стали применять для ранжирования кандидатов — и в 1986 г. при помощи метода обратного распространения ошибки была успешно обучена трехуровневая сеть. Этот метод дал возможность разработчикам нейронных сетей выбрать набор признаков и их весов, позволяющий определить наиболее правильного кандидата. Обучение производилось на корпусе с ошибками и их исправлениями. Успешное применение нейронных сетей придало импульс их использованию и в других областях прикладной лингвистики, и их стали использовать для распознавания написанных от руки текстов [Burr 1987], для любого вида оптического распознавания символов, а также для синтеза речи [Kukich 1990] и даже автокоррекции адресов на почте [Gerشو, Reiter 1990].

К началу 1990-х гг. ученые пришли к следующим важным выводам [Deffner et al. 1990]:

- 1) нейросети, обученные на корпусе без опечаток, обучались хуже, чем нейросети, обученные на корпусах, содержащих опечатки;
- 2) при увеличении количества скрытых уровней нейросети качество обучения неизменно растет вплоть до 183 уровней. При большем числе уровней качество падает;
- 3) качество коррекции орфографии возрастает, если в числе прочих признаков добавить морфологическую и семантическую информацию.

4. Переход к контекстным моделям

К концу 1980-х — началу 1990-х гг. программы коррекции орфографии были по-прежнему далеки от идеала. Хотя алгоритмы исправления изолированных слов (isolated-word correction) успешно развивались, ни одна программа не отвечала следующим критериям:

- 1) большое лексическое покрытие (более 100 000 лексем);
- 2) независимость качества исправления от длины слова (для коротких слов больше словарных кандидатов);
- 3) высокая скорость работы и возможность онлайн-исправления;
- 4) способность успешно выбирать между несколькими кандидатами на исправление.

В статье [Kukich 1992] приводится таблица точности (ассигасу) разных методик коррекции орфографии на состояние начала 1990-х гг. — не все из них напрямую сравнимы, однако их все возможно было протестировать на одних и тех же выборках.

Таблица 1

**Аккуратность некоторых контекстно-независимых методов
исправления слов по работе [Kukich 1992]**

Метод	521-словная тестовая выборка	1142-словная тестовая выборка	1872-словная тестовая выборка
Minimum Edit Distance <i>grope</i>	64%	62%	60%
Similarity Key <i>Bocast Token Reconstruction</i>	80%	78%	75%
Simple N-gram Vector Distance <i>Dot Product</i>	58%	54%	52%
<i>Hamming Distance</i>	69%	68%	67%
<i>Cosine Distance</i>	76%	75%	74%
SVD N-gram Vector Distance <i>Cosine Distance</i>	81%	76%	74%
Probabilistic <i>Kernighan-Church-Gale Error Probs</i>	—	78%	—
Neural Net <i>Back-Propagation Classifier</i>	75%	75%	—

Ни один из методов не дал качества выше 81%. Для тестовой выборки подбирались предложения как с опечатками, сгенерированными при оптическом распознавании, так и допущенными людьми. Стоит отметить, что большинство представленных систем делают качественный рывок (более чем на 10%), если для исправления брать не только самого вероятного кандидата, но множество из трех наиболее вероятных вариантов. В этом случае достижима точность выше 90%. Эти результаты показали необходимость улучшения вероятностной модели отбора кандидата. Также очевидно, что это невозможно без применения контекстных методов.

Другой сложной задачей, существенно продвинувшей вперед развитие исправления опечаток, стало исправление так называемых *real-word errors*. Рассмотрим подробнее природу подобных ошибок. Согласно [Kukich 1992], часть из них происходит из-за тех же неточностей набора, что и обычные опечатки (например, *from* → *form*), другая часть определяется фонетическими или когнитивными закономерностями (например, *your* → *you're*); оставшаяся же относится к морфологическим, синтаксическим и семантическим ошибкам (уже рассмотренные примеры типа *see you in five minuets*, неправильные личные окончания и т. д.). Заметим, что в этой классификации отсутствуют еще два типа: опечатки, вызванные неправильной постановкой пробела или дефиса (*myself* → *my self*, *nineteen ninety-nine* → *nineteen-ninety-nine*), а также контекстные ошибки, состоящие в пропуске слова. От того, к какому типу относится большая часть неохваченных опечаток в выборке, зависит и то, какой контекстный метод будет наиболее эффективен.

Для обнаружения и исправления всех указанных типов ошибок может оказаться полезной контекстная информация, однако в разных случаях требуется разный контекст (морфологический, синтаксический, семантический и т. д.). В языках со строгим порядком слов (а вся индустрия коррекции орфографии, безусловно, англоцентрична) наиболее эффективными показали себя n-граммы словоформ (далее под «n-граммами» мы будем подразумевать

только их, если не оговорено иное) и частей речи, однако в случае с русским языком таких сведений явно недостаточно, и нередко добавляют информацию, полученную из синтаксической разметки (см. об этом подробнее в разделе 6).

К началу 90-х гг. качественная контекстная проверка орфографии оставалась недостижимой целью даже для английского языка. Однако, как это часто бывает в прикладной лингвистике, к улучшению привел прорыв в соседней области — в это время для автоматического синтаксического разбора стали использоваться не только системы правил, но и «релаксационный подход» (relaxation-based approach) [Kukich 1992]: многие ранние NLP-системы опирались на строгий набор синтаксических правил и потому часто выходили из строя при их нарушении; в relaxation-based методах при ошибках парсинга проверяется, может ли игнорирование того или иного нарушенного правила привести к успешному разбору. Информация о синтаксических связях и их нарушении оказалась полезной и для исправления опечаток [Deffner et al. 1990].

Так, две системы IBM EPISTLE и CRITIQUE [Heidorn et al. 1982; Richardson, Braden-Harder 1988], построенные для английского языка и использующие при исправлении опечаток гипотетическое синтаксическое дерево, а также аналогичная система для нидерландского [Kempen, Vosse 1990] показали неплохие результаты на достаточно «грязном» тексте (86% точности на обычных наборных текстах и 46% точности на узкопрофильных текстах с профессионализмами). Обе системы были построены на наборе синтаксических правил, предлагая наиболее вероятного кандидата в случае их нарушения, то есть исправляли как несловарные, так и словарные ошибки, однако последние — в пределах грамматики (ошибки согласования, управления и неверное словоизменение). Набор из 300 правил позволял исправлять ошибки даже в тех случаях, когда расстояние Левенштейна между кандидатом и исходным словом было велико.

Система для нидерландского языка использовала фонетические триграммы и их вероятности, а также набор из 500 синтаксических правил, применяемых, однако, не к целым предложениям, а в основном к входящим в них клаузам. Похожая схема обработки (препроцессинг: токенизация, морфологический анализ — синтаксический анализ: поиск ошибок — ресинтез текста на основе правил) использовалась и в некоторых коммерческих системах [Van Berkel, DeSmedt 1988].

Еще более успешным оказался развившийся в то же время статистический подход, основанный на *n*-граммных языковых моделях (language models). При его применении учитывались вероятности вхождения слова в зависимости от *n* предыдущих слов. В основном в работах 1990-х гг. использовалась следующая контекстная информация (часто разные источники информации комбинировались):

- 1) триграммы по словоформам (какое наиболее вероятное продолжение фразы *Шел проливной...?*);
- 2) триграммы по частям речи (что чаще всего идет после существительного/местоимения в дательном падеже и модального глагола?);
- 3) степень лексической сочетаемости между словами, стоящими недалеко друг от друга, прежде всего меры сходства между соответствующими им векторами в vector space model (косинусное сходство, коэффициент Отиаи).

Стоит отметить, что данные методы активно применялись не только для исправления орфографии, но и для распознавания текста [Bahl et al. 1989; Jelinek et al. 1991], извлечения фактов [Choueka 1988], генерации текста [Smadja 1991], синтаксического парсинга [Church 1988], машинного перевода [Brown et al. 1990] и снятия семантической неоднозначности [Brown et al. 1990]. Применение статистических методов было бы невозможным без значительного роста вычислительных мощностей, который позволил использовать как большие наборы данных, так и более сложные вычислительные алгоритмы. Так, частоты для статистических моделей таких систем определялись по «большим корпусам» (big corpora) объемом не менее 10 млн слов.

Однако, вследствие закона Ципфа [Zipf 1949], если все слова корпуса упорядочить по убыванию их частоты, то частота n -го слова в таком списке окажется приблизительно обратно пропорциональной его порядковому номеру n (так называемому рангу этого слова). Каким бы большим ни был корпус, подавляющее большинство самых редких слов и тем более n -грамм встретятся в нем всего один раз, то есть по ним нельзя будет получить достоверных частот. В дальнейшем для обхода этой проблемы зачастую использовали униграммные и биграммные модели дополнительно к триграммам, а также использовали сглаживание (чаще всего для n -грамм, не встретившихся по корпусу, вероятность искусственно делают ненулевой, но очень маленькой). Более подробно данная проблематика разрабатывалась в исследованиях по статистическим языковым моделям [Chen, Goodman 1998].

Одной из самых удачных коммерческих систем конца 1980-х гг. можно считать программу CLAWS (Constituent Likelihood Automatic Word-tagging System) [Garside et al. 1987], успешно совмещавшую три подхода: словарный, морфологический и синтаксический. Для вычисления вероятностей как морфологических триграмм, так и синтаксических биграмм, использовался тщательно размеченный вручную корпус объемом в 1 млн словоформ. Каждое словарное слово получало разметку двух уровней — морфологическую на основе словаря и синтаксическую на основе биграмм, а каждое несловарное слово — морфологическую и синтаксическую на основе n -грамм. Если каких-то n -грамм было недостаточно для точного определения морфологической метки, то модели дополняли одна другую, и недостающая метка определялась по имеющимся данным — либо морфологическим, либо синтаксическим. Точность приписывания метки, на котором основывается повторный синтез текста, доходила до 96%.

Данная модель потенциально позволяла исправлять 1) несловарные опечатки, 2) словарные опечатки в неправильных синтаксических контекстах, будь то локальных или глобальных, 3) словарные опечатки в правильных синтаксических контекстах, но неправильных семантически, и достигала точности свыше 90%, однако полнота оставалась низкой (максимум 47%) [Garside et al. 1987].

И хотя статистические модели были еще несовершенны (вспомним известный пример с переводом документации Microsoft для драйвера мыши Windows95, которую переводчик «Poliglossum» с медицинским, коммерческим и юридическим словарем превращал в «Гуртовщика мыши»: *Если вы пользователь Microsoft мыши посетите Microsoft Служу Паутины, где в особом подвале вы сможете опустить-загрузить самого текущего гуртовщика Microsoft мыши*), их применение стало настоящим прорывом, подняв точность до недостижимых ранее показателей и существенным образом повлияв на развитие науки и индустрии в области исправления опечаток.

5. Актуальное состояние индустрии

С середины 2000-х гг. автоматическое исправление опечаток вступило в новую эру. Во-первых, изменились к лучшему возможности обучения моделей, так как стало доступным использование больших корпусов (одним из первых исследователей стал доступен [BNC], содержащий более 100 млн слов), а во-вторых, продукты по исправлению опечаток стали гораздо более востребованы на массовом рынке: с распространением персональных компьютеров у каждого пользователя появилась как минимум одна мультязычная программа такого рода — это или модуль коррекции орфографии в «Microsoft Word», или свободно распространяемые «aspell» и «ispell», используемые в UNIX-системах. С недавних пор для русского языка доступен и продукт «Яндекса», разработанный с учетом специфики русского языка — «yspell». Такие программы рассчитаны, прежде всего, на обнаружение опечаток, тогда как автоматическое исправление осуществляется в основном в веб-интерфейсах: обработка поисковых запросов у «Яндекса» [Байтин 2008] и «Google» [Norvig 2010] обязательно включает в себя орфографическую коррекцию.

Ниже приводится таблица 2 с оценкой полноты таких систем на тестовом корпусе в 1000 вхождений по материалам из «Живого Журнала» [Шаврина, Сорокин 2015: 9].

Таблица 2

Полнота исправления опечаток на корпусном материале

Программа	yspell	aspell	Google	MS Word 2007	GICR lemming	Яндекс
Полнота на тестовом корпусе опечаток	0,862	0,694	0,765	0,709	0,748	0,829

Как видно из таблицы 2, для русского языка все эти системы не предоставляют достаточной полноты (хотя бы 90%).

К концу 2000-х гг. немалые усилия в индустрии проверки и коррекции текста были направлены на развитие мобильной отрасли: популярный сегодня способ коммуникации при помощи чатов и SMS оказался весьма неудобным без автоматической корректуры — набор текста на маленькой клавиатуре приводит к тому, что даже самые аккуратные и неторопливые пользователи должны проявлять особое внимание для точного выражения своей мысли. Самыми известными в этой сфере системами стали T9 (от англ. Text on 9 keys), «ITap» и «Swype».

Первенство в сфере мобильного набора текста принадлежит T9 компании «Tegic Communications», выпустившей первый телефон с функцией предугадывания и исправления набора уже в 1999 г., однако программе-первопроходцу пришлось пройти через этапы совершенствования, чтобы достичь результатов, воспринимаемых сегодня как данность. Так, первые версии T9 не могли приспособиться под нужды пользователя, а также не умели исправлять склейки слов из-за пропущенного пробела. Предугадывание слов происходило не лучшим образом: предлагались слова-кандидаты только той длины, что уже была набрана. Ошибки, изменявшие длину целевого слова, были неисправимы.

Программы «Swype» от «Nuance» и «ITap» от «Motorola» более успешно решали проблему длины слова и сегментации: эти приложения были разработаны для телефонов с сенсорным экраном и рассчитаны на другой тип ввода — пользователю необходимо выбирать участок на экранной клавиатуре при помощи стилуса или пальца. Быстрый неотрывный ввод текста и полное доверие пользователя программе коррекции орфографии можно назвать новой целью программ такого рода: первым серьезным успехом такого рода можно назвать рекорд Гиннеса 2014 г. по самому быстрому набору текста, поставленный при помощи «Fleksy Keyboard»³.

На сегодняшний момент сформирован рынок программ, отвечающих за предсказывающий ввод текста: существует масса систем ускоренного ввода текста в цифровые устройства, где программное обеспечение в процессе набора предлагает варианты окончания слов и фраз, основываясь на словаре, а также может предлагать исправлять распространенные ошибки. Однако для русского языка существенным минусом оказывается неспособность существующих алгоритмов справиться с развитой морфологией — как минимум угадать верный падеж оказывается «дорогой» для реализации задач. Стоит заметить, что для языков с агглютинативными чертами, таких как немецкий, в поздних версиях системы T9 предусмотрено деление слова на квазиморфемы, которые пользователь может набирать последовательно.

Технические детали и способы обучения, использовавшиеся в этих программах, представляют коммерческую тайну и не опубликованы, но можно предположить, что широко использовались как символьные n-граммы, так и n-граммы по словоформам, а в случае новейших версий этих программ, очевидно, и частеречная разметка, так как все эти системы

³ Фраза *The razor-toothed piranhas of the genera Serrasalmus and Pygocentrus are the most ferocious freshwater fish in the world. In reality they seldom attack a human* была набрана за 18 секунд при средней объявленной разработчиками скорости на «Swype» в 30—40 слов в минуту. Более подробно см. электронный ресурс: <http://www.guinnessworldrecords.com/news/2014/5/fastest-touch-screen-text-message-record-officially-broken-with-fleksy-keyboard-57380/>.

поддерживают предсказывающее дописывание фраз и угадывание целевого слова по нескольким набранным буквам и предыдущему контексту. Новейшие программы, такие как недавно (в конце 2015 г.) вышедшая «Яндекс-клавиатура»⁴, в общем отвечают следующим требованиям мобильного рынка: 1) большой словарь, 2) способность к обучению под пользователя: добавление новых слов, учет набранного текста, 3) учет контекста, 4) предложение продолжения фразы, 5) автоматическое переключение между языками (первая программа такого рода для русского языка — «Punto Switcher», появившаяся в 2001 г.⁵).

6. Контекстные методы, применимые для русского языка

Русский язык обладает рядом фонетических и морфонологических особенностей, представляющих интерес для занимающегося обработкой естественного языка исследователя, таких как небольшое количество склонений и развитая суффиксация, а также нестрогий порядок слов. Все это позволяет использовать различную информацию о контексте как при обнаружении опечаток, так и при их исправлении. Разберем более подробно, какую информацию для ранжирования кандидатов на исправление возможно использовать, когда опечатка уже найдена.

1. Фонетический контекст — характерно ли сочетание звуков в слове для данного языка. Сюда же относится информация о структуре слога. Обычно такая информация кодируется либо правилами, либо символьными n-граммами.

2. Морфологический контекст — характерна ли для языка наблюдаемая последовательность морфологических категорий, присутствует ли графическое выражение согласования и управления.

3. Синтаксический контекст — сведения о линейной последовательности синтаксических отношений используют для ранжирования кандидатов, что крайне важно для русского языка, где синтаксис не только позволяет выбрать правильного кандидата на исправление среди конкурирующих форм внутри парадигмы (3), но и дает существенное преимущество при обнаружении опечаток в некоторых моделях, построенных на принципе, при котором потенциально каждое слово может быть источником ошибки.

(3) *Велел проверить уроки* → *Велел проверить урок* или *Велел проверить уроки*.

4. Семантический контекст — сведения о сочетаемости слов друг с другом, общности их тематики, стилистические особенности. Используются, как правило, модели из дистрибутивной семантики, векторные модели и более простые методы нахождения частоты совместной встречаемости отдельных словоформ. При использовании принципа «каждое слово — потенциальный источник ошибки» такие контексты также способствуют не только правильному ранжированию кандидатов, но и обнаружению real-word ошибок (4).

(4) *Шел проливной вождь* → *Шел проливной дождь*.

Как будет видно из таблиц 3 и 4 в разделе 6.3, языковые модели, построенные на словоформах и частях речи, крайне полезны для работы системы, однако n-граммы по словоформам оказываются очень чувствительны к стилистическим и жанровым особенностям текста: если источник, из которого получены частоты совместной встречаемости, сильно отличается от материала, на котором модель будет работать, качество исправления падает.

6.1. Специфика электронных текстов

При подготовке системы автоматического корректора орфографии, применяемого на электронных текстах, важны следующие факторы:

⁴ Электронный ресурс: <https://yandex.ru/blog/company/klaviatura-na-vse-sluchai-zhizni>.

⁵ Электронный ресурс: <https://yandex.ru/blog/company/39620/>.

1. Если определение опечаток производится с опорой на словарь, то необходимо предусмотреть обработку несловарных вхождений, которыми чрезвычайно богаты тексты блогов и полный список которых невозможно учесть в словаре: топонимы, имена собственные, редкие фамилии, аббревиатуры и пр. В идеальной ситуации правильно создавать специальный газетир (gazetteer, инструмент, помогающий обнаружить имена собственные и объединяющий многословные имена собственные в цельную единицу на основании словарей и правил).

2. Большая часть отклонений от словаря носит системный характер — типичные опечатки и орфографические ошибки хорошо описываются правилами. Для исправления орфографии в тексте на русском языке зачастую (например, при исправлении поисковых запросов⁶) первичное внимание уделяют правилам проверки безударных гласных и сочетаний согласных (*яблоко* → *ябло*, *лесница* → *лестница*). Такой модуль проверки несловарного слова обычно включается в систему ранжирования кандидатов и дает преимущество словарному кандидату, выводимому из наблюдаемого слова в соответствии с правилами. То же справедливо и для клавиатурных опечаток, однако количество правил, описывающих близость клавиш друг к другу, чрезмерно велико, поэтому для задания вероятностей символьных замен используют матрицу весов, определяемую эмпирически (при таком подходе опечатка *скажка* → *сказка* вероятнее, чем *скажка* → *скалка*, хотя расстояние Левенштейна в обоих случаях одинаковое).

Особенно хотелось бы отметить ошибки оптического распознавания в случае оцифрованных текстов: они также могут быть описаны корпусом правил, однако стоит учитывать изменение орфографической нормы с течением времени, см. пример из [Беликов 2006: 45—46]:

(5) Бумажное издание 1937 г.	ФЭБ, 2006 г.
а. <i>С кого начнет он? Всѣ равно;</i>	<i>С кого начнет он? Все равно;</i>
б. <i>В большом рассеяньѣ взглянул,</i>	<i>В большом рассеяньѣ взглянул,</i>
в. <i>Ревнивый шопот модных жен</i>	<i>Ревнивый шепот модных жен</i>
г. <i>И к шутке, с желчью пополам,
И злости мрачных эпиграм.</i>	<i>И к шутке с желчью пополам
И злости мрачных эпиграмм.</i>

При обучении на выборке возникает следующая дилемма: используя обучение с учителем, исследователь вряд ли сможет получить достаточную по объему выборку (например, в несколько миллионов слов), так как ручная разметка такого количества ошибок требует временных и материальных затрат, а качество свободно распространяемых программ исправления ошибок для этого будет явно недостаточным. Однако для применения контекстных методов зачастую требуется информация, которую можно получить и на неразмеченном корпусе: частотность словоформ, их сочетаемость и т. д., что позволяет применить в данном случае обучение без учителя.

Стоит обратить внимание и на другую проблему: исследователь, взявший большую выборку для обучения (например, несколько миллионов предложений), не застрахован от того, что получит непригодную для интерпретирования результатов выборку, не сбалансированную по таким важным параметрам, как тематика текстов, их происхождение, возраст и социальное положение автора. Это означает, что распределение опечаток в обучающей выборке и «типичных» интернет-текстах, к которым предполагается применять программу коррекции орфографии, не будет совпадать, что приведет, например, к неправильному выбору словарных кандидатов.

⁶ См. о практике компании «Яндекс»: https://yandex.ru/company/press_releases/1998/01-01_00.

6.2. Использование информации о различных уровнях языка

При создании модели исправления опечаток возможно использование различной языковой информации, которую можно разделить на два типа: 1) применяемая при порождении, притом необязательно контекстная; 2) применяемая при ранжировании отобранных кандидатов, зачастую опирающаяся на контекст.

Информация, используемая при генерации кандидатов, в общем случае может быть а) фонетической — примером такого подхода служит алгоритм «Metaphone» [Philips 2000] для английского языка; аналогичный алгоритм для русского языка был впервые применен в [Sorokin, Shavrina 2016]; б) основанной на расстоянии Левенштейна — поиск происходит по словарным вхождениям на определенном расстоянии, на этом принципе основывается большинство программ коррекции орфографии для русского языка; в) основанной на клавиатурной близости или вручную написанных правилах — поиск по словарю осуществляется по некоторым заранее написанным правилам, способным исправлять частотные ошибки (коррекция орфографии запросов в «Яндексе»).

Информация, применяемая при ранжировании кандидатов, часто бывает а) морфологической — используются частеречные n-граммы, а также n-граммы с полной морфологической информацией (можно предполагать, что так действует «MS Word»), а также «yspell», «aspell» и «uspell»; б) синтаксической — таким образом при построении синтаксического дерева некоторые опечатки исправляет система «Abbyu compreno»⁷; в) семантической — для русского языка таких систем пока нет за исключением попыток в [Sorokin, Shavrina 2016], для английского языка первой была работа [Budanitsky, Hirst 2006] (для поиска словарных опечаток использовался «WordNet» [Fellbaum 1998]), позже подход был развит в [Schaback, Li 2007; Flor 2012], где статистическая информация о совместной встречаемости извлекалась из большого корпуса. В качестве меры близости использовалась позитивная нормализованная поточечная взаимная информация (PNPMI). В задачах выбора оптимального кандидата при поисковых запросах используется также статистика кликовых данных и история запросов пользователей [Иванов 2016].

6.3. SpellRuEval — первое соревнование по автоматическому исправлению опечаток в русских текстах

Автоматическая нормализация «грязных» текстов и коррекция орфографии в масштабе международных соревнований стали привлекать заслуженное внимание только в последнее десятилетие: это прежде всего первые соревнования «Helping Our Own» (HOO) 2011 и 2012 гг. [Dale, Kilgarriff 2011; Dale et al. 2012], а также «Microsoft Spelling Alteration Workshop» [Lueck 2011] для английского языка и «QALB» для арабского языка [Mohit et al. 2014; Rozovskaya et al. 2015].

На материале русского языка испытаний такого рода не проводилось до 2016 г., когда в рамках конференции «Диалог» было проведено первое соревнование по автоматическому исправлению опечаток «SpellRuEval»⁸ [Sorokin et al. 2016]. Была получена базовая модель (baseline) и выявлены наиболее эффективные подходы к обработке социальных медиа (social media), а также были получены важные результаты относительно применимости контекстных методов на материале русского языка. Впервые были предприняты попытки учесть морфологическую и семантическую информацию при исправлении опечаток в русскоязычных интернет-текстах, а также применить методы дистрибутивной семантики в дополнение к традиционным n-граммным моделям, хотя большинство из них и не увенчалось успехом. Краткий конспект методологии участников и результаты соревнования и приводятся в таблицах 3 и 4 соответственно.

⁷ Электронный ресурс: <http://www.abbyu.ru/isearch/compreno/>.

⁸ Полная информация об итогах соревнования доступна по адресу: <https://drive.google.com/drive/u/0/folders/0B8XxHuDfyogmMnM5RFdKdWdzZmM>.

Таблица 3

**Подход участников SpellRuEval к созданию программы-корректора орфографии
для русского языка**

Код группы	Методы	Число словоформ в словаре	Число лемм в словаре	Обнаружение ошибок	Исправление ошибок	Частотные ошибки	Дополнительная обучающая выборка
А	Расстояние Левенштейна для поиска кандидата и языковая модель для его отбора	3 700 000	230 000	Словарное на основе расстояния Левенштейна, смежности на клавиатуре и графической схожести	Триграммная языковая модель	Неправильное ранжирование кандидатов, синтаксические ошибки, словарные ошибки	Корпус из 213 млн слов с морфологической разметкой для языковой модели
В	Коррекция орфографии на нескольких уровнях, модель ошибок, n-граммы по словам и частям речи	3 700 000	230 000	Каждое слово потенциально содержит ошибку, лучший кандидат отбирается за счет коррекции	Расстояние Левенштейна и фонетические ключи для поиска кандидата, триграммная языковая модель и модель ошибок для ранжирования	Семантические ошибки, неправильное ранжирование кандидатов	50 млн слов без разметки из «Живого Журнала»
С	Word2Vec, n-граммы, гибридная модель ошибок: 1) традиционная channel model, 2) модель из работы [Brill, Moore 2000], 3) channel model с расширенным окном	Без словаря	Без словаря	Error detection confidence classifier, используется vector scores из Word2Vec	Классификатор слов с печатками на основе Word2Vec	Неправильное ранжирование кандидатов, синтаксические ошибки, словарные ошибки	Корпус русских учебных текстов (КРУТ) [Зевахина, Джакупова 2015]: 2,5 млн слов + 13,8 млн слов из блогов + 22,2 млн слов из газет для языковой модели

Код группы	Методы	Число словоформ в словаре	Число лемм в словаре	Обнаружение ошибок	Исправление ошибок	Частотные ошибки	Дополнительная обучающая выборка
D	Расстояние Левенштейна, автоматическое конструирование парадигм, основанное на правилах	5 000 000	260 000	Словарное + правила суффиксации	Расстояние Левенштейна; если кандидатов 2 и более, выбор между ними случаен	Неверные окончания, неправильное ранжирование кандидатов	Только данные соревнования
E	N-граммы, поиск по словарю на правилах	5 095 000	390 000	Словарное (словарь OpenCorpora.org [Bocharov et al. 2013])	Ранжирование кандидатов с помощью триграмм обучающей выборки и расстояние Левенштейна	Неправильное ранжирование кандидатов, ошибки на разделение пробелом	400 млн слов из газет, социальных медиа и «Википедии»
F	Векторная модель, «Hlex», «Apache Tika»	5 095 000	390 000	Словарное (словарь OpenCorpora.org [Bocharov et al. 2013])	Ранжирование синтаксических деревьев предложения с приоритетом у деривов наибольшей длины, затем исправление словоформы на основании синтаксиса и частей речи	Пропущенные ошибки, орфографические ошибки	Только данные соревнования
G	N-граммы по словоформам и частям речи	5 500 000	400 000	Словарное	Ранжирование кандидатов на основе би- и триграмм частей речи и частот словоформ	Неправильное ранжирование кандидатов, ошибки на разделение пробелом	Корпус со снятой омонимией [НКРЯ]

Таблица 4

Итоги соревнования SpellRuEval

Место	Код группы	Точность	Полнота	F-мера	Аккуратность
1	B	81,98	69,25	75,07	70,32
2	G	67,54	62,31	64,82	61,35
3	A	71,99	52,31	60,59	58,42
4	E	60,77	50,75	55,31	55,93
BASELINE		55,91	46,41	50,72	48,06
5	C	74,87	27,99	40,75	50,45
6	D	23,50	30,00	26,36	24,95
7	F	17,50	9,65	12,44	33,96

По результатам соревнования получены важные практические выводы по следующим проблемам: 1) проблема словарей, 2) обучающая выборка, 3) использование контекстных методов для социальных медиа. Большинство участников не отказалось от использования словарей, и их объем в словоформах составляет в среднем более 3 млн. Оказалось, что критическим является не размер, а качество используемых словарей: полнота парадигм, отсутствие «мусора». Таким проблемам подвержены прежде всего открытые ресурсы. Перспектива возможного отказа от использования словарей и необходимых условий описана в разделе 7.

Обучающая выборка у участников, демонстрирующих наилучший результат, как показано в таблицах 2 и 3, была средних размеров — это корпуса текстов объемом более нескольких десятков миллионов слов, тогда как в упоминавшемся соревновании «Microsoft Spelling Alteration Workshop» на материале английского языка использовался корпус TREC⁹, содержащий более 2 млрд поисковых запросов. Поскольку использование таких выборок подразумевает обучение без учителя, контекстная информация, извлекаемая из текстов, чаще всего ограничивается следующими данными: 1) символьные n-граммы (участники в основном использовали триграммы), 2) частота словоформ, 3) n-граммы частеречных меток.

7. Открытые вопросы, перспективы

В сфере автоматического исправления опечаток с учетом контекста в первую очередь остается открытым вопрос состава словарей: как видно из таблицы 3, большинство современных словарей имеет достаточно большой объем (более 3 млн словоформ), тогда как некоторые системы уже практикуют с относительным успехом полный отказ от словаря, как, например, система команды C, основанная на технологии [Whitelaw et al. 2009]. Потенциально возможным отказ от словаря делает развитие векторных технологий, таких как «Word2Vec» [Mikolov et al. 2013], «GloVe» [Pennington et al. 2014], «DSSM» [Huang et al. 2013], — в случае внедрения таких технологий разработчикам будут доступны более тонкие контекстные зависимости (прежде всего, семантические), находящиеся за пределами возможностей n-граммных моделей. Однако пока системы подобного рода не достигли большого успеха в исправлении опечаток.

С использованием векторных моделей связана и надежда на решение следующей проблемы: некоторые слова при большой графической близости имеют разную дистрибуцию, например, пара *телифоны* (отряд паукообразных) и *телефоны*, где формально оба слова являются словарными. При этом в предложении типа *Девушка, дайте телифон!* слово *телифон* является словарной (real-word) ошибкой и имеет нетипичный контекст.

⁹ Text REtrieval Conference (TREC), 2011. Материалы доступны по адресу: <http://trec.nist.gov/>.

Одной из актуальных и проблемных с точки зрения контекстных методов сфер остаются короткие тексты, такие как тексты из социальной сети «Twitter», поскольку чем меньше текст, тем меньше информации мы можем извлечь из контекста и тем хуже будет выбор кандидата на исправление, к тому же сами тексты зачастую содержат много сокращений и искажений, нехарактерных для стандартной языковой модели. Для таких коротких текстов еще одним важным средством, работающим при помощи анализа символического контекста, может стать так называемый infinity-gram [Shuyo 2012], открытый для свободного использования в начале 2016 г. Суть метода, разработанного специально для определения языка на текстах из «Twitter'a», но потенциально широко применимого в NLP, кратко сводится к следующему: 1) используется модель наибольшей подстроки (maximal substring model) или логистическая регрессия на n-граммах; 2) для обучения берется корпус текстов непосредственно из «Twitter'a» (или любого другого целевого ресурса), на котором строится языковая модель. Для русского языка такой алгоритм еще не применялся, так как использовался только корпус языков с латинской графикой.

Остается открытым вопрос о применении в контекстных моделях всевозможных тезаурусов — в качестве перспективного направления развития технологий исправления опечаток можно рассматривать аналогичные подходы на материале других языков, ср. недавно вышедшую систему «WNSpell» для английского языка [Huang 2016], работающую на базе тезауруса «WordNet» [Fellbaum 1998]. По наблюдению самого разработчика системы «WNSpell», внедрение формализованной семантики такого рода существенно помогло улучшить точность контекстного выбора кандидата на исправление, однако минутом оказалась зависимость качества работы системы от проработанности того или иного значения в самом тезаурусе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Байтин 2008 — Байтин А. Исправление поисковых запросов в Яндекс // Российские интернет-технологии, 2008. [Baytin A. Correction of search requests in Yandex. *Rossiyskie internet-tehnologii*, 2008.]
- Беликов 2006 — Беликов В. И. Оцифрованные тексты как материал для словаря русских регионализмов // Герд А., Захаров В., Митрофанова О. (ред.) Труды международной конференции «Корпусная лингвистика-2006». СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 43—51. [Belikov V. I. Digitized texts as material for the dictionary of Russian regionalisms. *Trudy mezhdunarodnoy konferentsii «Korpusnaya lingvistika-2006»*. Gerd A., Zakharov V., Mitrofanova O. (eds.). St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. Publ., 2006. Pp. 43—51.]
- Зевахина, Джакупова 2015 — Зевахина Н. А., Джакупова С. С. Корпус русских учебных текстов: архитектура и перспективы // Селегей В. П. (ред.) *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам Международной ежегодной конференции «Диалог»*. М.: РГГУ, 2015. [Corpus of Russian student texts: Design and prospects. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam mezhdunarodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»*. Selegey V. (ed.). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2015. Available at: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2015/materials/pdf/ZevakhinaNADzhakupovaSS.pdf>.]
- Иванов 2016 — Иванов Г. Использование кликовых данных для улучшения исправления опечаток // Yandex Data Fest, 2016. [Ivanov G. Use of click data for the improvement of debugging. *Yandex Data Fest*, 2016. Available at: <https://events.yandex.ru/lib/talks/3991>.]
- Левенштейн 1965 — Левенштейн В. И. Двоичные коды с исправлением выпадений, вставок и замещений символов // Доклады АН СССР. 1965. Т. 163. № 4. С. 845—848. [Levenshtein V. I. Binary codes with correction of fallouts, insertions, and symbol substitutions. *Doklady AN SSSR*. 1965. Vol. 163. No. 4. Pp. 845—848.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Осовцев 1999 — Осовцев С. Свобода опечаток: опечатки от Ромула до наших дней // Книжное обозрение. 1999. № 40. С. 6. [Osovtsev S. Freedom of misprints: Misprints from Romulus till our time. *Knizhnoe obozrenie*. 1999. No. 40. P. 6.]
- Ушаков — Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935—1940. [Ushakov D. N. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo*

- языка [Defining dictionary of the Russian language]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1935—1940.]
- Шаврина, Сорокин 2015 — Шаврина Т. О., Сорокин А. А. Моделирование расширенной лемматизации для русского языка на основе морфологического парсера TnT-Russian // Селегей В. П. (ред.). *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам Международной ежегодной конференции «Диалог»*. [Modeling advanced lemmatization for Russian language using TnT-Russian morphological parser. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»*. Selegey V. (ed.). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2015. Available at: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2015/materials/pdf/ShavrinaTOSorokinAA.pdf>.]
- Шерих 2004 — Шерих Д. Ю. «А» упало, «Б» пропало... Занимательная история опечаток. М.: МиМ-Дельта, 2004. [Sherikh D. Yu. «A» upalo, «B» propalo... *Zanimatel'naya istoriya opechatok* ["A" fell down, "B" disappeared... An entertaining theory of misprints]. Moscow: MiM-Del'ta, 2004.]
- Bahl et al. 1989 — Bahl L. R., Brown P. F., Desouza P. V., Mercer R. L. A tree-based statistical language model for natural language speech recognition. *IEEE Transactions on Acoustics, Speech, and Signal Processing*. 1989. Vol. 37. No. 7. Pp. 1001—1008.
- BNC — *The British National Corpus*, version 3 (BNC XML Edition). Distributed by Oxford Univ. Computing Services on behalf of the BNC Consortium, 2007. Available at: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>.
- Bocharov et al. 2013 — Bocharov V. V., Alexeeva S. V., Granovsky D. V., Protopopova E. V., Stepanova M. E., Surikov A. V. Crowdsourcing morphological annotation. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»*. Vol. 12(19). Selegey V. (ed.). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2013. Pp. 109—124.
- Brill, Moore 2000 — Brill E., Moore R. C. An improved error model for noisy channel spelling correction. *Proceedings of the 38th Annual meeting of Association for Computational Linguistics*. Hitoshi I. (ed.). Hong Kong: Association for Computational Linguistics, 2000. Pp. 286—293.
- Brown et al. 1990 — Brown P., Cocke J., Della Pietra S., Della Pietra V., Jelinek F., Mercer R., Roossin P. A statistical approach to machine translation. *Computational Linguistics*. 1990. Vol. 16. No. 2. Pp. 79—85.
- Budanitsky, Hirst 2006 — Budanitsky A., Hirst G. Evaluating WordNet-based measures of semantic distance. *Computational Linguistics*. 2006. Vol. 32. No. 1. Pp. 13—47.
- Burr 1987 — Burr D. J. Experiments with a connectionist text reader. *Proceedings of the First international conference on neural networks*. Vol. 4. Caudill M., Butler C. (eds.). San Diego (CA): SOS Printing, 1987. Pp. 717—724.
- Chen, Goodman 1998 — Chen F. S., Goodman J. *An empirical study of smoothing techniques for language modeling*. Technical Report TR-10-98. Cambridge (MA): Harvard Univ., 1998.
- Choueka 1988 — Choueka Y. Looking for needles in a haystack, or Locating interesting collocational expressions in large textual databases. *Proceedings of RIAO Conference on user-oriented content-based text and image handling*. Cambridge (MA): MIT, 1988. Pp. 609—623.
- Church 1988 — Church K. W. A stochastic parts program and noun phrase parser for unrestricted text. *Proceedings of the 2nd Applied natural language processing conference*. Bates M. et al. (eds.). Austin (Texas): Association for Computational Linguistics, 1988. Pp. 136—143.
- Dale, Kilgarriff 2011 — Dale R., Kilgarriff A. Helping our own: The HOO 2011 pilot shared task. *Proceedings of the 13th European workshop on natural language generation*. Gardent C., Striegnitz K. (eds.). Nancy: Association for Computational Linguistics, 2011. Pp. 242—250.
- Dale et al. 2012 — Dale R., Anisimoff I., Narroway G. A report on the preposition and determiner error correction shared task. *Proceedings of the NAACL Workshop on innovative use of NLP for building educational applications*. Tetreault J., Burstein J., Leacock C. (eds.). Montreal: Association for Computational Linguistics, 2012. Pp. 216—224.
- Damerau 1964 — Damerau F. J. A technique for computer detection and correction of spelling errors. *Communications of the Association for Computing Machinery*. 1964. Vol. 7. No. 3. Pp. 171—176.
- Deffner et al. 1990 — Deffner R., Eder K., Geiger H. Word recognition as a first step towards natural language processing with artificial neural nets. *Proceedings of KONNAI-90*. 1990. Vol. 252. Pp. 221—225.
- Fellbaum 1998 — Fellbaum C. *WordNet: An electronic lexical database*. Cambridge (MA): MIT Press, 1998.
- Flor 2012 — Flor M. Four types of context for automatic spelling correction. *Traitement Automatique des Langues*. 2012. Vol. 53. No. 3. Pp. 61—99.
- Garside et al. 1987 — Garside R., Leach G., Sampson G. *The computational analysis of English: A corpus-based approach*. New York: Longman, 1987.

- Gersho, Reiter 1990 — Gersho M., Reiter R. Information retrieval using self-organizing and heteroassociative supervised neural networks. *Proceedings of International joint conference on neural networks (IJCNN- '90)*. Vol. 2. San Diego (CA), 1990. Pp. 361—364.
- Han et al. 2012 — Han B., Cook P., Baldwin T. Lexical normalization of short text messages. *Proceedings of the 49th Annual meeting of the association for computational linguistics: Human language technologies*. Vol. 1. Portland (OR): Association for Computational Linguistics. Pp. 368—378.
- Hanson et al. 1976 — Hanson A. R., Riseman E. M., Fisher E. Context in word recognition. *Pattern Recognition*. 1976. Vol. 8. Pp. 35—45.
- Heidorn et al. 1982 — Heidorn G. E., Jensen K., Miller L. A., Byrd R. J., Chodorow M. S. The EPISTLE text-critiquing system. *IBM Systems Journal*. 1982. Vol. 21. No. 3. Pp. 305—326.
- Huang 2016 — Huang B. WNSpell: A WordNet-based spell corrector. Paper presented at Global WordNet Conference, 2016.
- Huang et al. 2013 — Huang P., He X., Gao J., Deng L. Learning deep structured semantic models for web search using clickthrough data. Paper presented at International conference on information and knowledge management, 2013. Available at: <https://www.microsoft.com/en-us/research/publication/learning-deep-structured-semantic-models-for-web-search-using-clickthrough-data/>
- Jelinek et al. 1991 — Jelinek F., Merialdo B., Roukos S., Strauss M. A dynamic language model for speech recognition. *Proceedings of the DARPA speech and natural language workshop*. Price P. (ed.). Pacific Grove (CA): Association for Computational Linguistics, 1991. Pp. 293—295.
- Kempen, Vosse 1990 — Kempen G., Vosse T. A language sensitive text editor for Dutch. *Proceedings of the Computers and writing III conference*. O'Brian H., Williams N. (eds.). Dordrecht: Kluwer, 1990. Pp. 68—77.
- Kukich 1990 — Kukich K. A comparison of some novel and traditional lexical distance metrics for spelling correction. *Proceedings of the International neural network conference*. Vol. 2. Paris: Springer Science & Business Media, 1990. Pp. 309—313.
- Kukich 1992 — Kukich K. Techniques for automatically correcting words in text. *ACM Computing Surveys*. 1992. Vol. 24. No. 4. Pp. 377—439.
- Lueck 2011 — Lueck G. A data-driven approach for correcting search queries. Paper presented at Spelling alteration for web search workshop, 2011. Available at: https://www.microsoft.com/en-us/research/wp-content/uploads/2016/02/en-us-events-spellerworkshop2011-spelling_alteration_workshop.pdf
- McEnery, Hardie 2011 — McEnery T., Hardie A. *Corpus linguistics: Method, theory and practice*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2011.
- Mikolov et al. 2013 — Mikolov T., Chen K., Corrado G., Dean J. *Efficient estimation of word representations in vector space*. Ms., arXiv preprint arXiv:1301.3781. Available at: <https://arxiv.org/abs/1301.3781>.
- Mitton 1987 — Mitton R. Spelling checkers, spelling correctors, and the misspellings of poor spellers. *Information Processing & Management*. 1987. Vol. 23. No. 5. Pp. 495—505.
- Mohit et al. 2014 — Mohit B., Rozovskaya A., Habash N., Zaghoulani W., Obeid O. The first QALB shared task on automatic text correction for Arabic. *Proceedings of EMNLP Workshop on Arabic natural language processing*. Habash N., Vogel S. (eds.). Doha: Curran Associates, 2014. Pp. 39—48.
- Norvig 2010 — Norvig P. *How to write a spelling corrector*. Ms., 2010. Available at: <http://norvig.com/spell-correct.html>.
- Oshika et al. 1988 — Oshika T., Machi F., Evans B., Tom J. Computational techniques for improved name search. *Proceedings of the 2nd Applied natural language processing conference*. Bates M. et al. (eds.). Austin (Texas): Association for Computational Linguistics, 1988. Pp. 203—210.
- Pennington et al. 2014 — Pennington J., Socher R., Manning C. D. Glove: Global vectors for word representation. *Proceedings of the Empirical methods in natural language processing (EMNLP 2014)*. Marton Y. (ed.). Doha: Association for Computational Linguistics, 2014. Pp. 1532—1544.
- Peterson 1986 — Peterson J. L. A note on undetected typing errors. *Communications of the ACM*. 1986. Vol. 29. No. 7. Pp. 633—637.
- Philips 2000 — Philips L. The double metaphone search algorithm. *C/C++ Users Journal*. 2000. Vol. 18. No. 6. Pp. 38—43.
- Popescu, Vo 2014 — Popescu O., Vo N. P. A. Fast and accurate misspelling correction in large corpora. *Proceedings of the Empirical methods in natural language processing (EMNLP 2014)*. Marton Y. (ed.). Doha: Association for Computational Linguistics, 2014. Pp. 1634—1643.
- Richardson, Braden-Harder 1988 — Richardson S. D., Braden-Harder L. C. The experience of developing a larger scale natural language text processing system: CRITIQUE. *Proceedings of the 2nd Applied natural language processing conference*. Bates M. et al. (eds.). Austin (Texas): Association for Computational Linguistics, 1988. Pp. 195—202.

- Rozovskaya et al. 2015 — Rozovskaya A., Bouamor H., Habash N., Zaghouni W., Obeid O., Mohit B. The second QALB shared task on automatic text correction for Arabic. *Proceedings of the Second workshop on Arabic natural language processing*. Tomeh N., Bouamor H. (eds.). Beijing: Association for Computational Linguistics, 2015. Pp. 26—35.
- Rumelhart et al. 1986 — Rumelhart D. E., Hinton G. E., Williams R. J. Learning internal representations by error propagation. *Parallel distributed processing: Explorations in the microstructure of cognition*. Rumelhart D. E., McClelland J. L., Bradford E. (eds.). Cambridge (MA): MIT Press, 1986. Pp. 318—362.
- Schaback, Li 2007 — Schaback J., Li F. Multi-level feature extraction for spelling correction. Paper presented at IJCAI-2007 Workshop on analytics for noisy unstructured text data, 2007. Available at: <http://research.ihost.com/and2007/>.
- Schäfer, Bildhauer 2013 — Schäfer R., Bildhauer F. Web corpus construction. *Synthesis Lectures on Human Language Technologies*. 2013. Vol. 6. No. 4. Pp. 1—145.
- Shuyo 2012 — Shuyo N. Short text language detection with infinity-gram. Paper presented at Naist seminar, 2012. Available at: <http://www.slideshare.net/shuyo/short-text-language-detection-with-infinity-gram-12949447>.
- Smadja 1991 — Smadja F. *Extracting collocations from text. An application: Text generation*. PhD dissertation. New York: Columbia Univ., 1991.
- Sorokin et al. 2016 — Sorokin A. A., Baitin A. V., Galinskaya I. E., Shavrina T. O. SpellRuEval: The first competition on automatic spelling correction for Russian. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»*. Selegey V. (ed.). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2016. Pp. 660—674.
- Sorokin, Shavrina 2016 — Sorokin A. A., Shavrina T. O. Automatic spelling correction for Russian social media texts. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»*. Selegey V. (ed.). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2016. Pp. 688—702.
- Toutanova, Moore 2002 — Toutanova K., Moore R. C. Pronunciation modeling for improved spelling correction. *Proceedings of the 40th Annual meeting on Association for Computational Linguistics*. Pierre I. (ed.). Philadelphia: Association for Computational Linguistics, 2002. Pp. 144—151.
- Van Berkel, DeSmedt 1988 — Van Berkel B., DeSmedt K. Triphone analysis: A combined method for the correction of orthographical and typographical errors. *Proceedings of the 2nd Applied natural language processing conference*. Bates M. et al. (eds.). Austin (Texas): Association for Computational Linguistics, 1988. Pp. 77—83.
- Whitelaw et al. 2009 — Whitelaw C., Hutchinson B., Chung G. Y., Ellis G. Using the web for language independent spellchecking and autocorrection. *EMNLP '09 Proceedings of the 2009 Conference on empirical methods in natural language processing*. Vol. 2. Singapore: Association for Computational Linguistics, 2009. Pp. 890—899.
- Zamora et al. 1981 — Zamora E. M., Pollock J. J., Zamora A. The use of trigram analysis for spelling error detection. *Information Processing & Management*. 1981. Vol. 17. No. 6. Pp. 305—316.
- Zipf 1949 — Zipf G. K. *Human behavior and the principle of least effort*. Cambridge (MA): Addison-Wesley Press, 1949.

Получено/received 17.01.2016

Принято/accepted 07.02.2017

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

А. В. Циммерлинг. Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте. М.: Языки славянских культур, 2013. 546 с. [A. V. Zimmerling. *Sistemy porjadka slov slavyanskikh yazykov v tipologicheskom aspekte* [Word order systems in Slavic against the typological background]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2013. 546 p.] ISBN 978-5-9551-0686-1.

Михаил Яковлевич Дымарский

Michail Ya. Dymarsky

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, 199053, Российская Федерация; Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, 199053, Российская Федерация; dym2005@list.ru

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, 199053, Russian Federation; Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, 199053, Russian Federation; dym2005@list.ru

1. Общая характеристика книги. В истории изучения порядка слов можно проследить две линии. Одну из них можно с небольшой долей условности назвать грамматической: порядок значимых компонентов синтаксической структуры интерпретируется как строго языковая, грамматикализованная закономерность. Эта линия очевидным образом мотивирована известными фактами языков с фиксированным порядком слов. Мощный импульс ее развитию был придан в конце XIX в. открытием Я. Вакернагеля, показавшего, что строгие закономерности расположения по крайней мере некоторых компонентов предложения отнюдь не ограничены пределами германской языковой группы. Вторую линию можно назвать коммуникативной — учение В. Матезиуса и его последователей об актуальном членении предложения. Эта теория объяснила общие принципы порядка слов не только в языках, где этот порядок не грамматикализован, но в языке вообще.

Вторая половина XX — начало XXI в. отмечены работами, где коммуникативная линия учитывает семантическую структуру предложения и текста: начиная с работ П. Адамца, Я. Фирбаса, Ф. Данеша, И. И. Ковтуновой до монографий Е. В. Падучевой [1985], О. Йокямы [2005] и Т. Е. Янко [2001].

Книга А. В. Циммерлинга предстает на этом фоне особым явлением. С одной стороны, автор, характеризуя свой метод как «модифицированную грамматику составляющих с элементами грамматики зависимостей» (с. 13), последовательно учитывает существенные положения грамматической линии, в том числе генеративной теории, которая инкорпорировала коммуникативные категории темы и ремы (топики и фокусы) в структуру предложения. С другой стороны, автор опирается и на достижения коммуникативной линии исследований порядка слов. Как попытка объединения этих линий книга представляет собой принципиально важный теоретический шаг.

Для общей характеристики работы важно оценить масштаб ее замысла. Автор пишет по поводу одного из сравнительно частных вопросов: «...описание скрэмлинга просто как множества разрешенных комбинаций линейных порядков, без учета отношения вершин и зависимых, структуры составляющих и механизма синтаксических перемещений, обедняет понимание этого явления» (с. 262). Описать системы порядка слов в славянских языках так, чтобы показать, что эта область поддается анализу точными методами и отнюдь не представляет собой хаоса, — в этом и заключается основная цель автора. Можно сказать, что она достигнута.

Более того,

- 1) работа охватывает все славянские языки, причем ряд из них охарактеризован весьма развернуто (болгарский, сербохорватский, чешский, словацкий, словенский, верхне-лужицкий, древнерусский, древнечешский);
- 2) помимо славянских, рассматривается более 100 языков мира (индоевропейских, австронезийских, афроазиатских и др., причем отдельным языкам — кавиненья, оне, кашибо-какатайбо, юго-восточный тепехуан, кашмири — посвящены особые параграфы);
- 3) книгу можно использовать в качестве компендиума сведений о системах порядка слов в языках мира, значительно превосходящего по информативности существующие обобщающие работы, которые опираются исключительно на предложенную Дж. Гринбергом шестичленную классификацию комбинаций из компонентов S, O, V и не затрагивают вопросов о размещении клитик¹.

2. Композиция книги. Локальные и глобальные правила. Типология систем порядка слов с клитиками. Книга разбита на две части: «От объяснения к описанию» и «От описания к объяснению». В первой части автор представляет и развернутую обосновывает аппарат исследования, опираясь на широкий типологический фон. Вторая целиком посвящена славянским системам порядка слов.

Говоря о противопоставлении локальных и глобальных правил в грамматике, автор относит к первым схемы линейаризации именных групп и упорядочения цепочек клитик, а ко вторым — схемы линейаризации предложения в целом. За этим решением кроется напряженная полемика с отдельными утверждениями тех современных генеративистов, которые исповедуют идею «картографии синтаксических структур», заимствованную из работ середины XX в. — Е. Куриловича, Ж. Фуркэ и П. Дидериксена (так называемые табличные схемы предложения). «Новаторский момент в картографических теориях Рицци, — не без иронии отмечает Циммерлинг, — состоит в том, что табличные схемы расположения категорий предложения, мотивированные материалом конкретных языков, претендуют не только на роль дескриптивных описаний порядка слов в соответствующих языках, но на роль типичных иерархий синтаксических категорий на уровне Универсальной Грамматики (УГ). Поскольку же реально “картография” предложения в разных языках мира, как и следует ожидать, различна, Рицци и его сторонникам приходится постулировать большое количество разрешенных принципами УГ вариантов табличных схем, или, что то же самое, большое число разных позиций, доступных тематическим, рематическим, контрастивным, вопросительным элементам, местоименным клитикам, глагольным связкам и т. п. в языках мира» (с. 40). Из этого перечня очевидно, что разграничение локальных и глобальных правил порядка слов в концепции Л. Рицци не предусмотрено. Между тем учет одного только этого разграничения позволяет несравненно точнее описывать конкретные языки и группы языков. Поэтому нельзя не признать справедливым сомнение в том, «в какой мере табличные схемы, призванные объяснить материал нескольких языков, независимы от привлеченного материала: действительно ли они воплощают механизмы УГ или же они являются дескриптивными конструктами, призванными оправдать факты того небольшого числа языков, которые были учтены генеративистом-картографом» (там же).

Из сказанного вытекает и важнейшее ограничение, которое должен иметь в виду читатель, надеющийся, исходя из названия книги, найти в ней исчерпывающее описание систем порядка слов в славянских языках. Под этими системами в работе подразумеваются правила, регулирующие постановку клитик и упорядочение их в цепочки, а также ряд смежных явлений, например место глагола в предложениях с перемещениями клитик, вызванными в конечном счете линейно-акцентными преобразованиями. Глобальных правил, регулирующих линейаризацию предложения в целом, подобных табличным схемам предложения в языках с фиксированным порядком слов (гл. 6), в славянских языках нет, поэтому и построить для них подобные схемы в реальности невозможно.

¹ См., например, [Gell-Mann, Ruhlen 2011; Dryer 2011; 2013].

Важнейшую роль в монографии играет созданная автором универсальная типология систем порядка слов с клитиками. Различаются пять типов:

- 1) **W-системы**, или языки с законом Ваккернагеля (с. 71); в славянском ареале к ним относятся древненовгородский диалект, сербохорватский, словенский, чешский, словацкий языки и др. (с. 306, 311);
- 2) **W⁺-системы**, или языки с расширенным законом Ваккернагеля, где правила размещения сентенциальных клитик связаны с правилами размещения глагольных форм (с. 71); к ним относятся болгарский и македонский языки (с. 306, 311);
- 3) **W*-системы**, или «разрушенные W-системы» (с. 76); сюда относятся старославянский, древнерусский язык южных памятников, польский и, предположительно, кашубский (с. 309—311);
- 4) **V-системы**, или языки, в которых клитики локализируются в глагольной группе, «занимают контактное положение с глагольной вершиной» (с. 76);
- 5) **C-системы**, или коммуникативные системы; представлены современными восточнославянскими языками; цепочки клитик в таких языках отсутствуют (с. 124).

В дальнейших главах первой части вводятся и развернуто характеризуются важнейшие понятия развиваемой автором концепции: Правила Рангов² (регулирующие порядок клитик в цепочке), Правила Барьера (регулирующие перемещения клитик из стандартной позиции), Правила Начальной Составляющей (регулирующие ее состав и проницаемость для клитик) и ряд других.

Вторая часть монографии, посвященная непосредственно славянским языкам, также построена поаспектно. Такое решение не представляется оптимальным. После первой части ожидалась бы последовательность комплексных параметрических описаний группировок славянских языков в соответствии с разработанной автором типологией систем порядка слов. Автор избирает другой путь, и в результате каждый рассматриваемый параметр характеризуется заново. Отсюда — неизбежные при такой композиции повторы (ср. §§ 3.8.2 и 8.2, 3.13 и 8.5, 3.15 и 8.7). Можно полагать, что цель относительно полного описания славянских систем порядка слов автором и не ставилась, так как книга носит преимущественно теоретический характер; но тогда целесообразнее было бы назвать книгу иначе.

Относительно композиции заметим еще, что монография была бы более цельной, если бы автор предпочел опубликовать некоторые ее фрагменты отдельно. Так, интереснейший материал гл. 6 «Фиксированный порядок слов и табличные схемы предложения в некоторых языках мира» (с. 163—250) и его интерпретация самоценны, но в книге их функция сводится к констатации того факта, что к славянским языкам метод табличных схем неприменим. Почти то же относится и к гл. 7 «Свободный порядок слов и виды скрэмблинга в славянских языках» (с. 251—287). Важная в теоретическом отношении для общего замысла, глава все же в большей мере походит на небольшую монографию о скрэмблинге; во второй части книги понятия ближнего, локального, дальнего, неограниченного скрэмблинга и др. остаются практически невостребованными.

3. О теории барьеров. Главными же «героями» книги являются Правила Барьера. В предложенном А. А. Зализняком понятии А. В. Циммерлинг увидел теоретический инструмент, при помощи которого можно доказать, что с и с т е м ы порядка слов в славянских языках не миф, что они поддаются анализу точными методами и могут быть алгоритмизованы.

Цепочки клитик в рассматриваемых языках часто целиком или частями сдвигаются, оказываясь дальше «ваккернагелевской» позиции. На с. 385 автор придает этому известному наблюдению вид сильного теоретического тезиса: «языков, где клитики, имеющие фиксированное место в предложении, были бы полностью неподвижны, не бывает. Подвижность клитик в их синтаксической области — фундаментально важная характеристика». Этим обосновывается и важнейшая оппозиция базового и производного порядков слов.

² Здесь и далее прописные буквы используются в соответствии с оригиналом.

Сохраняя исходную трактовку барьера как точки «условного начала», возникающей в результате условного отчленения начальной части клаузы [Зализняк 2008: 48], Циммерлинг, однако, настаивает на том, что явление барьера носит не ритмико-синтаксический, а «чисто синтаксический» характер (с. 386). Это отражено в определении: «[Нехомскианский] Барьер — синтаксическая категория (синтаксическая вершина или полная группа), добавление которой в состав предложения меняет позиции отдельной клитики или цепочки клитик» (с. 387).

Трактовка барьера как ритмико-синтаксического явления применительно к материалу древнерусского языка содержала элемент гипотетичности, поскольку достоверная реконструкция просодии древнерусского предложения по меньшей мере проблематична. Отказываясь от просодического компонента в трактовке барьера и, соответственно, от элемента гипотетичности, исследователь тем самым берет на себя обязательство во всех случаях применения обсуждаемого понятия быть готовым доказать его «чисто синтаксическую» природу. Следует отдать должное смелости этого решения — тем более что именно с ним связан и ряд спорных моментов.

3.1. Типология барьеров без списка категорий? При ритмико-синтаксической трактовке список барьеров (который А. А. Зализняк [2008: 54—56] тем не менее приводит) закрытым быть не может. В частности, о факультативных барьерах А. А. Зализняк пишет: «Одна и та же (если не считать размещения энклитик) фраза может быть реализована как с барьером, так и без него» [Там же: 55].

Циммерлинг не только настаивает на синтаксической природе барьеров, но и значительно детализирует их классификацию. Опора на широкие типологические данные позволяет ему ввести пять оппозиций. Барьеры могут быть:

- обязательными vs. факультативными;
- слепыми vs. селективными;
- лексическими vs. нелексическими;
- грамматизованными vs. коммуникативными;
- кумулятивными vs. привативными (с. 387—391).

При такой глубине разработки список категорий, способных играть роль барьера, больше чем ожидаем (или отдельные списки по рассматриваемым языкам), и остается неясной причина его отсутствия в книге.

3.2. Обращение как барьер? Клауза и высказывание. Второй спорный момент связан с трактовкой обращения как обязательного барьера, в чем автор также следует за А. А. Зализняком. В качестве первого типа обязательных барьеров Зализняк называет «инородную актантную группу (обращение, междометие, вводное слово)» [2008: 54]. Под актантной группой автор понимает «каждое из непосредственно подчиненных сказуемому слов вместе со всем, что подчинено самому этому слову» [Там же: 15]. Если названные категории квалифицируются как «актантные группы», пусть даже инородные, то, согласно определению, они тоже должны быть прямо или опосредованно подчинены сказуемому: иначе они инородные, но не актантные. Такое подчинение, надо полагать, автором все же не подразумевается (иначе не было бы характеристики «инородные»), но соответствующих пояснений нет.

Категории обращений, междометий и вводных слов целесообразнее, с нашей точки зрения, интерпретировать в качестве коммуникативного эскорта высказывания, а не актантных групп, которые не могут не быть компонентами клаузы. Последнее понятие используется А. А. Зализняком и А. В. Циммерлингом расширительно, хотя такое намерение и не декларируется. Клауза, определяемая как грамматическая структура (ср. в [Тестелец 2001: 256]: «группа, в том числе и не предикативная, вершиной которой является глагол»), рассматривается в то же время как результат линеаризации этой же структуры. Границы этой линеаризованной структуры определяются не только грамматически (в соответствии с принятым определением клаузы), но и по смыслу; последнее же заставляет включить в рассматриваемую цепочку словоформ обращения, вводные слова и междометия. Это

означает, что в реальности в качестве линеаризованной структуры анализируется уже не клауза, а высказывание. Такое понимание прямо противоречит определению клаузы, из которого эксплицитно исходит создатель теории барьеров [Зализняк 2008: 12]. В то же время и линейная структура высказывания не может быть интерпретирована просто как линеаризованная структура клаузы: она представляет собой результат наложения на линеаризованную базовую грамматическую структуру (клаузы) второй структуры — коммуникативной, включающей не только линейно-акцентные преобразования, но и позиции для элементов коммуникативного эскорта. Эти позиции, где бы они ни оказались, в отличие от линейно-акцентных преобразований, никак не влияют на линейное расположение компонентов грамматической структуры, поэтому учитывать их в теории барьеров избыточно (подробнее см. [Дымарский 2016]).

Неразграничение клаузы и высказывания влечет и другие спорные решения: например, включение в табличную схему предложения языка кашмири отдельной позиции для вынесенного влево топики — *TOP* (с. 189), а в табличную схему английского предложения — позиции с вариативным наполнением *AdvI Top* (с. 214—239), в то время как табличные схемы предложений в датском (с. 166), немецком (с. 176—177), оне (с. 240), румынском (с. 250) подобных позиций не предусматривают. Очевидно, что в высказываниях на языках за пределами кашмири и английского топик может присутствовать в крайней левой позиции не менее регулярно (что фактически и признается на с. 188). Возникает предположение, что причина различия в подходе к позиции *TOP* в том, что материал таких языков, как датский или немецкий, позволяет совместить позицию *TOP* с более общей начальной позицией (тематической по коммуникативной природе) и указать ее наполнение с точностью до морфологической/синтаксической категории, а материал кашмири или английского — нет. Но это предположение не оправдывается: см., например, применительно к датскому языку с. 166, к немецкому — с. 174—177.

В примерах из кашмири (29—34) первую позицию, как и в немецком, занимает «произвольная категория» *XP* (с. 184—187), но в примерах 35—38, 40—42 на с. 187—193 слева от *XP* возникает еще один компонент, который Циммерлинг, опираясь на анализ Р. Бхатта³, трактует как «топикализированный элемент» (с. 187—188). Характеристика этого компонента не вполне прозрачна. Во-первых, о нем сообщается, что обычно он «имеет коммуникативный статус Ремы или контрастной Темы» (с. 187): если это топикализированный элемент, то непонятно, при чем здесь рема. Во-вторых, утверждается, что «элементы, занимающие *TOP*, не относятся к той же самой синтаксической области, где стоит финитный глагол» (с. 187—188). Это хорошо согласуется с примером 37, где соответствующий элемент означает «конечно» (с. 188), но вызывает недоумение применительно к примерам 40, 42, где в этой же позиции оказывается личное имя деятеля в эргативном падеже: напомним, в синтаксическую концепцию, реализуемую в книге, входит представление о подчинении всех актантов предикату, следовательно, компонент с функцией агенса не может трактоваться как находящийся за пределами «синтаксической области, где стоит финитный глагол».

В итоге трудно избавиться от назойливой догадки, будто понятие вынесенного топики потребовалось Р. Бхатту для того, чтобы «спасти» характеристику кашмири как языка с последовательным ограничением *V2* (грамматикализованное требование второй от начала предложения позиции глагола): если агенс в эргативе является топикализированным элементом, то он тем самым трактуется как коммуникативный барьер и при подсчете места финитного глагола в линейной структуре «клаузы» не учитывается. Однако подобная интерпретация не убеждает.

3.3. Детерминант в роли барьера. Третий спорный момент в теории барьеров связан с примерами вида (см. анализ на с. 446—450):

³ Параграф 6.4. «Язык кашмири: синтаксические ограничения и локальные правила» целиком опирается на материал работы [Bhatt 1999].

- (1) Ны^и же брате сеѣ весны помози на (Ипатьевская летопись, 1151 г.);
- (2) Ны^и же ѿѣе того всего каюса пре^а Бѣи и пре^а товою (Ипатьевская летопись, 1150 г.);
- (3) ѿнѣ же нынѣ ворогѣ ми сѧ оучинилѣ (Ипатьевская летопись, 1196 г.).

Первую/вторую позицию обстоятельственного компонента *нынѣ* в (1)—(3) невозможно объяснить как результат линейно-акцентного преобразования некоторого исходного порядка: порядки с начальной позицией этих элементов как раз и являются исходными (обращения не в счет, а перемещения *нынѣ* относительно остальных элементов клауз дают явно маркированные варианты). В терминах, предложенных в свое время Н. Ю. Шведовой, это означает наличие в (1)—(3) темпоральных детерминантов. Не используя этого понятия, Циммерлинг применительно к (1) приходит к выводу, что «начальную группу типа *Нынѣ=же*, отделенную длинными синтаксическими группами от последующей части предложения, не следует принимать во внимание вообще» (с. 447—448). В этой формулировке, правда, не вполне ясно, что является решающим условием для признания нерелевантности «группы»: ее тип или ее отделенность от остального предложения «длинными синтаксическими группами». Зализняк, также не пользуясь термином «детерминант», посвящает подобным примерам особый параграф [2008: 98—102].

Предметом авторского внимания в примерах (1)—(3) является разрыв гипотетических цепочек клитик: **=же=на* (1), **=же=ся* (2), **=же=ми=ся* (3). Смысл анализа — опровергнуть предположение, что исходный порядок слов в подобных случаях обязательно содержит цепочку без разрывов (с. 447). Действительно, реконструкция исходных порядков без разрывов гипотетических цепочек для (1)—(3) проблематична, и нельзя не согласиться с автором в том, что «в общем случае не может быть уверенности, что у кластеризуемых клитик нет иных функций в предложении, кроме как стоять в цепочке контактно в коммуникативно немаркированных предложениях при базовом порядке слов» (с. 446). Но удивление вызывает тот факт, что применительно к детерминантам, то есть к такой синтаксической категории, которая, в отличие от обращений, является компонентом структуры предложения и хорошо охватывается определением барьера, предлагается именно то решение, которое было бы вполне обоснованным по отношению к «инородным актантным группам».

Показательно, что в цитированных контекстах автор пользуется термином «предложение», а не «клауза». Пояснений нет (хотя обычно автор очень внимателен к терминологии); между тем здесь напрашивается разграничение предложения и клаузы, подобное разграничению предложения (как модели, грамматического субстрата) и высказывания. Создается впечатление, что речь идет об отделенности детерминанта как компонента предложения от клаузы, актантом которой он не является, потому что — по определению Н. Ю. Шведовой [1964] — детерминант подчинен не глаголу, а предикативному ядру в целом ($\approx$ клаузе) и является не присловным, а «присхемным» распространителем. В таком случае имеет смысл вернуться к вопросу, какой синтаксической области принадлежат цепочки клитик (он очень бегло обсуждается на с. 104—106): может быть, целесообразно ограничить эту область именно клаузой (и в таком случае клитики ориентированы прежде всего на ее вершину), в структуру которой детерминанты не входят — так же, как не входят в нее и элементы коммуникативного эскорта. Может оказаться целесообразным принять триаду «клауза» (в строгом соответствии с определением Я. Г. Тестельца) — «предложение» (= клауза + факультативные сирконстанты и детерминанты) — «высказывание» (= предложение + линейно-акцентные преобразования + коммуникативный эскорт).

Принятие подобной триады позволит, в частности, сделать более осмысленным и применение трансформационного критерия. В связи с обсуждением примера (1) Циммерлинг пишет: «Если же неначальное обращение *brate* просто до б а в л е н о в предложение без обращения *Нынѣ=же=на* сея весны *помози*, деривационные отношения в паре предложений *Нынѣ=же=на* сея весны *помози* $\Rightarrow$ *Нынѣ=же=на* сея весны *помози* + [_{vocp} *brate*] не удовлетворяют трансформационному критерию» (с. 447; выделение автора; *VocP* = vocative

phrase, группа обращения). Очевидно, что такое применение трансформационного критерия возможно только при отождествлении линейной структуры высказывания и линеаризованной структуры клаузы (ср. выражение «пара предложений» в приведенной цитате). Между тем, если смотреть на материал с изложенных выше позиций, понятие трансформации следует признать применимым только к некоторым из уровней структуры, и вопрос, удовлетворяет ли данная «пара предложений» трансформационному критерию, снимется сам собою.

Таким образом, развитие учения Зализняка составляет крупное достижение Циммерлинга, хотя положения этой теории заслуживают дальнейшего обсуждения.

4. Постулат о базовом порядке слов в русском предложении. В § 7.5 «Линейно-акцентные преобразования и базовый порядок слов», обсуждая возможность построения для С-систем полного и непротиворечивого исчисления членов коммуникативной (к-) парадигмы предложения, автор отдает предпочтение подходу И. И. Ковтуновой, Т. Е. Янко и др., считающих невозможным рассматривать порядок слов в отрыве от коммуникативной функции. Однако при этом подходе оказывается, что к-парадигма предложения может включать более одного нейтрального ($\approx$ исходного, базового) варианта. Видя в этом противоречие, автор считает «необходимым дополнить концепцию линейно-акцентных преобразований постулатом о наличии единого порядка слов для всех конструкций данного языка: для русского языка достаточным будет постулат о том, что подлежащее при базовом порядке слов всегда стоит слева от сказуемого» (с. 268). Ниже автор делает важное примечание: «Минусом такого решения является то, что предложения типа рус. $\nearrow$ Черемуха $\searrow$ цвела, $\nearrow$ Звезды $\searrow$ светили и т. п. менее частотны и требуют особого контекста, в то время как нерасчлененные варианты типа рус. $\nearrow$ Цвела $\searrow$ черемуха, $\nearrow$ Светили $\searrow$ звезды более частотны и естественны для высказывания с данным составом лексем. Однако синтаксическая теория не должна при решении вопроса о производности/непроизводности предложения опираться на частотность употребления грамматически правильных комбинаций и на лексическую семантику слов, в них встречающихся» (с. 269).

Отказ от опоры на лексическую семантику означает и отказ от учета семантического типа предиката, а это, в свою очередь, равносильно отказу от учета семантики предложения в целом. Между тем семантический тип предиката гесп. семантический тип предложения естественным образом связаны с базовой функцией последнего в тексте/речи. Взаимодействие этих факторов определяет и базовый порядок слов. Предложения типа *Цвела черемуха* представляют собой неполные реализации модели, вводящей новую информацию о некотором событии (*В Китае состоялась новая встреча «нормандской четверки»*), о состоянии окружающей среды (*В садах цветут яблони*) или некоторого субъекта (*У крана не работает тормоз*), и отличаются семантической слабостью предиката⁴: сказуемое способно функционировать как имя ситуации только с именем агенса/экспериментера, которые в русском языке при таких предикатах кодируются номинативом и приобретают статус подлежащего⁵. В результате возникает двухуровневая предикация, так как вершинный носитель предиктируемого признака в таких предложениях не совпадает с подлежащим и вынужденно кодируется иначе: как локатив или как косвенный субъект. Валентности предикативных групп *состоялась встреча, цветут яблони* на локатив (*где?*) и *не работает тормоз* на субъект (*у кого?*) являются обязательными: в их основе лежит обязательность семантического субъекта при семантическом предикате. Предикативное отношение высшего уровня реализуется актуальным членением, низшего — предикативной группой.

Поэтому для предложений этого типа базовым является именно данный порядок слов (что было показано еще в [Ковтунова 1976]), исходный вариант их к-парадигмы в нотации рецензируемой книги может быть представлен как (4).

⁴ Это типичное свойство переходных глаголов, но в данном случае речь идет о непереходных.

⁵ Что согласуется с общей стратегией кодирования семантических ролей в русском языке, в отличие от *иметь*-языков, где эта роль кодируется (глубинным) аккумулятивом: *I've got my head screwed on, I had my leg cut off*. Заметим, что и здесь возникает вторичная предикация.

(4) [TopicP Loc/PrepP] [FocusP V_{fin} NP]

По отношению к подобным предложениям принятие постулата о препозиции подлежащего сказуемому при базовом порядке слов является очевидным насилием, и дело отнюдь не в их широкой употребительности, а в их природе. К тому же круг неэлементарных моделей с двухуровневой предикацией и специфическим базовым порядком слов в русском языке отнюдь не исчерпывается разобранными примерами (см., в частности, [Дымарский 2007]).

5. Использование терминов. Теоретическая строгость предполагает терминологическую точность и последовательность. В связи с этим в некоторых случаях при чтении книги возникают сомнения.

5.1. Парентеза. § 3.1.3 называется «Парентетические вставки и типы клитик», и подобное употребление прослеживается на протяжении всей книги. Под парентезой принято понимать именно вставки. Если это простая тавтология, то в одном ряду с ней находится и выражение «предикативное предложение (clause)» (с. 163). Однако в ряде случаев автор квалифицирует в качестве парентез принципиально иные синтаксические категории: приложение (с. 302, пример 13; с. 460, пример 42), придаточное предложение (с. 302, пример 14), детерминант «рано или поздно» (с. 459, пример 38). Можно предположить, что автор исходит из некоторого нетривиального представления о сущности парентезы (вставки) — например, из фонетического. Если это так, автор был обязан уведомить об этом читателя.

5.2. Составное глагольное сказуемое. Во многих случаях (с. 57, 96—97, 137, 261—262, 472, 480, 483) автор рассматривает в качестве «полипредикатного комплекса» стандартное составное глагольное сказуемое. Такое понимание согласуется с определением клаузы Я. Г. Тестельца и соответствует принятому во многих работах (ср., например, [Летучий 2014]). Но на с. 165 неожиданно выясняется, что в системе автора представлены и такие понятия, как «финитный и нефинитный компоненты составного глагольного сказуемого»! Такое разнообразие интерпретаций материала, в частности, ставит под вопрос убедительность утверждений, связанных с параметром Clitic Climbing, «разрешающим/требующим выноса клитик из зависимой предикации в главную» (с. 97), так как во многих случаях «зависимая предикация» — это просто группа инфинитива в рамках составного глагольного сказуемого.

5.3. Обращение. На с. 407, разбирая пример из Ипатьевской летописи: *Тобѣ вы брате любо ли а выхомъ мы бра^т твоего держали*, — автор отмечает: «Здесь частица =бы, являющаяся наиболее поздней из клитик-частиц, остается во второй позиции, разрывая начальную группу обращения *тобѣ брате* ⇒ *тобѣ=бы брате*». Между тем «начальной группы обращения» здесь нет, есть одиночное обращение и субъектный датив *тобѣ* — аргумент безличного предиката *любо*, но никак не обращения. Согласиться со столь расширительной трактовкой понятия обращения невозможно.

Закключение. От предложений с барьерами — к лингвистике без барьеров. В отдельных случаях вопросы или сомнения возникают в связи с анализом примеров и/или квалификацией языковых фактов. Кроме того, любого читателя, который возьмет в руки эту замечательную книгу, следует предупредить о том, что его ждут бесчисленные недоработки корректора. Однако все это мы опускаем, и не столько потому, что перечень замечаний получился и без того пространным, сколько потому, что цель рецензента в принципе иная.

Помимо перечисленных выше, книга А. В. Циммерлинга обладает еще одним важным достоинством. Авторская теоретическая платформа, как уже указывалось, представляет собой «модифицированную грамматику составляющих с элементами грамматики зависимостей». Во Введении автор пишет о своих лекциях и докладах в разных аудиториях и странах: «Сразу обозначилась проблема метаязыка. Часть аудитории воспринимает данные языков мира и лингвистические модели только с позиций той теории и ее терминов, к которым они приучены, и неспособна изложить те же наблюдения и выдвинуть эквивалентные гипотезы в иной системе терминов и исходных понятий. Другая часть до определенной степени готова заниматься пересчетом научных идей из одной системы понятий в другую, но при

этом требует, чтобы привычные им термины были употреблены именно в тех значениях, которые они имеют в отстаиваемых лично ими теориях» (с. 11).

Проблема метаязыка — и, естественно, теоретических предпочтений — особенно остро стоит сейчас в отечественном языкознании. В Москве и Петербурге выросло уже второе поколение блестящих лингвистов, ориентирующихся примерно на тот же круг теоретических постулатов и принципов, что и автор рецензируемой книги. Эта группа (назовем ее «первой») не слишком многочисленна, но весьма авторитетна. Большинство же отечественных грамматистов (назовем их «второй» группой), как и в 1970-е гг., не имеет практически никакого представления ни о генеративизме, ни о различных течениях внутри него и ответвлениях от него и т. п. К сожалению, первые мало заботятся о том, чтобы быть понятыми вторыми, делая вид (вероятно, неосознанно), что до тех теорий, которые их вдохновляют, никакой лингвистики вообще не было. Достаточно, например, ознакомиться со списком литературы в [Летучий 2014], где самые ранние работы относятся к 1977 г., большинство же — к новому веку, как будто в трудах десятков отечественных языковедов XIX—XX вв. ничего существенного о переходности не было сказано. Неудивительно, что «вторые» от подобных работ отворачиваются, — а это во всех отношениях плохо. В то же время они делают вид, что за пределами отечества почти ничего заслуживающего внимания в грамматике не делается (за исключением нескольких широко известных книг); неудивительно, что и «первые» не читают «вторых», что точно так же плохо. Перед нами еще один барьер — на этот раз совсем другой природы.

Книга Циммерлинга замечательна еще и тем, что она написана человеком, который стремится преодолеть этот барьер и быть понятым любым читателем. Остается пожелать читателю не откладывать знакомство с этой книгой в долгий ящик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Дымарский 2007 — Дымарский М. Я. *Это / N_i V_j*: К понятию речевой синтаксической модели // Язык в движении: К 70-летию Л. П. Крысина. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 159—171. [Dymarskii M. Ya. *Eto / N_i V_j*: On the notion of the speech syntactic model. *Yazyk v dvizhenii: K 70-letiyu L. P. Krysina*. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2007. Pp. 159—171.]
- Дымарский 2016 — Дымарский М. Я. Обращение и теория барьеров // Вестник Новосибирского государственного педагогического ун-та. 2016. № 6. С. 150—163. [Dymarskii M. Ya. The address and the barrier theory. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2016. No. 6. Pp. 150—163. Available at: <http://en.vestnik.nspu.ru/article/2089>. DOI: 10.15293/2226-3365.1606.12.]
- Зализняк 2008 — Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянской культуры, 2008. [Zalizniak A. A. *Drevnerusskie enklitiki* [Old Russian enclitics]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2008.]
- Йокояма 2005 — Йокояма О. Б. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. М.: Языки славянской культуры, 2005. [Iokoyama O. B. *Kognitivnaya model' diskursa i russkii poryadok slov* [The cognitive model of discourse and the Russian word order]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2005.]
- Ковтунова 1976 — Ковтунова И. И. Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения. М.: Просвещение, 1976. [Kovtunova I. I. *Sovremennyi russkii yazyk: Poryadok slov i aktual'noe chlenenie predlozheniya* [Modern Russian. Word order and actual division of the sentence]. Moscow: Prosveshchenie, 1976.]
- Летучий 2014 — Летучий А. Б. Переходность. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики // <http://rusgram.ru> (на правах рукописи). М., 2014. [Letuchii A. B. *Perekhodnost'. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki* [Transitivity. Materials for the project of corpus-based description of the Russian grammar]. Available at: <http://rusgram.ru> (as manuscript). Moscow, 2014.]
- Падучева 1985 — Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985. [Paducheva E. V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu* [Utterance and its relationships with reality]. Moscow: Nauka, 1985.]
- Тестелец 2001 — Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001. [Testeleets Ya. G. *Vvedenie v obshchii sintaksis* [Introduction to general syntax]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2001.]

- Шведова 1964 — Шведова Н. Ю. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения // Вопросы языкознания. 1964. № 6. С. 77—93. [N. Yu. Shvedova. Determining object and determining adverbial modifier as independent extenders of the sentence. *Voprosy jazykoznanija*. 1964. No. 6. Pp. 77—93.]
- Янко 2001 — Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянских культур, 2001. [Yanko T. E. *Kommunikativnye strategii russkoi rechi* [Communicative strategies of the Russian speech]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2001.]
- Bhatt 1999 — Bhatt R. M. *Verb movement and the syntax of Cashmiri*. (Studies in Natural Language and Linguistic Theory. Vol. 46.) Dordrecht: Kluwer Academic Publ., 1999.
- Dryer 2011 — Dryer M. S. The evidence for word order correlations: A response to Dunn, Greenhill, Levinson and Gray's paper in "Nature". *Linguistic Typology*. 2011. Vol. 15. Pp. 335—380.
- Dryer 2013 — Dryer M. S. Order of subject, object and verb. *The World Atlas of Language Structures Online*. Dryer M. S., Haspelmath M. (eds.). Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. Available at: <http://wals.info/chapter/81>. Accessed on 2016.11.04.
- Gell-Mann, Ruhlen 2011 — Gell-Mann M., Ruhlen M. The origin and evolution of word order. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2011. Vol. 108. No. 42. Pp. 17290—17295. doi:10.1073/pnas.1113716108.

A. D. Sims. Inflectional defectiveness. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. xxii, 309 p. (Cambridge Studies in Linguistics 148.) ISBN 978-1-107-04584-2.

Пётр Михайлович Аркадьев

Peter M. Arkadiev

Институт славяноведения РАН, Москва, 119991, Российская Федерация; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, 125993, Российская Федерация; Московский педагогический государственный университет, Москва, 119991, Российская Федерация; peterarkadiev@yandex.ru

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 119991, Russian Federation; Russian State University for the Humanities, Moscow, 125993, Russian Federation; Moscow State Pedagogical University, Moscow, 119991, Russian Federation; peterarkadiev@yandex.ru

Явление морфологической дефектности, т. е. отсутствия у лексемы тех или иных «положенных» ей по правилам словоизменения данного языка форм, с одной стороны, давно и хорошо известно, с другой же стороны, до недавнего времени считалось примером морфологической нерегулярности *par excellence*, не подлежащим ни типологической, ни сколько-нибудь интересной теоретической интерпретации. Положение изменилось лишь в последние годы, см. в первую очередь сборник [Baerman et al. 2010]. Рецензируемая книга, принадлежащая перу американской славистки Э. Симс и являющаяся существенно переработанным и дополненным вариантом ее защищенной в 2006 г. диссертации [Sims 2006], — фактически первое монографическое исследование морфологической дефектности.

Основная цель книги, как неоднократно подчеркивает автор, — показать, что дефектность является не менее полноправным морфологическим феноменом, чем известные отклонения от «аддитивного эталона» [Плунгян 2000: 40], затрагивающие реальные словоформы (например, синкретизм, т. е. омонимия форм, и различные виды алломорфии), и что, более того, она может вытекать из общих принципов устройства морфологической системы. Чтобы доказать этот тезис, Симс, во-первых, рассматривает многочисленные случаи дефектности из целого ряда неродственных языков (помимо нескольких индоевропейских языков это, например, венгерский, мохок и чикасо) и, во-вторых, предлагает углубленный анализ дефектности в новогреческом и русском языках в рамках теоретико-информационной концепции словоизменительных парадигм, ставящей во главу угла имплицитивные отношения между словоформами и клетками парадигмы (см. об этом также, например, [Finkel, Stump 2007; Ackerman et al. 2009; Stump, Finkel 2013]).

Книга состоит из восьми глав и нескольких приложений. В первой главе («Introduction») явление дефектности иллюстрируется на примере 1 л. ед. ч. русских глаголов — этот пример затем подробно рассматривается в главе 7 — и обсуждаются предлагавшиеся ранее в теоретической литературе подходы к дефектности, сводящиеся либо к чисто техническому описанию этого явления при помощи признака [– lexical insertion] («форма отсутствует»), как в ранней работе М. Халле [Halle 1973], либо к трактовке дефектности как эпифеноменального результата неразрешимого конфликта нескольких морфологических правил, как в ряде работ А. Олбрайта [Albright 2003; 2009]. В обоих случаях дефектность рассматривается не как самостоятельное явление, а либо как случайная идиосинкразия конкретных лексем, либо, наоборот, как полностью предсказуемое на основании независимых принципов морфологии данного языка свойство. Симс, следуя таким работам, как [Anderson 2010] и [Boyé, Cabredo-Hofherr 2010], отвергает оба этих подхода и предлагает рассматривать дефектность парадигм как собственно морфологическое явление, не сводимое напрямую к другим и одновременно не изолированное от регулярных в той или иной степени отношений в парадигмах. Описывая теоретический фон своего исследования, Симс отмечает следующие предпосылки: во-первых, лексикон языка представляет собой сложно организованную структуру,

а не лишенную всякого теоретического интереса «тюрьму для нарушителей правил»; во-вторых, наиболее адекватны так называемые «словесно-парадигматические» (Word-and-Paradigm) модели морфологии, где главную роль играют словоформы и их системные взаимоотношения, а не морфемы; в-третьих, в свете данных экспериментальной психолингвистики, локальные морфологические регулярности (к числу которых может относиться и дефектность) обусловлены такими факторами, как частотность тех или иных форм и отношения формального и/или семантического сходства между лексемами, образующими так называемые «лексические банды» (lexical gangs), способные втягивать в область действия морфологических правил новые элементы (ср. известное обсуждение английских «неправильных» глаголов типа *stick* — *stuck* — *stuck* в работе [Bybee, Moder 1983]).

В главе 2 («Defining inflectional defectiveness») Симс показывает, что дать четкое операциональное определение парадигматической дефектности не так просто. Действительно, что означает утверждение, что некая словоизменительная форма отсутствует у данной лексемы? Сама постановка этого вопроса имплицитно предполагает неограниченную применимость словоизменительных правил, однако очевидно, что, например, отсутствие каких-либо форм кроме 3 л. ед. ч. у безличных глаголов типа *светать* и отсутствие формы 1 л. ед. ч. у глагола *победить* суть явления разного рода и что дефектен, скорее, глагол *победит*, нежели глагол *светать*. Предлагаемое Симс рабочее определение исходит из того, что дефектность сочетает отсутствие морфологического выражения с максимальной степенью его ожидаемости (с. 26): клетка парадигмы <L_C, F> дефектна у лексемы L грамматического класса C, если для правильно построенной комбинации граммем F, имеющей формальное выражение хотя бы у одной лексемы класса C, никакая форма лексемы L не может быть грамматически правильно употреблена в контексте, требующем выражения F при L. Данному определению соответствует глагол *победит*, поскольку ни в каком контексте, требующем граммеы 1 л. ед. ч. буд. вр. (например, *Если я ____ в шахматном турнире, я стану чемпионом мира*), нельзя употребить никакую форму данного глагола, при том что этот же смысл можно выразить описательно (например, *одержжу победу*). Напротив, для глагола *светать* подобрать такой контекст гораздо сложнее, если вообще возможно, поскольку отсутствие у него большей части форм определяется его семантикой, поэтому меньше оснований считать его дефектным.

Существенная часть главы 2 посвящена проблеме разграничения дефектности и ряда смежных явлений, таких как слабо дифференцированные падежи вроде русского второго предложного, нетривиальные соотношения между синтаксическими и морфологическими признаками (как, например, выражение прямого объекта в финском языке), аналитическое выражение каких-либо комбинаций граммем (как пассив перфекта в латыни). Во всех этих случаях, как показывает Симс, речь идет не только о выборе предпочтительного анализа эмпирических фактов, но и о градуальной природе самих морфологических явлений. Этому вопросу посвящен отдельный раздел, в котором автор демонстрирует, что данное выше определение дефектности не задает абсолютно четкого понятия, поскольку та или иная словоизменительная форма может быть в различной степени «ожидаемой» и в различной степени «отсутствующей». Так, например, различия в падежных парадигмах местоимений, терминов родства, прочих одушевленных и неодушевленных существительных в языке восточный помо можно рассматривать, с одной стороны, как «слабую дефектность», а с другой стороны, как частично семантически мотивированное несовпадение наборов граммем у разных грамматических классов. Кроме того, Симс отмечает, что дефектность необязательно сопряжена с полным отсутствием употреблений той или иной формы в корпусе (и, наоборот, такое отсутствие необязательно имплицитно дефектность) — речь должна идти о числе употреблений, существенно меньшем ожидаемого на основании данных о частотности самой лексемы и соответствующих форм. Так, английский глагол *forgo* ‘воздержаться’ не имеет нормативно принятой формы прошедшего времени, и известно, что носители затрудняются в выборе между теоретически возможными вариантами (*forwent* и *forgoed*); при этом, согласно Симс, в поисковой системе «Google» эти формы в сумме зафиксированы

в почти 400 тысячах примеров. Однако сравнение этой, казалось бы, значительной абсолютной цифры с частотностью прочих форм данного глагола (более 70 миллионов употреблений) показывает, что его прошедшее время имеет аномально низкую для английского глагола частотность, несомненно указывающую на то, что носители избегают данной формы¹.

В главе 3 («On the causes of inflectional defectiveness») выделено несколько причин морфологической дефектности: отсутствие необходимости в той или иной форме ввиду ее семантической или прагматической неестественности (как, например, отсутствие форм множественного числа у неисчисляемых или формы вокатива — у неодушевленных существительных), действие фонотактических ограничений (так, в венгерском языке глаголы с основами на кластер согласных не сочетаются с суффиксами, начинающимися на согласный; данное ограничение касается лишь тех случаев, когда у соответствующих основ и аффиксов нет алломорфов, позволяющих устранить запрещенные сочетания), собственно морфологические запреты на комбинаторику аффиксов (так, в языке чикасо глаголы одного из типов спряжения не имеют форм с объектом 1 или 2 л., поскольку это привело бы к возникновению запрещенного сочетания двух личных аффиксов из одного набора), морфосинтаксические ограничения (например, английский глагол *beware* ‘остерегаться’ употребляется лишь в позиции императива и инфинитива и поэтому не имеет никаких других форм²). Наконец, имеется значительное число случаев дефектности, не объяснимых никакими «внешними» факторами. Их Симс называет «irreducible patterns of defectiveness» (с. 75) — они и являются основным объектом изучения в книге.

В главе 4 («Productivity, defectiveness, and syncretism») подробно рассматривается вопрос о соотношении между дефектностью и синкретизмом как двумя разновидностями отсутствия специализированной формы для выражения той или иной комбинации граммем при данной лексеме. Действительно, четко разграничить эти явления не всегда возможно, особенно в ситуации малопродуктивных граммем вроде русского второго предложного падежа. Поскольку его функции у имен, не имеющих специализированной формы, перенимает «первый» предложный падеж, в данном случае следует усматривать синкретизм, а не дефектность. Симс также приводит интересный случай из языка мохок, где формы неопределенного посессора женского рода при лексемах, обозначающих старших родственников женского пола («ее бабушка»), синкретичны с другими посессивными формами, а при лексемах, обозначающих старших родственников мужского пола («ее дедушка»), напротив, дефектны, так что этот смысл выражается иными средствами. Анализ взаимодействия дефектности и продуктивности граммем приводит автора к парадоксальному на первый взгляд выводу

¹ Тут стоит также отметить, что с точки зрения анализа дефектности сбалансированные корпуса текстов, даже весьма обширные, оказываются малопоказательными — по крайней мере, если оперировать лишь абсолютными цифрами (см. [Piperski 2015]). Так, в [НКРЯ] форма 1 л. ед. ч. буд. вр. *побежду* (sic! а не ожидаемая по морфонологическим правилам *побежу*, встречающаяся лишь два раза и в явно игровых контекстах) от глагола *победить* встречается по меньшей мере четыре раза (если исключить контексты явно церковнославянские), а аналогичная форма от глагола *облагородить* — ни одного раза. Тем не менее общая частотность всех форм глагола *победить* в [НКРЯ] достигает почти 14 тыс. употреблений, а глагола *облагородить* — 450 вхождений, относительная же частотность формы 1 л. ед. ч. по отношению к другим формам русских глаголов (по подкорпусу со снятой омонимией) составляет чуть более 3%. Тем самым ожидаемая абсолютная частотность искомой формы глагола *победить* оказывается около 470 вхождений, т. е. более чем в 100 раз выше наблюдаемой, в то время как для глагола *облагородить* она составляет 15 вхождений. Несмотря на то, что при столь грубых подсчетах различие между двумя глаголами не является статистически существенным (критерий хи-квадрат, $p > 0,7$), очевидно, что полное отсутствие в корпусе искомой формы глагола *облагородить* гораздо проще объяснить особенностями его семантики, стилистики и жанров текстов, где он употребляется, нежели крайнюю редкость соответствующей формы глагола *победить*.

² Следует подчеркнуть, что данное ограничение является синтаксическим, а не чисто морфологическим — форма *beware* в контексте презенса (кроме 3 л. ед. ч.) также недопустима, точнее, исключительно редка.

о том, что дефектность является средством выражения (means of exponence) граммем или их комбинаций, во многом таким же, как реальные словоформы.

Отдельный раздел этой главы посвящен ситуациям, где дефектность и синкретизм затрагивают пересекающиеся множества клеток парадигмы. Вслед за работой [Stump 2010] в нем выделены следующие типы их взаимодействия: i) дефектность «перевешивает» синкретизм, т. е. из двух обычно омонимичных клеток парадигмы одна реализуется, а другая — нет (как, например, в склонении ведийского местоимения 3 л. *ena*, у которого нет форм номинатива, в то время как омонимичные ей формы аккузатива существуют³); ii) синкретизм «перевешивает» дефектность, т. е. в парадигме, где по каким-либо причинам ожидается отсутствие данной формы, она имеется и омонимична какой-либо другой (как опять-таки в склонении ведийского *ena*, не имеющего форм генитива и локатива в единственном и множественном числах, но не в двойственном, где они совпадают); iii) синкретизм предопределяет дефектность, иными словами, дефектными оказываются все клетки, вовлеченные в модель синкретизма (как в парадигме ведийского *yakan* ‘печень’, не имеющего форм номинатива, аккузатива и вокатива, которые синкретичны у всех прочих лексем среднего рода). Помимо указанных примеров, Симс подробно разбирает различные случаи взаимодействия дефектности и синкретизма из исландского, новогреческого и латышского языков. Последний случай особенно интересен, поскольку демонстрирует четвертый тип взаимодействия синкретизма и дефектности, а именно их (частичную) дополнительную дистрибуцию: в парадигме латышских рефлексивных отглагольных имен действия женского рода отсутствуют формы датива и локатива, которые в нерефлексивных существительных не омонимичны никаким другим формам, в отличие от вступающих в сложные отношения синкретизма номинатива, аккузатива и генитива. Автор заключает главу следующим наблюдением: синкретизм и дефектность различаются лишь тем, как устанавливается соответствие между синтаксическими признаками и морфологическим выражением. При синкретизме разным синтаксическим признакам ставится в соответствие одна форма, а при дефектности синтаксический признак вовсе не имеет выражающей его формы, но в обоих случаях форм в парадигме оказывается меньше, чем различаемых синтаксисом граммем.

Главы 5 и 6 посвящены анализу дефектности в новогреческих именных парадигмах. В главе 5 («Principal parts, predictability, and paradigmatic gaps») автор подходит к дефектности с точки зрения информационно-теоретической модели отношений между клетками в парадигме, основанной на количественной мере того, насколько та или иная словоформа может «предсказать» другие словоформы данного словоизменительного класса и насколько эта словоформа, в свою очередь, предсказуема на основании других словоформ, а также общей мере энтропии словоизменительной парадигмы [Ackerman, Malouf 2013]. Дефектность генитива множественного числа в новогреческом характерна для значительного числа существительных нескольких типов склонения, и Симс показывает, что возникает она как следствие высокой условной энтропии данной клетки парадигмы, которая в наименьшей степени информативна относительно других форм и одновременно наименее предсказуема. Кроме того, автор показывает, что дефектность связана с чередованиями основ и акцентными типами имен и, что немаловажно, особенно характерна для низкочастотных лексем. Отсюда следует, что дефектность может возникать из-за того, что носители языка, никогда

³ Симс приводит в качестве второго такого примера русский язык, где, как она полагает, одушевленные существительные с дефектностью в род. п. мн. ч. типа *карга* тем не менее имеют омонимичную форму вин. п. мн. ч. (с. 84—85). Данное утверждение, однако, неверно: согласно [НКРЯ], из приведенных Симс на с. 85 существительных такого типа формы вин. п. мн. ч. зафиксированы лишь у слова *мулла*, которое, однако, имеет и свободно употребляющуюся форму род. п. мн. ч. (*мулл*). Форм типа **карг* или **егоз* в корпусе нет ни в какой функции; формы **брюзг* и **сайг* встречаются по одному разу, причем первая в функции вин. п., а вторая — в функции род. п. В поисковой системе «Yandex» отмечено несколько вхождений формы **брюзг* в функции обеих падежей, а надежных примеров форм **егоз*, **гомоз*, **балд* не обнаружено вовсе; впрочем, лексемы *егоза* и *гомоза*, по-видимому, не имеют подпарадигмы множественного числа вообще, а не только род. п. мн. ч.

не встречавшие форму ген. мн. ч. низкочастотного существительного, затрудняются построить ее из-за неопределенности морфологических и акцентных правил⁴.

В главе 6 («Irreducible gaps and the morphologization of defectiveness») обсуждается вопрос о том, в какой степени дефектность у новогреческих существительных продолжает быть мотивированной парадигматической неопределенностью, а в какой претерпела лексикализацию. С этой целью Симс провела эксперимент, в ходе которого носителям новогреческого были предъявлены дефектные и недефектные существительные и контекст, требующий формы ген. мн. ч. Носители должны были заполнить пропуск требуемой формой и оценить степень уверенности, с которой они ее построили. Результаты эксперимента демонстрируют, во-первых, что, хотя степень уверенности в порождении недефектной формы в среднем существенно выше, чем таковая в случае дефектной формы, между двумя классами имен имеется довольно обширная зона пересечения; во-вторых, предсказуемым образом, наблюдается положительная корреляция между степенью уверенности носителей и степенью согласия между ними в результирующих формах; с другой стороны, и в случае дефектных существительных носители могли демонстрировать единообразие в порождении формы, при этом высказывая низкую уверенность. Это позволяет Симс прийти к следующему выводу: именно знание о том, что данная форма не употребляется, вызывает неуверенность испытуемых, а не наоборот; тем самым по крайней мере часть дефектных существительных в новогреческом являются таковыми в силу лексикализации, а не из-за морфологической и акцентной неопределенности. Помимо этого автор рассматривает дефектность ген. мн. ч. в контексте более общей тенденции к устранению генитива в новогреческом и замещения части его употреблений сочетаниями предлогов с аккузативом. Для проверки гипотезы о том, что замещение ген. мн. ч. предложным сочетанием предпочтительно в случаях парадигматической неопределенности, Симс провела еще один эксперимент, где носителям предлагались на выбор формы ген. мн. ч. и предложные сочетания, образованные от имен с разными акцентными свойствами и различной текстовой частотностью. Результаты эксперимента показывают роль как частотности (испытуемые охотнее выбирали ген. мн. ч. от более частотных существительных), так и ударения (испытуемые наименее охотно выбирали ген. мн. ч. от имен с непредсказуемым ударением в данной форме).

Глава 7 («On learnability and the dynamic organization of the lexicon») посвящена анализу дефектности в 1 л. ед. ч. русских глаголов второго спряжения и потому заслуживает более подробного обсуждения. Основной вопрос, которым Симс задается в этой главе, состоит в том, как носители языка усваивают дефектность в отсутствие отрицательного материала — далеко не во всех случаях ребенок, усваивающий русский язык, получает информацию об отсутствии той или иной формы напрямую («проблема отрицательных данных», *negative evidence problem*). Эта проблема усугубляется еще двумя обстоятельствами: во-первых, дефектность нередко встречается у низкочастотных лексем, распределение форм которых не позволяет сделать вывод о наличии или отсутствии формы на основании наблюдаемых данных («проблема скудости данных», *sparse data problem*); во-вторых, несмотря на то, что дефектность может быть ограничена определенными фонологическими, морфологическими или семантическими классами, дефектные лексемы в таких классах обычно составляют меньшинство, что опять-таки создает, скорее, ожидание наличия формы, а не ее отсутствия («проблема меньшинства», *minority pattern problem*).

Глава начинается с описания релевантного фрагмента русского спряжения; к сожалению, автор не приводит полного списка глаголов, которые она рассматривает как дефектные, и не указывает, на какие именно источники она опиралась. Помимо данных словарей и грамматических описаний Симс использовала также материал [НКРЯ], трактуя в качестве дефектных такие глаголы (из тех, что встречаются с частотностью более 0,5 ipm),

⁴ Здесь нельзя не провести параллель с русскими существительными типа *мечта* или *кочерга*, дефектность род. п. мн. ч. которых, возможно, также может быть объяснена нетривиальным взаимодействием алломорфии, чередований основ и акцентуации, см., например, [Pertsova 2005].

у которых, во-первых, суммарная частотность форм 3 л. обоих чисел не превышает 95% (это исключает безличные и близкие к ним глаголы) и, во-вторых, частотность формы 1 л. ед. ч. не превышает 1% от всех форм презенса⁵. Она отмечает, что дефектность особенно распространена среди глаголов с основой на зубной согласный (9,6% против 3,1% у остальных типов основ), а среди них дефектность особенно характерна для основ на *д* (12,4%) и *з* (10,2%).

Обращаясь к проблеме усвоения дефектности, Симс отмечает, в частности, что модель «консервативного усвоения» (conservative learning), выдвинутая М. Томаселло [Tomasello 2000] и основанная на предположении, что дети при усвоении языка редко делают обобщения за пределами входных данных, в данном случае не работает, поскольку предсказывает дефектность «по умолчанию», которой, естественно, не наблюдается. Вместо этого Симс предлагает байесовскую статистическую модель, в которой носитель ожидает, что каждый новый глагол при прочих равных условиях будет иметь частотное распределение форм, сходное с тем, которое носитель успел вывести на основании уже имеющихся данных. Модель предсказывает, что низкая (в пределе нулевая) частотность формы 1 л. ед. ч. сама по себе служит свидетельством дефектности лишь при высокой общей частотности лексемы. Дополнительный параметр, который Симс включает в модель для повышения ее предсказательной силы, — морфонологические особенности глаголов, т. е. уже упомянутая выше более высокая вероятность дефектности у глаголов с основой на зубной (эффект «лексической банды»). Поскольку априорная вероятность оказаться дефектным у глагола на зубной выше, чем у произвольного глагола, носителю для проверки гипотезы о дефектности таких глаголов требуется меньшее общее число наблюдений. В такой модели три указанные выше проблемы усвоения решаются следующим образом. Проблема отрицательных данных вообще снимается, поскольку модель предсказывает, что носители способны вывести дефектность или ее отсутствие из доступных им частотных распределений форм. Проблема скудости данных и проблема меньшинства решаются за счет того, что усвоение дефектности у высокочастотных глаголов вроде *победить* качественно отличается от ее усвоения у низкочастотных глаголов типа *дудеть* — в первом случае носителю достаточно опираться на нестандартное частотное распределение форм, во втором необходимо учитывать дополнительный фактор фонологического сходства с уже установленными дефектными глаголами: дефектность у низкочастотных глаголов с основой на зубной поддерживается аналогией с высокочастотными дефектными глаголами той же структуры. Для проверки своей модели Симс провела эксперимент по компьютерной симуляции усвоения и стабильности дефектности у русских глаголов. Не вдаваясь в технические детали, отмечу, что эксперимент демонстрирует значимость морфонологических свойств лексем и аналогических отношений между формально сходными лексемами, а также зависимость «времени жизни» дефектности от частотности лексемы. Интересным образом, эксперимент показал, что у высоко- и низкочастотных лексем фонологические свойства играют лишь незначительную роль, не способствуя поддержанию дефектности у первых и сохранению ее у вторых; напротив, в случае лексем средней частотности морфонологический фактор оказывается значимым, что говорит о роли «лексических банд» и аналогии в формировании и сохранении дефектности. Это еще раз подтверждает мысль Симс об отсутствии принципиальных отличий дефектности от других морфонологических явлений.

В главе 8 («The implicative structure of the paradigm and other concluding thoughts») Симс подводит итоги книги и обращается к ряду более общих вопросов. В разделе 8.2 сформулирован неожиданный, на первый взгляд, вывод о том, что случаи дефектности можно рассматривать как своего рода алломорфы, существующие наряду с выраженными показателями тех или иных граммем или их комбинаций и возникающие закономерно, а не в результате

⁵ Здесь следует отметить, что обращение к [НКРЯ], по признанию автора, датируется маем 2006 г., когда объем корпуса был существенно меньше, чем в настоящее время. При подготовке монографии на основе диссертации следовало бы обновить количественные данные.

«системных сбоев». Важным свидетельством в пользу такой точки зрения служит то, что, как было показано в книге, парадигматические лакуны подчиняются в сущности тем же принципам морфологии, что и «нормальные» алломорфы, в частности, они чувствительны к таким факторам, как фонологическое и морфологическое окружение и процессы аналогии. Следующий раздел главы посвящен вопросу о статусе парадигмы в морфологической теории. В словесно-парадигматических моделях морфологии парадигмы обычно рассматриваются как теоретический конструкт, позволяющий описывать словоизменительные системы и их взаимодействие с синтаксисом. Тем не менее, отчасти парадоксальным образом, до недавнего времени собственно отношения между формами, организованными в парадигмы, практически не были объектом теоретического рассмотрения. Изучение дефектности, однако, приводит к независимо высказанному в целом ряде психолингвистических и компьютерно-лингвистических исследований, обзор которых дает автор, выводу о том, что в основе морфологического компонента языка лежат именно парадигматические отношения, основанные не столько на целостной системе правил порождения форм, сколько на частных обобщениях, касающихся конкретных, зачастую закрытых множеств лексем и фрагментов их словоизменительных парадигм.

В приложении («Information-theoretic and other probability-based measures of inflectional structure») объясняется использованный в главах 5 и 7 математический аппарат. Книга завершается списком литературы и указателем.

Переходя к критическим замечаниям, начну с весьма досадной для русского читателя ошибки: в вынесенной в эпиграф к главе 1 цитате из песенки Винни-Пуха («Винни-Пух и все-все-все», А. Милн в пересказе Б. Заходера) вместо правильного *побежду я любую беду*, что следовало бы перевести на английский как ‘I will overcome any trouble’, Симс приводит бессмысленное *побежду, я люблю беду* (с. 1, перевод в сноске 1: ‘I will conquer, I love trouble’) и повторяет эту ошибку при анализе цитаты на с. 5. Встречаются и другие ошибки в русских словах, например, в сноске 3 на с. 2 помета «1 ед. затрудн.» из «Грамматического словаря русского языка» А. А. Зализняка [1980] расшифрована как «1 ед. затрудняется»; на с. 82—83, описывая еще один пример обыгрывания дефектности в русской литературе, а именно рассказ М. Зощенко «Кочерга», автор, как кажется, имеет в виду, что слово *кочерыжка* является уменьшительным (diminutive) от *кочерга*; на с. 90 приводится странное *чаща чаю* вместо *чашича чаю*, а на с. 91 перепутаны род. п. ед. ч. и счетная форма слова *час*: **два часа* и **часть часа* вместо верного *два часа* и *часть часа*; не вполне ясно, что автор имеет в виду на с. 217, говоря о глаголе *читать*, форма 1 л. ед. ч. которого свободно образуется, хотя и не вполне ожидаемым образом (*читу*). Есть и ряд других опечаток и недочетов оформления, например, в библиографии на с. 291—292 нарушен алфавитный порядок (Hirsh-Pasek идет перед Haspelmath).

Некорректно использовать термин «mood» (наклонение) по отношению к пассиву (с. 38) и каузативу (с. 61). Исландские глагольные формы на с. 107—109 следовало привести не только в фонологической транскрипции, но и в принятой орфографии. Стоит также указать на то, что обсуждение русского второго предложного на с. 90—94 не учитывает статьи [Плунгян 2002], где часть ограничений на образование данной формы предлагается объяснять семантически; тем самым не кажется точным утверждение на с. 131, что различие двух предложных падежей в русском языке «нерелевантно для синтаксиса».

Заключая, подчеркну, что монография Симс представляет значительный интерес для морфологов, поскольку является, как уже было отмечено, фактически первым систематическим исследованием парадигматической дефектности, не ограниченным материалом одного языка и, что особенно важно, включающим это явление и методологию его изучения в более общий контекст теоретических изысканий последних лет, сочетая собственно морфологический анализ с математическим и компьютерным моделированием и лингвистическими экспериментами. Нельзя не отметить также живости и ясности изложения, способствующих тому, чтобы книга на столь специальную, казалось бы, тему читалась с большим интересом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Зализняк 1980 — Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1980. [Zalizniak A. A. *Grammaticheskiĭ slovar' russkogo yazyka* [Grammatical dictionary of Russian]. Moscow: Russkii Yazyk, 1980.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Плунгян 2000 — Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000. [Plungian V. A. *Obshchaya morfologiya. Vvedenie v problematiku* [General morphology. Introduction to the problematics]. Moscow: Editorial URSS, 2000.]
- Плунгян 2002 — Плунгян В. А. К семантике русского локатива («второго предложного» падежа) // Семиотика и информатика. 2002. Вып. 37. С. 229—254. [Plungian V. A. Towards the semantics of Russian locative («2nd prepositional» case). *Semiotika i informatika*. 2002. No. 37. Pp. 229—254.]
- Ackerman, Malouf 2013 — Ackerman F., Malouf R. Morphological organization: The low conditional entropy conjecture. *Language*. 2013. Vol. 89. No. 3. Pp. 429—464.
- Ackerman et al. 2009 — Ackerman F., Blevins J., Malouf R. Parts and wholes: Patterns of relatedness in complex morphological systems and why they matter. *Analogy in grammar: Form and acquisition*. Blevins J. P., Blevins J. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2009. Pp. 54—82.
- Albright 2003 — Albright A. A quantitative study of Spanish paradigm gaps. *Proceedings of the 22nd West Coast Conference on Formal Linguistics*. Garding G., Tsujimura M. (eds.). Somerville (MA): Cascadia Press, 2003. Pp. 1—14.
- Albright 2009 — Albright A. Lexical and morphological conditioning of paradigm gaps. *Modeling ungrammaticality in Optimality Theory*. Blaho S., Rice C. (eds.). London: Equinox, 2009. Pp. 117—164.
- Anderson 2010 — Anderson S. R. Failing one's obligations: Defectiveness in Rumantsch reflexes of DÉBÈRE. *Defective paradigms: Missing forms and what they tell us*. Baerman M., Corbett G. G., Brown D. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2010. Pp. 19—34.
- Baerman et al. 2010 — Baerman M., Corbett G. G., Brown D. (eds.). *Defective paradigms: Missing forms and what they tell us*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2010.
- Boyé, Cabredo-Hofherr 2010 — Boyé G., Cabredo-Hofherr P. Defectiveness as stem suppletion in French and Spanish verbs. *Defective paradigms: Missing forms and what they tell us*. Baerman M., Corbett G. G., Brown D. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2010. Pp. 35—52.
- Bybee, Moder 1983 — Bybee J. L., Moder C. L. Morphological classes as natural categories. *Language*. 1983. Vol. 59. No. 2. Pp. 251—270.
- Finkel, Stump 2007 — Finkel R. A., Stump G. T. Principal parts and morphological typology. *Morphology*. 2007. Vol. 17. Pp. 39—75.
- Halle 1973 — Halle M. Prolegomena to a theory of word formation. *Linguistic Inquiry*. 1974. Vol. 4. No. 1. Pp. 3—16.
- Pertsova 2005 — Pertsova K. How lexical conservatism can lead to paradigm gaps. *UCLA Working Papers in Linguistics*. 2005. No. 11. Pp. 13—30.
- Piperski 2015 — Piperski A. To be or not to be: Corpora as indicators of (non-)existence. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference "Dialogue"*. 2015. Vol. 1. No. 14. Pp. 515—522.
- Sims 2006 — Sims A. *Minding the gaps: Inflectional defectiveness in a paradigmatic theory*. Doct. diss. Columbus (OH): Ohio State Univ., 2006. Available at: https://slavic.osu.edu/sites/slavic.osu.edu/files/sims_dissertation_2006.pdf
- Stump 2010 — Stump G. T. Interactions between defectiveness and syncretism. *Defective paradigms: Missing forms and what they tell us*. Baerman M., Corbett G. G., Brown D. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2010. Pp. 181—210.
- Stump, Finkel 2013 — Stump G. T., Finkel R. A. *Morphological typology: From word to paradigm*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013.
- Tomasello 2000 — Tomasello M. First steps towards a usage-based theory of language acquisition. *Cognitive Linguistics*. 2000. Vol. 11. No. 1. Pp. 61—82.

А. Н. Соболев, А. А. Новик (ред.). Голо Бордо (Gollobordë), Албания: из материалов балканской экспедиции РАН и СПбГУ 2008—2010 гг. СПб.: Наука, 2013. 272 с. [A. N. Sobolev, A. A. Novik (eds.). *Golo Bordo (Gollobordë), Albaniya: iz materialov balkanskoi ekspeditsii RAN i SPbGU 2008—2010 gg.* [Golo Bordo (Gollobordë), Albania: Selected materials from the 2008—2010 Balkan expeditions of RAS and SPbU]. St. Petersburg: Nauka, 2013. 272 p.]. ISBN 978-5-02-03-8322-7; München: Verlag Otto Sagner, 2013. ISBN 978-3-86688-224-9*.

Анна Аркадьевна Плотникова

Anna A. Plotnikova

Институт славяноведения РАН, Москва, 119991,
Российская Федерация;
annaplotn@mail.ru

The Institute of Slavic Studies, Russian Academy
of Sciences, 119991, Russian Federation;
annaplotn@mail.ru

Перед нами комплексное балканистическое исследование, посвященное одному региону в Албании (Gollobordë), который в течение нескольких лет изучался авторами рецензируемой коллективной монографии — лингвистами и этнографами. Выход книги во многом обеспечен предшествующей работой А. Н. Соболева, М. В. Домосилецкой, А. Ю. Русакова и др. над созданием «Малого диалектологического атласа балканских языков»/«Kleiner Balkansprachatlas» [МДАБЯ]. И в Атласе, и в рецензируемой коллективной монографии использовались одни и те же программы для сбора полевого материала, применялись идентичные методы экспедиционной работы, заложенные в вопросниках 1996—1997 г. [Плотникова 1996/2009; Домосилецкая и др. 1997; Соболев и др. 1997], направленных на как можно более полную презентацию территориальных балканских диалектов и локальных вариантов культур. Известно, что «Малый диалектологический атлас балканских языков» своим названием «малый» обязан лишь небольшому количеству исследованных балканских территориальных диалектов (сетка составляет 12 пунктов), тогда как объемные по содержанию вопросники ориентированы на очень подробное изучение каждого из них. Именно обширность вопросников по программе МДАБЯ способствовала их дальнейшему использованию в новых проектах, посвященных самым разным балканским регионам. Следует отметить и тот факт, что коллективная монография включает и новые аспекты исследования («Фитонимия», «Наблюдения над материальной культурой», «Наблюдения над женской субкультурой», «Вопросы идентичности»), которые не были охвачены программой МДАБЯ из-за ее лингвистического характера.

Сразу подкупает многоаспектность настоящего издания: исследование велось в разных направлениях, о чем свидетельствует уже само оглавление книги. В названии монографии авторы используют термин «балканский», показывая разнообразие своих научных интересов в плоскости изучения балканского языкового союза и балканской картины мира во всем ее многообразии (ср. аналогичные подходы к проблематике «балканского» в современной отечественной научной литературе [Цивьян 1990; Плотникова 2004; Седакова 2007]). Комплексность предпринятого исследования заслуживает высокой оценки, поскольку напоминает о былом величии монументальных исследований, посвященных языку, народной культуре и фольклору изучаемых регионов (см., например, труды Сербской академии наук и искусств, Болгарской академии наук и др.).

В вышедшей монографии именно языку уделяется особое внимание: подробно представлены фонетика, грамматика и лексика славян Голо Бордо, причем подраздел, посвященный

* Рецензия написана в рамках работы по гранту РГНФ — проект № 16-04-00101 «Образ человека в языке и культуре славян», руководитель С. М. Толстая.

лексике и фразеологии, включает как общие наблюдения (автор А. Н. Соболев), так и специфическую терминологию (из сферы животноводства, системы терминов родства и семейного этикета, фитонимии; авторы А. Н. Соболев, М. С. Морозова, М. В. Домосилецкая, В. Б. Колосова). В целом славянам Голо Бордо посвящена значительная часть книги (первая часть «Славяне Голо Бордо»), собственно албанцам — всего 12 страниц издания (два раздела: «Албанцы Голоборды» и «Диалектный текст», автор А. Ю. Русаков), написанных хотя и лаконично, но содержательно, четко и доходчиво. Справедливости ради также отметим, что отдельные сведения о населяющих регион албанцах можно найти и в других разделах, в частности там, где представлен сопоставительный языковой, фольклорный и этнографический материал. С учетом смешанного многонационального и поликонфессионального состава населения применение такого подхода, при котором славяне региона (т. е. носители южнославянского диалекта, как мусульмане, так и православные) находятся в центре внимания авторов монографии, целесообразно и перспективно — обратим внимание на повышенный в настоящее время интерес к подобного рода исследованиям славянских меньшинств в иноязычном, иноэтничном и иноконфессиональном окружении [Nowicka, Gluszkowski 2013; Славяне-мусульмане на Балканах 2014; Плотникова 2016].

Введение содержит сведения о проведенных экспедициях и самой коллективной монографии (цели изучения региона; программы, по которым велось исследование, включая рукописные; хронику работ и список ее участников). Затем следует раздел общего плана, характеризующий Западные Балканы, а именно пограничные регионы Дебар и Голо Бордо. В сноске к этому разделу «Западные Балканы: пограничные микрорегионы Дебар и Голо Бордо» указано, что он является частью монографии [Соболев 2013]. Решение редакторов о включении в книгу части монографии, находившейся на тот момент в печати, не лишено оснований: во-первых, раздел знакомит читателя с балканскими регионами, спецификой балканского менталитета, местом и особенностями проживания там населения (в относительно изолированной единой группе по целому ряду признаков), а также и с «балканским регионоведением» (термин автора, с. 17), во-вторых, даются общие сведения об изучении Балкан сербскими, македонскими, болгарскими, албанскими и другими учеными на протяжении последних двух столетий. Эта информация представляется крайне важной и полезной для читателей книги. Вместе с тем именно в эту часть (подраздел «Из истории изучения языка и культуры Голо Бордо») включено и необоснованно широкое, на наш взгляд, описание претенциозных взглядов македонских, с одной стороны, и болгарских, с другой, ученых на проблему идентичности носителей южнославянской языковой и культурной традиции, с приведением длинных цитат и даже подробных текстов из их книг, указывающих на «откровенно суггестивный характер проведенных бесед» (с. 29). Думается, что проблема политической ангажированности, присутствующая в ряде таких зарубежных публикаций, не заслуживает того, чтобы ей отводили столь почетное место в коллективной научной монографии.

Далее исследуется этноконфессиональный состав сел в регионе Голо Бордо, дается краткая информация об исследованных селах: состав населения, статистические и другие данные, в том числе неуместно подробное примечание о селе Требиште, в котором наряду с фольклорным материалом (легенда о переходе жителей села в ислам) почему-то приводится читательское рукописное замечание (*totalna laž* ‘полная ложь’) в книге М. Филиповича по поводу анекдота о неграмотном мулле из Требишта (труд Филиповича хранится в Народной библиотеке Сербии в Белграде), причем в том же примечании автор сообщает о своих собственных наблюдениях над невысокой степенью соблюдения мусульманами правил относительно потребления алкоголя, однако строгих запретов в отношении содержания свиней (с. 38).

Основная часть книги («Славяне Голо Бордо») включает прежде всего раздел «Язык. Фонетика и грамматика», в примечании к которому значится: «Настоящий раздел опубликован в виде отдельной статьи [Соболев 2012]». Совершенно очевидно, что коллективная монография, предполагающая описание целого региона, должна охватывать основные языковые

уровни описываемого говора. Автор заключает, что приведенные им фонетико-фонологические и грамматические характеристики говора свидетельствуют в целом о его «витальности, системности и комплексности, о полноте и неограниченности лингвистической компетенции его носителей (...)» (с. 60). Особо следует подчеркнуть вывод «о его сложной и многосоставной восточноюжнославянской генетической базе» (там же), которую автор с полным правом относит к периферии македонского языкового континуума, выделяя при этом общность развития с другими македонскими диалектами. Отмечается и незначительное прямое албанское влияние.

Интереснейший, с нашей точки зрения, раздел «Лексика» открывается «Общими наблюдениями над лексикой и фразеологией». Правда, именно сюда почему-то вошли и некоторые иные наблюдения А. Н. Соболева, в частности над использованием албанской латиницы, слабым пониманием македонской кириллицы и др. (с. 64). Обстоятельно представлены зафиксированные в экспедиции лингвонимы (например, 'албанский язык', 'славянский язык' и др.), этнонимы ('албанцы', 'славяне'), конфессионализмы, среди которых: 'бекташи', 'мусульмане-сунниты Голо Бордо', 'православные' (как экзоним и как эндоним). Ценным и весьма перспективным в виду многонационального смешанного состава населения региона представляется и вывод структурно-типологического характера: «только из оппозиций, реализуемых этими лексемами и их группами, реконструируется четкая система терминов самоидентификации говорящего и идентификации другого в Голо Бордо» (с. 64).

Обстоятельные разделы о терминологической лексике родства и семейного этикета, животноводства, фитонимии края дают представление о лексическом составе говора и его особенностях. Подраздел «Фитонимия» снабжен также и краткими историко-лингвистическими и семантическими комментариями (с. 117). С учетом того, что монография в целом имеет объем чуть больше 19 а. л. и, очевидно, ориентирована лишь на частичную публикацию имеющихся полевых материалов и их первичный анализ (что, впрочем, следует и из подзаголовка книги: «Из материалов балканской экспедиции...»), такой выбор исследования лексики края можно считать приемлемым. Вместе с тем это коллективное произведение не может быть поставлено в один ряд с трудами, указанными в «балканском регионоведении» (названным автором «крупным»): например, с серией «Етнографски проучвания на България» (Добруджа, Пирински край, Родомы, Странджа и т. д.) (с. 18), с белградской серией «Српски етнографски зборник» и т. д. В этом плане коллективную монографию под редакцией А. Н. Соболева и А. А. Новика можно считать успешным началом подобных исследований, поскольку планы авторов обозначены широко (с. 8—9), однако результат в виде рецензируемой коллективной монографии пока можно характеризовать только как приближение к основательной разработке данной темы.

Раздел «Традиционная культура» содержит «Наблюдения над материальной культурой» (автор А. А. Новик), а также подразделы, посвященные народной духовной культуре: «Духовная культура» (автор А. Н. Соболев), «Обряды перехода» (которые включают «Родинную обрядность», «Погребально-поминальную обрядность и культуру захоронений», «Наблюдения над женской субкультурой»; авторы А. С. Дулгушина, М. С. Морозова, Д. С. Ермолин). Укажем, что книга снабжена качественными иллюстрациями, представляющими в том числе не только примечательные предметы материальной культуры (одежду, ковры, покрывала, украшения и пр.), но и отдельные фрагменты родинной и свадебной обрядности. Ценными для последующих исследований материалами являются «Фольклорные тексты» (с объяснением по поводу кириллицы в болгарском варианте: «первые четыре текста заимствованы из монографии Веселки Тончевой и приводятся в болгарской орфографии», с. 182) и «Диалектные тексты». К сожалению, в последних «реплики интервьюера устранены», а «паузы отмечены многоточием» (с. 186), что оставляет неясным значение многоточия в данном случае: паузы в речи информанта или замена реплик интервьюера. Вместе с тем для каждого из диалектных текстов дается его тема (например, «заклание козленка и разделка туши») и/или мотив (например, «мифология: ведьмы спустили луну с неба»), что сразу ориентирует читателя на выбор нужной для него этнокультурной, фольклорной и иной информации.

Весьма добротнo описаны этнографом А. А. Новиком традиционная одежда и традиционные украшения, варианты вышивок, элементы сельской архитектуры, однако именно этот раздел очень слабо отработан в плане терминологической лексики, что, видимо, закладывалось изначально с целью представить в монографии не только собственно лингвистические работы, но и исключительно этнографические. Комплексный лингво-этнографический подход должен был обеспечить следующий подраздел «Духовная культура» (автор А. Н. Соболев). Полевые данные для этого и следующего за ним подраздела («Обряды перехода») собирались по этнолингвистической программе А. А. Плотноковой [1996/2009], созданной на основе многолетней работы членов Московской этнолингвистической школы в рамках исследования Полесья (см., например, [ПЭС]) и составления словаря «Славянские древности» [СД]; комплексность лингвокультурного исследования реализована в этих трудах в полной мере. Эти разделы в рецензируемой книге представлены достаточно основательно; ряд данных особенно интересен для сопоставительного этнолингвистического изучения Балкан. С этой точки зрения в народном календаре мусульманского населения можно выделить *bábite* ‘три дня в марте, когда стоит плохая погода’ с указанием на известную легенду о мартовской старухе (текст с мотивом петрификации приведен как часть диалога о празднике в разделе «Диалектные тексты»); в народной мифологии — вербальную оппозицию *álal* — *áram*, обозначающую «добронамеренные и злонамеренные помыслы и действия человека» (с. 140); подробное описание амулетов и оберегов с указанием на обозначающую их лексику и подачей контекстов ее употребления, например «монетка — от чар кукушки на *g'úrden* (*lěkcě* — *da a rǎzbjēt kukǎjcata, na g'úrden*)» (с. 142) и др.

Исследуя народный календарь региона, А. Н. Соболев обращает внимание на бытующее в научной литературе «в принципе справедливое мнение о том, что большая часть праздничных дней исторически (восточно)христианского календаря отмечается также и мусульманами Балканского полуострова», в скобках давая важное уточнение: «и как реликт доисламского времени, и как следствие длительного совместного проживания разноконфессиональных групп» (с. 130). Удачным решением автора следует признать раздельное представление терминосистем православных носителей народной культуры (тем более, что этот материал дается как выборка фрагментов из исследований М. Филиповича, М. Новковского, В. Тончевой) и мусульман (по данным экспедиций автора, собранным от информантов из семейства Садику в мусульманском селе Требишта). Эта часть особенно интересна в плане дальнейших сравнительно-сопоставительных исследований славян-мусульман на Балканах. Отметим такие наименования народных праздников, как *žúrževden*, который автор достаточно оригинально трактует как ‘день животноводческих и апотропеических ритуалов’; *erémija*, обозначенный автором, соответственно, как ‘день полеводческих практик и апотропеических ритуалов’ (с. 136—137); *vasil'ica* ‘день, совпадающий с нынешним Новым годом’ (с. 138); *vél'igden* ‘день ритуалов, обеспечивающих плодородие’ (с. 138) и т. д. Авторское толкование приведенной терминологической лексики обосновано тем, что, с одной стороны, «этимологии эти для наших информантов непрозрачны» и «функциональных следов христианства тоже нет», но «тем не менее акциональный, предметный, вербальный код календарных ритуалов, совпадающих по времени и месту действия у христиан и мусульман, зачастую един» (с. 139). Разумеется, термины не только совпадают с христианской праздничной терминологией, но и являются реликтами соответствующих православных наименований (в честь тех или иных святых или важных религиозных событий), содержание праздников также сохраняется и отражает прежде всего дохристианские архаические представления о достижении благополучия и достатка в семье, например *vél'igden*, т. е. Пасха: «шелухой от лука красят яйца {...}, которые раздают детям и другим членам семьи, но одно хранят в доме круглый год; яйца нарекают по именам членов семьи, особо выделяют яйцо “для дома” {...}, через год старое яйцо выбрасывают в поле, чтобы был урожай (*za bérícēd da ímat*)» (с. 138). По нашим исследованиям, магические представления о приносящем урожай пасхальном яйце, которое хранят в течение года, широко известны в восточной части Балкан, особенно у македонцев, но редко встречается наречение яиц именами членов семьи,

включая «яйцо для дома», однако сама культурная парадигма весьма устойчива и традиционна, ср. указание на принадлежность ряда ритуальных предметов «дому», «двору», «загону», «пастуху», «детям» и т. д., например *чесница*, *среѣнка* или *среѣна* (букв. 'счастье'), запекаемые в сербский рождественско-новогодний хлеб щепочки, бобовые зерна и прочие предметы, предназначенные разным членам семьи и символизирующие разные сферы хозяйства, чему в других балканских культурных диалектах соответствует выпечка многочисленных хлебных изделий разной формы с названиями «поле», «виноградник», «волы», «дом», «серб» и т. д. [Плотникова 2004: 92—95, 381—383, 389—393].

Из существенных недостатков книги в целом следует отметить следующие: неоднородный характер представленных публикаций (некоторые разделы являются сугубо этнографическими, хотя перспектива для лингвистического исследования имеется всегда), отсутствие общей аннотации к коллективной монографии, недостаточную полноту ряда разделов (например, «Лексика» в части «Славяне Голо Бордо»). Хотелось бы видеть предметно-тематический указатель, а также лексический индекс, который в данном случае был бы особенно уместен, учитывая внимание многих авторов коллективной монографии к славизмам и турцизмам в албанском языке исследуемой территории, албанизмам, романизмам, тюркизмам и грецизмам у славян Голо Бордо и т. д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Домосилецкая и др. 1997 — Домосилецкая М. В., Жугра А. В., Клепикова Г. П. Малый диалектологический атлас балканских языков. Лексическая программа. СПб.: Наука, 1997. [Domosiletskaya M. V., Zhugra A. V. Klepikova G. P. *Malyyi dialektologicheskii atlas balkanskikh yazykov. Leksicheskaya programma*. [Small dialectological atlas of the Balkan languages. A lexical program]. St. Petersburg: Nauka, 1997.]
- МДАБЯ — Малый диалектологический атлас балканских языков/А. Н. Соболев (ред.). München, 2003—2013. [*Malyyi dialektologicheskii atlas balkanskikh yazykov* [Small dialectological atlas of the Balkan languages]. Sobolev A. N. (ed.). München, 2003—2013.]
- Плотникова 1996/2009 — Плотникова А. А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1996. Переизд.: М.: Институт славяноведения РАН, 2009. [Plotnikova A. A. *Materialy dlya etnolingvisticheskogo izucheniya balkanoslavyanskogo areala* [Materials for ethnolinguistic study of the Balkan-Slavic area]. Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies, Russian Academy of Sciences, 1996. Reprint: Moscow: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 2009.]
- Плотникова 2004 — Плотникова А. А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004. [Plotnikova A. A. *Etnolingvisticheskaya geografiya Yuzhnoi Slavi* [Ethnolinguistic geography of South Slavia]. Moscow: Indrik, 2004.]
- Плотникова 2016 — Плотникова А. А. Славянские островные ареалы: архаика и инновации. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. [Plotnikova A. A. *Slavyanskie ostrovnye arealy: arkhayka i innovatsii* [Slavic insular areas: Archaic features and innovations]. Moscow: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 2016.]
- ПЭС — Полесский этнолингвистический сборник. М.: Наука, 1983. [*Poleskii etnolingvisticheskii sbornik* [Polesye ethnolinguistic collection]. Moscow: Nauka, 1983.]
- СД — Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1—5. М.: Международные отношения, 1995—2012. [*Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic antiquities: An ethnolinguistic dictionary]. Vol. 1—5. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 1995—2012.]
- Седакова 2007 — Седакова И. А. Балканские мотивы в языке и культуре болгар. Родинный текст. М.: Индрик, 2007. [Sedakova I. A. *Balkanskie motivy v yazyke i kul'ture bolgar. Rodinnyi tekst* [Balkan motives in the Bulgarian language and culture. The text of birth celebration]. Moscow: Indrik, 2007.]
- Славяне-мусульмане на Балканах 2014 — Славяне-мусульмане на Балканах: язык, культура, идентичность. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. [*Slavyane-musul'mane na Balkanakh: yazyk, kul'tura, identichnost'* [Muslim Slavs in the Balkans: Language, culture, identity]. Moscow: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 2014.]
- Соболев и др. 1997 — Соболев А. Н., Воронина И. И., Лопашов Ю. А., Русаков А. Ю. Малый диалектологический атлас балканских языков. Синтаксическая программа. СПб.: ИЛИ РАН,

1997. [Sobolev A. N., Voronina I. I., Lopashov Yu. A., Rusakov A. Yu. *Malyi dialektologicheskii atlas balkanskikh yazykov. Sintaksicheskaya programma* [Small dialectological atlas of the Balkan languages. A syntactic program]. St. Petersburg: Institute of Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, 1997.]
- Соболев 2012 — Соболев А. Н. О македонском говоре села Требиште, Голо Бордо, Албания // Македонски јазик. 2012. Год. LXIII. С. 42—71. [Sobolev A. N. On the Macedonian idiom of the village of Trebishte, Golo Bordo, Albania. *Makedonski jazik*. 2012. No. LXIII. Pp. 42—71.]
- Соболев 2013 — Соболев А. Н. Введение в лингвокультурную антропогеографию Балканского полуострова. Т. I. Homo balcanicus и его пространство. СПб.: Наука, 2013. [Sobolev A. N. *Vvedenie v lingvokul'turnuyu antropogeografiyu Balkanskogo poluostrova*. T. I. *Homo balcanicus i ego prostranstvo* [Introduction to linguocultural anthropogeography of the Balkan peninsula. Vol. I. Homo balcanicus and his space]. St. Petersburg: Nauka, 2013.]
- Цивьян 1990 — Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. М.: Наука, 1990. [Tsiv'yan T. V. *Lingvisticheskie osnovy balkanskoi modeli mira* [Linguistic fundamentals of the Balkan model of the world]. Moscow: Nauka, 1990.]
- Nowicka, Głuszkowski 2013 — *Słowiańskie wyspy językowe i kulturowe*. Nowicka E., Głuszkowski M. (red.). Toruń: Eikon, 2013.

GUIDELINES FOR CONTRIBUTORS

Submission of papers

1. Authors submitting articles to the editorial office of “Voprosy Jazykoznanija” should follow the publication rules. See Publication ethics at <http://vja.ruslang.ru>.
2. Submissions should be sent in DOC and PDF formats to the editorial office by e-mail: voprosy@mail.ru. It is also recommended to enclose non-standard fonts and illustrations, if there are any.
3. The author must also provide a signed copyright transfer agreement (for articles accepted for publication in accordance with the decision of the editorial board).
4. Information about the author should be provided in the accompanying letter: full name, city, country, affiliation, position, email address.
5. The author's details should not appear in the document itself as well as its properties (as far as possible, the authors should not be identifiable from references and acknowledgements; the latter should be provided in a separate file).
6. Manuscripts in Russian and English are accepted; the text should follow the norms and spelling conventions of the literary language and, if necessary, should be checked by a native speaker before submission.
7. Any materials that have been previously published or sent to the editorial offices of other journals will not be accepted as well as materials that lie outside the scope of the relevant topics of the journal or do not satisfy the Basic rules of the text layout.
8. When a review is submitted, the editorial office may request a copy of the reviewed book (the book may be later returned to the reviewers).

Peer review process

1. All materials submitted to the editorial office are selected on the basis of anonymous (double-blind) independent peer review process and the decision of the editorial board of the journal.
2. Submitted materials that correspond to the relevant topics of the journal are generally reviewed within three months from the date of submission. The authors are notified of the dates of the next meeting of the editorial board.

3. All publications are free of charge for the authors.
4. The editorial board makes a decision (to approve, to reject, to revise and resubmit) based on the reviewers' comments. The decision of the editorial board and the reviews are sent to the authors in electronic form.
5. In case of “revise and resubmit” decision, the revised version undergoes a new round of reviewing and is accepted for publication if the previous shortcomings are eliminated.
6. Accepted materials are generally published within six months from the date of acceptance.
7. Upon publication, the authors receive an off-print of their publication (in electronic form only).

Basic rules of the text layout

The text of the article must be submitted in Microsoft Word for Windows format (.doc or .docx) as well as in PDF format.

The recommended size of submitted research papers is 40 000 symbols (max. 60 000 symbols). The recommended size of submitted review articles is 20 000 symbols (max. 30 000 symbols).

Font size: 12, line spacing: 1,5.

The title of the article should be followed by the abstract and keywords. The title and headings are given in bold.

1. The examples in the text are usually given in italics, and their translation in single quotes.
2. For emphasizing, 2 pt spacing, small caps, or bold is used, terms are highlighted by quotation marks (not italics).
3. Footnotes must be on the same page where the citation is given.
4. References inside the text are put in square brackets: [Иванов 1998]. After the year of issue, a colon and page number(s) follow: [Иванов 1998: 35], or [Иванов 1998: 35—50], or [Иванов 1998: 35, 45, 50], or [Иванов 1998: 35 и сл.; Haspelmath 2008: 23 ff.]. To avoid mistakes, the initials of the author are specified: [А. Е. Кибрик 2003; А. А. Кибрик 2003]. If several works by the same author for the same year are mentioned in the References, alphabetic specifications should be used: [Иванов 1998a; 1998b; Bailyn 1995a; 1995b].

Basic rules of references presentation are available at <http://vja.ruslang.ru>.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Правила предоставления рукописи

1. Авторы, предоставляющие рукописи в редакцию журнала «Вопросы языкознания», должны следовать публикационным правилам. См. на сайте раздел о публикационной этике.
2. Рукопись предоставляется в электронном виде в форматах DOC и PDF по адресу: vorposy@mail.ru (и по запросу в распечатанном виде). Также необходимо прикладывать нестандартные шрифты и иллюстрации, если таковые использовались.
3. Необходимо также предоставить подписанный договор о передаче авторского права (для статей, решением редколлегии принятых к печати).
4. В сопроводительном письме должны быть указаны сведения об авторе: ФИО полностью, город, страна, место работы, занимаемая должность, ученая степень, телефон, электронный адрес.
5. Текст и метаданные рукописи не должны содержать информации об авторе (в том числе при цитировании внутри текста, в виде ссылок на грант и благодарностей; последние при необходимости могут быть присланы в отдельном файле).
6. Принимаются рукописи на русском или английском языке; текст должен соответствовать письменным нормам и при необходимости должен быть вычитан носителем.
7. Материалы, опубликованные ранее или направленные в редакции других журналов, не принимаются, равно как и материалы, не соответствующие тематике журнала и правилам оформления статей.

8. При поступлении рецензии редакция может запросить экземпляр рецензируемой книги (по просьбе автора рецензии книга будет ему возвращена).

Порядок рецензирования рукописей

1. Все поступающие в редакцию материалы отбираются на основе анонимного независимого внутреннего рецензирования и решения редколлегии журнала.
2. Поступающие материалы, в случае их соответствия тематике журнала, рассматриваются в течение трех месяцев с момента подачи. Авторы уведомляются о сроках рецензирования и времени проведения ближайшего заседания редколлегии.
3. Все публикации для авторов бесплатны.
4. Редколлегия выносит решение: одобрить или отказать, доработать или переработать с учетом замечаний, сделанных рецензентами. Решение редакционной коллегии и отзывы рецензентов направляются автору в электронном виде.
5. Если было принято решение доработать или переработать материал, то статья с исправлениями повторно посылается рецензентам и принимается к печати при условии учета отмеченных недостатков.
6. Принятые материалы публикуются в течение полугода с момента решения редколлегии журнала.
7. После публикации редакция посылает авторам электронные отгиски их статей.

Основные правила оформления текста статьи смотрите на сайте журнала: <http://vja.ruslang.ru>.

Подписано к печати 27.06.2017	Дата выхода в свет 28.08.2017
Формат 70×100% Цифровая печать	Усл. печ. л. 13,0 Усл. кр.-отт. 5,3 тыс.
Уч.-изд. л. 15,5 Бум. л. 5,0	Тираж 392 экз. Зак. 1250
Цена свободная	

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-66704 от 28 июля 2016 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
У ч р е д и т е л ь: Российская академия наук

И з д а т е л ь: Российская академия наук. Издательство «Наука»,
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

А д р е с р е д а к ц и и: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка,
телефон +7 495 637-25-16

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым

Отпечатано в ФГУП Издательство «Наука» (Типография «Наука»), 121099, Москва, Шубинский пер., 6